

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139
e-ISSN 1816-8590

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2018. № 3(111)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.
Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@sziu.ranepa

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2018
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2018
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Репин Д. А. — доктор социологических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, врио директора Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукулина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Омск);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Repin D. A. — Doctor of Science (Sociology), Deputy Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Omsk);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 8 ФИРСОВ В. В.**
Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы
в уголовном процессе

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- 14 БЕК И.**
Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы
для горизонтального измерения европейской интеграции
- 22 АНДРЕЕВА Е. С.**
Анализ восприятия интеграционных процессов в армянском обществе

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 28 ШАМАХОВ В. А., ИСАЕВ А. П., ЯНОВСКИЙ В. В.**
Критические факторы окружающей среды в стратегии развития
Арктической зоны
- 41 БОЧУРОВ А. А., КУРБАНОВ А. Х., ЛИТВИНЕНКО А. Н.**
Вопросы экономической безопасности
в оборонно-промышленном комплексе
- 52 ЖИРЯЕВА Е. В.**
Экономические и политические результаты членства Российской
Федерации в ВТО: оценка на базе теорий международных организаций
- 65 ШУНАЕВ А. М.**
Опыт борьбы с коррупцией в Южной Корее и Сингапуре

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 72 АЛЕКСАНДРОВ В. Б.**
О природе русского либерализма
- 84 ЦАЦУЛИН А. Н.**
Можно ли успешно сражаться с коррупцией, перебирая старые четки?
- 94 КИМ М. Н.**
Информационное обеспечение процесса управления рекламой
- 103 ПОПОВ Д. Г., ФОКИНА В. В.**
Влияние научно-технического прогресса
на трансформацию ресурсов власти и общества

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 114 ГУРКИНА Н. К.**
Представления о капитализме в системе знаний советского школьника
- 127 КОЛЕСНИКОВ Д. Е.**
Деятели культурной финномании и их вклад в финское национальное
движение

A LINEA

- 132 КОСТИН А. Э.**
Интегрированная бизнес-группа как субъект публичной политики:
кейс АО «Газпром-Медиа Холдинг»
- 140 РЫБКИН Р. Ю.**
Основные направления российско-китайского сотрудничества: история
и современность
- 146 ВОРОНКОВ С. С.**
Особенности формирования стратегии продовольственного рынка Санкт-
Петербурга
- 157 СТАФЕЕВА Н. П.**
Оценка современного состояния и перспективы развития транспортно-
логистической системы Российской Федерации в контексте управления
рисками
- 166 ХИЖНЯК М. В.**
Информационное наступление Китая в Африке

POLICY AND LAWFUL STATE

- 8 FIRSOV V. V.**
Problems of Classification and the Place of Judicial Tax Examination
in Criminal Trial

EURASIAN STUDIES

- 14 BECK J.**
Cross-Border Cooperation: Challenges and Perspectives for the Horizontal
Dimension of European Integration
- 22 ANDREEVA E. S.**
The Analysis of Perception of Integration Processes in Armenian Society

POWER AND ECONOMY

- 28 SHAMAKHOV V. A., ISAEV A. P., YANOVSKIY V. V.**
Critical Environmental Factors in the Arctic Development Strategy
- 41 BOCHUROV A. A., KURBANOV A. H., LITVINENKO A. N.**
Issues of Economic Security in the Military-Industrial Complex
- 52 ZHIRYAEVA E. V.**
Economic and Political Results of the Russian Federation WTO Membership:
Assessment on the Base of International Organizations Theories
- 65 SHUNAEV A. M.**
The Experience of Combating Corruption in South Korea and Singapore

SOCIETY AND REFORMS

- 72 ALEKSANDROV V. B.**
On the Nature of the Russian Liberalism
- 84 TSATSULIN A. N.**
Is it Possible to Successfully Combat Corruption
by Scanning Old Rosaries?
- 94 KIM M. N.**
Information Support of Process of Advertizing Management
- 103 POPOV D. G., FOKINA V. V.**
The Influence of Scientific and Technical Progress on the Transformation
of Power and Society Resources

HISTORY AND CULTURE

- 114 GURKINA N. K.**
Beliefs of Capitalism in the System of Knowledge of the Soviet Pupil
- 127 KOLESNIKOV D. E.**
Actors of the Cultural Fennomania and Their Contribution
to Finnish National Movement

A LINEA

- 132 KOSTIN A. E.**
Integrated Group of Companies as Subject of Public Policy by the Case of JSC «Gazprom-Media Holding»
- 140 RYBKIN R. Yu.**
The Main Directions of Russian-Chinese Cooperation: History and Modernity
- 146 VORONKOV S. S.**
Features of Strategy's Creation of the St. Petersburg Food Market
- 157 STAFEEVA N. P.**
Assessment of the Current State and Prospects for the Development of the Transport and Logistics System in Russia Federation in the Context of Risk Management
- 166 KHIZHNYAK M. V.**
Information Invasion of China in Africa

Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе

Фирсов В. В.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ; vitaliy-viktorovich@list.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется судебная налоговая экспертиза как самостоятельный вид экспертиз в уголовном процессе. В частности, исследуются подходы к классификации судебных налоговых экспертиз, особенности их назначения, объекты и задачи. На основе осуществленного научного экономико-правового анализа раскрываются актуальные проблемы назначения и производства сравнительно нового вида судебно-экономических экспертиз налоговой экспертизы. Автор анализируется место и роль данной экспертизы в процессе расследования уклонений от уплаты налогов и/или сборов с организаций.

Ключевые слова: судебная налоговая экспертиза, уголовный процесс, финансовая отчетность, налоговая отчетность, классификация

Problems of Classification and the Place of Judicial Tax Examination in Criminal Trial

Firsov V. V.

Saint-Petersburg law institute (branch) of Federal Establishment of Higher Education «University of the Office of the Prosecutor of the Russian Federation»; vitaliy-viktorovich@list.ru

ABSTRACT

In the article judicial tax examination as an independent type of examinations in criminal trial is analyzed. In particular, approaches to classification of judicial tax examinations, features of their appointment, objects and tasks are investigated. Based on the carried-out scientific economical and legal analysis current problems of appointment and production of rather new type of judicial and economic examinations of tax examination reveal. The author analyzes the place and a role of this examination in the course of investigation of evasion from payment of taxes and/or collecting from the organizations.

Keywords: judicial tax examination, criminal trial, financial statements, tax reporting, classification

Судебная налоговая экспертиза как самостоятельный вид экспертизы в отечественном уголовном праве впервые была проведена по делу о деятельности С. Мавроди и его «финансовых пирамид». Во многом ее включение в дело было обусловлено тем, что иные экспертизы не позволяли выявить такой состав преступления, который позволил бы признать С. Мавроди виновным.

На современном этапе весьма дискуссионный характер имеет вопрос, связанный с выделением судебной налоговой экспертизы в особый род судебных экономических экспертиз. Например, И.И. Кучеров указывает, что специфика предмета судебной налоговой экспертизы, а также особенности и многомерность исследований говорят в пользу выделения налоговой экспертизы в самостоятельный вид экономических экспертиз. Дополнительным аргументом является и то, что экономическая, бухгалтерская и другие судебные экспертизы в делах, связанных с налоговыми преступлениями, не решают полностью задачи, стоящие при расследо-

вании подобных уголовных дел [6]. В связи с данной проблемой актуальна и более детальная классификация судебных налоговых экспертиз.

Д. Н. Борисов [1] в данном ключе предложил наиболее простую классификацию налоговых экспертиз — по предмету экспертизы. Экспертизу, исследующую правильность исчисления и полноту уплаты налогов (сборов, взносов), он называет судебно-налоговедческой экспертизой, а экспертизу, при которой исчисление и уплата налогов исследуются совместно с иными экономическими проблемами — судебно-экономической. Однако в данном подходе речь идет лишь об отделении судебной налоговой экспертизы в самостоятельный вид, а не о классификации именно налоговых экспертиз.

Э. Ф. Мусин и С. В. Ефимов [5] предлагают классифицировать судебные налоговые экспертизы по тому, на какие вопросы отвечают их исследования, и в данном ключе можно выделить три вида налоговых экспертиз:

1. Экспертизы, устанавливающие соответствие законодательству налоговой базы по налогу на прибыль, т.е. экспертизы, устанавливающие сокрытие доходов и объем сокрытых доходов, а также размер истинной налоговой базы.
2. Экспертизы, отвечающие на вопрос, верен ли порядок исчисления и уплаты налога на прибыль, и если не верен, то влияет ли неправильность его применения на размер налога.
3. Экспертизы, отвечающие на вопрос о том, отражены ли в документации те или иные операции и экономическая деятельность предприятия (продажи, поставки, предоставление услуг). Если нет, то насколько это повлияло на налоги [7].

В данном подходе можно выявить разницу в самом смысле экспертизы, в частности, в первом виде налоговых экспертиз устанавливается собственно преступный умысел сокрытия доходов, состав преступления, а во втором и третьем случае экспертиза предполагает выявление объема экономического ущерба (который, впоследствии и определит объем наказания). В рамках подобной классификации, вероятно, целесообразно выделить два вида налоговых экспертиз: экспертизы, устанавливающие наличие/отсутствие состава преступления (имеет ли место сокрытие доходов, неверная уплата налогов и т.д.), и экспертизы, устанавливающие объем вреда от противоправной деятельности, в случае, когда факт такой деятельности уже доказан.

Можно выделить различные виды судебной налоговой экспертизы по ее месту в процессе рассмотрения уголовного дела, в частности, это такие виды судебных налоговых экспертиз, как дополнительная (в дополнение к уже имеющимся, выявленным ранее данным), повторная (проверочная), комиссионная и комплексная. Однако указанная классификация применима и к иным видам экономических экспертиз, ввиду чего не является «уникальной» для налоговых экспертиз.

Достаточно спорной на современном этапе является точка зрения на классификацию судебных налоговых экспертиз по поставленным перед ними задачам. В данном ключе выделяют такие виды налоговых экспертиз, как:

- экспертизы, определяющие объемы сокрытия прибыли за тот или иной налоговый период;
- экспертизы, определяющие размер неуплаченных организацией налогов (сборов, взносов);
- экспертизы, выявляющие суммы необоснованного завышения расходов на выполнение работ, товары, услуги. Данный вид экспертиз особенно актуален для организаций, занимающихся государственными закупками по тендерам. И в данном случае можно предложить выделить особый род налоговых экспертиз, исследующих строго процесс правильности ведения госзакупок, исчисления тарифов на товары и услуги, предотвращение коррупции;
- экспертизы, определяющие фактические результаты финансово-хозяйственной деятельности организации.

Следует отметить, что такая классификация по задачам представляется несколько неполной, ввиду того, что полный анализ хозяйственной и финансовой деятельности организации является одним из основных принципов судебных налоговых экспертиз, в связи с чем присутствует так или иначе во всех видах экспертиз.

Ввиду того, что налоговая экспертиза в сфере уголовного права решает в большей степени не идентификационные задачи (поскольку преступление уже расследуется, а экспертиза назначается в отношении потенциально виновного лица), а диагностические, можно выделить различные виды судебных налоговых экспертиз по предмету их диагностики, в частности:

- 1) экспертизы, устанавливающие причинно-следственные связи между фактами недостоверной отчетности ведения хозяйственной деятельности и материальными последствиями подобной неверной отчетности;
- 2) экспертизы, устанавливающие намеренное/случайное неверное исчисление и уплату налогов (т.е. намерения виновного лица, относительно исполнения законодательства о налогах и сборах), что существенно влияет на степень ответственности.

Следует отметить, что классификация судебных налоговых экспертиз по задачам требует дополнительной проработки, поскольку, в качестве типичных задач судебной налоговой экспертизы указывают только две: задача, касающаяся подтверждения правильного формирования налоговой базы (прибыли) и задача по определению общей суммы подлежащих уплате налогов и суммы сокрытых налогов. Столь общие задачи, безусловно, не отражают многообразия нюансов проведения судебной налоговой экспертизы [4].

Более конкретные задачи налоговых экспертиз характеризуют их конечную цель (собственно, искомый факт), а также условия достижения этой цели, что также может быть использовано при классификации судебных налоговых экспертиз, однако требует дополнительной проработки. Классификации такого рода должны принимать в расчет данные, с учетом которых комиссия экспертов или отдельный эксперт действует, чтобы ответить на поставленные следствием (судом) вопросы. Однако подобный подход к классификации представляется достаточно сложным, поскольку в процессе экспертной оценки, работы экспертов, их исследования любые конкретные задачи так или иначе преобразуются в систему более частных подзадач по конкретному делу, которые могут и не иметь места в иных, пусть даже сходных по составу и условиям уголовных делах.

Таким образом, проблема классификации судебных налоговых экспертиз на современном этапе представляется достаточно сложной в решении, требует комплексного подхода, а сама классификация судебных налоговых экспертиз в ее «конечном» варианте, вероятно, будет иметь достаточно сложную иерархическую структуру ввиду многообразия предметов и условий налоговых экспертиз.

Проведение судебной налоговой экспертизы необходимо в делах, связанных с соблюдением налогового законодательства, установлением порядка уплаты налогов и сборов и соответствия этого порядка законодательно регламентированному. Ввиду того, что налоговые правонарушения на современном этапе являются одними из наиболее распространенных, грамотный подход к организации судебной налоговой экспертизы весьма актуален. Как и в случае иной судебной экспертизы, целью налоговой экспертизы является установление фактов (обстоятельств дела), а более частной задачей — исследование элементов, закономерностей и субъектов системы налогообложения, оценка полноты и правильности бухгалтерского и/или налогового учета, установление суммы уплаченных/сокрытых налогов, соответствие полноты их исчисления законодательным требованиям [3].

Подобный подход к определению судебной налоговой экспертизы по сути является верным, однако не отражает некоторой ее специфики, в частности, того, что налоговая экспертиза призвана по большей части решать диагностические задачи,

состоящие в выявлении способа, процесса и последовательности действий субъектов налогового права, данных учета и контроля финансовых операций. Основными из диагностических задач судебной экспертизы можно назвать ситуационные задачи (например, «имела ли место неуплата налогов за определенный период деятельности?»). Необходимо подчеркнуть, что судебная налоговая экспертиза фактически не решает идентификационных задач, что также является ее особенностью.

Отсутствие детальных характеристик судебной налоговой экспертизы обусловлено тем, что данный вид экспертизы является новым родом экспертиз в системе их классификации, в связи с чем детальные формулировки ее предмета, цели, задач находятся на стадии становления. Кроме того, особенностью судебной налоговой экспертизы, как указывает ряд авторов, является и необходимость привлечения специализированных экспертов, «обладающих знаниями как в области налогового и уголовного права, так и в сфере экономического учета, анализа, аудита» [2].

По данному мнению можно отметить, что компетенция и профессиональная подготовка эксперта судебной налоговой экспертизы напрямую связана с ее предметом — правильностью и полнотой исчисления и уплаты налогов, а также возмещением вреда, которое и составляет сущность уголовной ответственности за налоговые преступления, что также отражает специфику судебной налоговой экспертизы, задача которой, помимо прочего — установить объем вреда, подлежащего возмещению.

В настоящее время установлено, что налоговая судебная экспертиза представляет собой изучение первичных учетных финансовых документов, касающихся налогообложения и налоговой отчетности. Вместе с тем некоторые правоведы не признают существование налоговой судебной экспертизы, как самостоятельного вида экспертизы. В свою очередь, авторы, признающие существование налоговой экспертизы, как особого рода экспертиз, весьма неоднозначно трактуют ее задачи и предмет, недостаточно разграничивают черты судебно-бухгалтерской налоговой экспертизы.

Объекты налоговой экспертизы подразделяют на основные и вспомогательные. Основными объектами являются составленные по форме учетные финансовые документы, касающиеся непосредственно расчетов по сборам и налогам. Вспомогательные объекты представлены внеучетными документами, исследуемыми во взаимосвязи с основными (например, учредительные документы, различные договоры и акты налоговых проверок).

Многие авторы указывают на то, что при назначении по отдельно взятому уголовному делу судебной экспертизы экономической деятельности необходимо правильно установить ее род (бухгалтерская, налоговая, финансово-экономическая и т. д.), определить вопросы и задачи для эксперта. В связи с этим, можно предложить требования, которым должны соответствовать вопросы, возлагаемые именно на судебную налоговую экспертизу. В первую очередь, вопросы должны являться существенными для конкретного дела, а кроме того, они должны относиться к сфере налогового законодательства, налогов и сборов, а для ответа на них необходимо применение специализированных знаний и методов оценки в указанной области. Назначение судебной налоговой экспертизы целесообразно в случае, когда суд не может ответить сам на возникшие вопросы в сфере налогов или же эти вопросы могут быть разрешены исключительно через проведение налоговой экспертизы.

Особое внимание следует уделить комиссионной экспертизе. Специфика комиссионной налоговой судебной экспертизы состоит в том, что изучение ее объектов производит группа экспертов совместно, согласуя свои действия на всех стадиях

исследования. Подобное совместное изучение объектов экспертизы — налоговых документов, может быть необходимо ввиду того, что финансовые операции в отдельно взятой организации взаимосвязаны, и, зачастую, не могут быть оценены отдельно или разделены между разными экспертами.

Рассматривая проблему организации комплексной судебной экспертизы, можно отметить, что такая экспертиза будет состоять не в распределении объектов по экспертам, а в совместном исследовании одного объекта несколькими экспертами. К примеру, при проведении экспертизы программного обеспечения, которое содержит базу программы налогового учета, сотрудник компьютерно-технической экспертизы применяет специализированные методы для поиска данных, а «налоговый» эксперт интерпретирует эти данные. Учитывая подобные сложности подготовки исследуемых материалов для налоговой судебной экспертизы, целесообразно ставить вопрос достаточности ее объектов уже на подготовительной стадии исследования (при определении перечня этих объектов).

Подводя итог вышесказанному и учитывая специфику судебной налоговой экспертизы, можно отметить такие ее характерные, неспецифичные для уголовного права, черты, как назначение (решение диагностических, а не идентификационных задач), особый статус и квалификация экспертов, необходимость в ряде случаев привлечения группы экспертов разных специальностей, недостаточно регламентированный правовой статус — трактовка как самостоятельного / несамостоятельного вида судебных экспертиз.

Литература

1. Борисов Д. Н. Корпоративные информационные системы: учеб.-метод. пособие для вузов. Воронеж : Изд. центр ВГУ, 2007.
2. Боровков А. В. Место и роль налоговой судебной экспертизы в процессе расследования преступлений, предусмотренных статьей 199 УК РФ // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 5: юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 197–200.
3. Голикова В. В. Задачи судебной налоговой экспертизы // Эксперт-Криминалист. 2010. № 4. С. 15–17.
4. Голикова В. В. Особенности назначения судебной налоговой экспертизы // Материалы круглого стола «К 90-летию со дня рождения Р. С. Белкина». М. : МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2016. С. 52–58.
5. Ефимов С. В., Мусин Э. Ф. Современное состояние и возможности судебно-экономических экспертиз в органах внутренних дел Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 4(8). С. 91–96.
6. Кучеров И. И. Налоговые преступления (теория и практика расследования): монография. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2015.
7. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма, 2014.

Об авторе:

Фирсов Виталий Викторович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции; vitaliy-viktorovich@list.ru

References

1. Borisov D. N. Corporate information systems. An educational and methodical tutorial for higher education institutions. Voronezh : Publishing and printing center of Voronezh State University, 2007.
2. Borovkov A. V. The place and a role of tax judicial examination in the course of investigation of the crimes provided by article 199 Criminal Code of the Russian Federation // Messenger

- Volgograd State University [Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo un-ta]. Series 5: law. 2012. N 2 (17). P. 197–200.
3. Golikova V. V. Problems of judicial tax examination // Forensic expert [Ekspert-Kriminalist]. 2010. N 4. P. 15–17.
 4. Golikova V. V. Features of purpose of judicial tax examination // Materials of a round table "To the 90 anniversary since the birth of R. S. Belkin" [Materialy kruglogo stola «K 90-letiyu so dnya rozhdeniya R. S. Belkina»]. M. : O. E. Kutafin MSJA, 2016. P. 52–58.
 5. Efimov S. V., Musin E. F. The current state and possibilities of judicial and economic examinations in law-enforcement bodies of the Russian Federation // Theory and practice of judicial examination [Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy]. 2007. N 4 (8). P. 91–96.
 6. Kuchеров I. I. Tax crimes (theory and practice of investigation): monograph. M. : Yurinfor-Press, 2015. 288 p.
 7. Rossinskaya, E. R. Theory of judicial examination / E. R. Rossinskaya, E. I. Galyashina, A. M. Zinin; under the editorship of E. R. Rossinskaya. M. : Norm, 2014. 384 p.

About the author:

Vitaly V. Firsov, Associate Professor of the Chair of State and Legal Disciplines of Saint-Petersburg law institute (branch) of Federal Establishment of Higher Education "University of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation" (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Councilor of Justice; vitaliy-viktorovich@list.ru

Cross-Border Cooperation: Challenges and Perspectives for the Horizontal Dimension of European Integration*

Beck J.

University of Applied Sciences Kehl / Euro-Institute, Germany, Joachim.beck@hs-kehl.de

Трансграничное сотрудничество: вызовы и перспективы для горизонтального измерения европейской интеграции

Бек И.

Университет прикладных наук г. Кель / Евроинститут, Германия, Joachim.beck@hs-kehl.de

Part 3. Creation of Cross-Border Institutes as Challenge

Cross-border institution building as challenge

With regard to the functional task-focus, practical cross-border cooperation approaches in Europe are covering a wide range of material fields of action. Depending on the respective territorial context, these cover classical fields of regional development (such as spatial — and urban development planning, economic development, research and development, transport etc.), specific approaches of cooperation in sectoral policy areas (health, social security, education and training, science and research, environment, conservation and tourism, etc.) or areas of public services of general interest (supply and disposal, security, infrastructure, leisure and sport etc.). A classification of these various tasks, as relevant for the question of the challenge of cross-border institution-building, can be developed on the basis of the dimensions of «thematic orientation» and the characteristic “functional role” cross-border-cooperation is de facto providing.

Regarding the criteria of *thematic differentiation* a task-classification can lead to the following typology (Beck 2017):

Type A: Cooperation within the framework of mono-thematic projects (bridges, bike paths, bus-lines, kindergardens, information services for citizens, businesses, tourists, etc.) including INTERREG-life-cycle management («single issue»);

Type B: Cooperation within entire policy-fields (environment, health, transport, education, science and research, etc.) («policy-related»);

Type C: Cross-topic cooperation like programming / implementation / management of INTERREG programme; cooperation taking place within political bodies such as government commissions, Euroregions, Eurodistricts; Inter-sectoral cooperation taking place

* *Continuation.* See the beginning: Administrative consulting. 2018. N 1. P. 56–62; N 2. P. 32–42. This article is based on a lecture given by the author at the North-West Institute of Management (NWIM), Branch of RANEPA, Faculty of International Relations on 16 May 2017 during a study visit of a delegation from the University of Applied Sciences, Kehl. I'd like to thank my colleague Prof. Dr. Sergej Baranetz and Kristina Epshteyn-Wessely from NWIM RANEPA for their kind support in having arranged this lecture.

within the framework of innovative networked governance approaches of territorial development («integrated-cross-sectorial»)¹.

In contrast, the typology of the criteria of *“functional role of cooperation”* refers to a variation in the intensity of cooperation requirements and the related performance of duties and tasks. Six ideal types of functional levels of cross-border cooperation can be identified here, that build on each other in practice — in the sense of a core process — and which are very often sequentially interlinked in the sense of different stages of development:

Type 1: The encounter between actors from various national political and administrative contexts can be considered as a basic function of the cross-border tasks. The aspects of mutual learning and the exchange about the respective specifications of the home context mark this level. Mutual meeting promotes mutual understanding and thus forms the basis for building trusting reciprocal relationships.

Type 2: On this basis, the partners can then enter into the second phase, which is characterized by a regular mutual information.

Type 3: Once informative cross-border relations are sustainable, these lead to the cross-border coordination of the relevant actions and policies of the partners involved in the third step.

Type 4: From this, the demand to develop joint cross-border planning and strategies that can ensure a coordinated, integrated approach in relevant fields arises as a fourth level.

Type 5: On this basis, then joint decisions can be made, which eventually lead to

Type 6: Shared, integrated and coordinated cross-border implementation of tasks on a sixth level.

This classification of six cross-border functional levels, building on each other, stands for the empirical observation that both the intensity, the liability, as well as the integration of the cooperation grows from one level to the other. Each stage itself represents a necessary and legitimate dimension and precondition of the effective fulfillment of cross-border tasks. In addition, the six levels are also representing different logics of interaction between the actors involved: while the first two levels are primarily a level of discourse, the following two stages focus rather on the structuring of the relations of interaction as such whereas the last two levels refer to implementation-related joint actions in a transnational context. Accordingly a reliable cross-border task-fulfillment is therefore only given (and possible) if all functions in all six reference levels are realized. The observation, that the two functions “decision” and “implementation” often still show empirical deficits (Beck/Pradier 2011) illustrates the challenges regarding the state of implementation of an integrated cross-border policy in many cross-border constellations.

Figure 1 summarizes the model of different functional levels of cross-border cooperation.

Territorial cooperation of the new generation tries to increasingly promote integrated development of cross-border potentials (Ahner/Füchtner 2010). Thus the question, by which means of institution-building this territorial development can best be accomplished, is more and more on the agenda in many border regions.

Institutions can be understood as stable, permanent facilities for the production, regulation, or implementation of specific purposes (Schubert/Klein 2015). Such purposes can refer both to social behavior, norms, concrete material or to non-material objects. Following the understanding of administrative sciences, institutions can in this way be interpreted as corridors of collective action, playing the role of a “structural suggestion” for the organized interaction between different actors (Kuhlmann/Wollmann 2013, p. 51). The question of the emergence and changeability of such institutional arrangements in the sense of “institutional dynamics” (Olson 1992) is subject to a more recent academic school

¹ I will refer back to this classification below, when discussing different degrees of institutionalization.

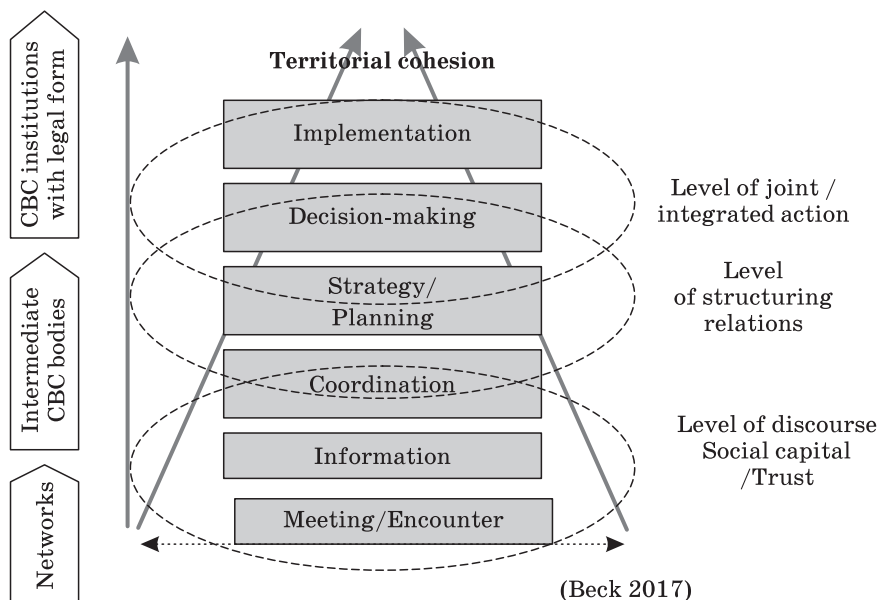

Fig. 1. Functional levels of cross-border cooperation

of thinking, trying to integrate the various mono-disciplinary theoretical premises under the conceptual framework of neo-institutionalism. Following Kuhlmann/Wollmann (2013, p. 52) three main theoretical lines of argument can be distinguished here:

Classical historical neo-institutionalism (Pierson 2004) assumes that institutions as historically evolved artefacts can be changed only very partially and usually such change only takes place in the context of broader historical political fractures. Institutional functions, in this interpretation, impact on actors, trying to change given institutional arrangements or develop institutional innovations, rather in the sense of restrictions. The classical argument here is the notion of path-dependency. In contrast, rational-choice and/or actor-centered neo-institutionalism (Scharpf 2006; March/Olson 1989) emphasizes the interest-related configurability of institutions (in the sense of “institutional choice”), however, the choices that can realistically be realized depend on the (limited) variability of the existing institutional setting. Approaches of sociological neo-institutionalism (Edeling 1999; Benz 2009), on their turn, also basically recognize the interest-related configurability of institutions, however — rejecting the often rather limited model in institutional economics of a simple individual utility maximization of actors — emphasize more on issues like group-membership, thematic identification or cultural adherence as explanatory variables for the characteristics of institutional patterns.

With regard to the conceptual use of neo-institutionalist thinking, territorial cooperation represents a twofold interesting application area. First it constitutes a object-based framework, to which the three above lines of argument are related: the territorial reference-frame of politics, in which institutional arrangements are de facto materializing themselves. Second, territorial cooperation itself, as dependent variable, can only be understood rightly, if — with regard to its genesis, structural and procedural functioning and material effectiveness — both the historical, actor-centered and sociological factors are considered as explanatory variables, taking into account their respective interdependency. The related research question here would refer to the functionality of different degrees and arrangements of such territorial institutionalism from the point of the partners involved: What institutional functions

are delivered and/or expected and where can they be situated within the continuum of loosely coupled (inter-institutional and inter-personal) networks in the sense of a „transnational governance“ on the one hand (Benz at al 2007; Blatter 2006) and more formal, institutionally solidified organizational structures in the sense of a “transnational government” on the other hand (Fürst 2011; König 2008, pp. 767; König 2015, pp. 216ff).

The basic reference points of such patterns of European territorial institutionalism are the related territorial cooperation-needs, which are in turn derived from the different thematic and functional tasks of territorial development itself and which can be understood as intervening variables of such forms of institutionalism: Different degrees of cooperative institutionalization, such would be the related hypothesis, can be interpreted as a territorially influenced function, resulting from the collective adjustment between different historically evolved and thus still rather persisting national systems (public administration, law, political, economic and social order, characterized by diverging functionalities), the interest-related interaction between the actors involved (local communities, territorial governments, enterprises, associations, universities etc. with individual institutional interests), and the cultural and group-related formations (administrative and organizational cultures, norms, leading ideas, mental models etc. of both the collective and individual actors) which are finally, in turn, impacted/influenced by a (interdependent) intervening territorial variables such as geographical location, socio-economic situation, the practical handling of functional development needs, policy-typologies and/or policy-mix, inter-cultural understanding (for further explanantion see: Beck 2017a).

The fact of different interests and systems meeting each other within the subsystem of cross-border cooperation marks both the complexity and the conditions under which joint institutional solutions can be developed cooperatively. Referring to the above described typology of CBC-tasks and functions, in principle, the need of institutionalization would depend on and increase in relation with the expanded level of both the tasks and the functions to fulfil. Following Beck (1997; 2017), Blatter (2000) and Zumbusch/Scherer (2015) the following figure suggests a model of territorial institutionalism in cross-border cooperation (fig. 2):

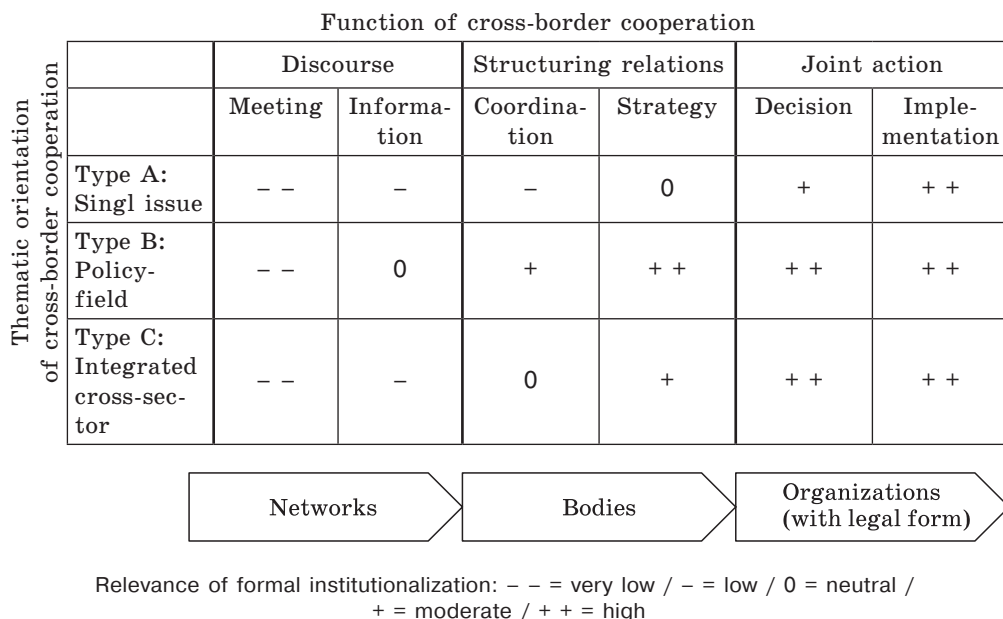

Fig. 2. Model of territorial institutionalism in cross-border cooperation

Conclusion: Setting the Frame for a Systemic Capacity-Building of Cross-Border Cooperation

In addition to training/facilitation and territorial institutionalism, which have been outlined in more detail above, four further components of a systemic cross-border capacity-building seem to be of particular strategic interest for the future:

Strengthening the evidence base of cross-border policy-making: One central weakness of most cross-border policy-making consists in the lack of tangible base-line information regarding both the real world strengths/weaknesses and the potentials of the cross-border territory in question. The national and regional statistics often suffer from a lack of comparability and specific analysis on the characteristics and the magnitude of the socio-economic cross-border phenomenon (be it mobility of citizens, economic exchanges and relations, transport and traffic movements, exchanges between universities, students, associations etc) suffers both from the challenge of quantification and qualification. In addition, the results of the SWOT-analysis carried out at the beginning of a new programming period, are often not really binding later on, when the selection of project applications actually takes place. In turn, both the programme and the project level have difficulties to describe and capture the specific cross-border added-value of the actions that were funded — mostly due to the absence of credible impact-indicators and a data generation that requires specific qualitative and quantitative methods.

Under the new generation of the cohesion policy, the idea of evidence based policy-making has a prominent place. Cross-border territories will have to strengthen their efforts to creating and proceeding tangible impact information in the near future. This is also a prerequisite for any cross-border policy-approach that wants to become more strategic in the sense of a more focused and concentrated pattern that concentrates on the integrated development of territorial potentials (360° perspective) instead of multiplying disconnected sectorial projects.

With the Impact Assessment toolkit for cross-border cooperation, the Centre for Cross Border Studies in Ireland and the Euro-Institute have developed an instrument that can be very significant in this regard, allowing for a much more evidence based policy- and project development in the future (Tailon/Beck/Rihm 2010).

Developing a multi-level-governance based on „horizontal subsidiarity“: In the perspective of a systemic capacity-building approach it seems desirable to strengthen and enlarge the scope of action of the sub-system of cross-border-cooperation in Europe. Overcoming the seven challenges cited above would require multi-level governance that leads both to a much closer and more integrated cooperation and a much clearer functional division of labour between the different levels of cooperation. In such a perspective the EU-level would anticipate impacts of future EU-initiatives on the cross-border territories at an early stage and would allow for a better inter-sectoral coordination between the different thematic policy-areas and institutional competences which have a logical border crossing dimension. Integrated policy-making would require, for instance, standing inter-service groups on cross-border cooperation, which are them themselves interlinked with relevant groups of the Committee of the Regions and the European Council and Parliament.

The member states (and their territorial subdivisions) would on the other hand support cross-border cooperation actively and would allow for flexible solutions to be developed on the borders. This would lead to a new operating principle, which I described recently as “horizontal subsidiarity” (Beck 2012b): Whenever a policy-field that is relevant for horizontal exchange, cannot be harmonized at the European level, member states should then at least try to setting the frame via direct coordination with their neighboring states. The term “horizontal subsidiarity” means in this respect, that with regards to cross-border policy-issues the “smaller” cross-border unit should have the possibility

to solve a problem or handle a question prior to the intervention of the “bigger” national jurisdiction. This would then require that the smaller unit will become enabled by the provision of the necessary legal flexibility: experimental and opening clauses in thematic regulations and exemptions based on *de minimis* rules (whenever a cross-border phenomenon does not exceed a certain level of magnitude — e.g. 5% of the population being commuters, 3% of the students studying at the neighbour-university, 2% of patients asking for medical treatment with a doctor beyond the border — an exception to the national rules will be allowed).

The local and regional actors on the other hand would have to develop shared cross-border services (Tomkinson 2007; AT KAERNY 2005) and transfer domestic local/regional competencies to joint cross-border bodies with real administrative competencies for concrete missions within relevant cross-border fields. Instead of building or maintaining relatively expensive public infrastructures separately on both sides of the border in service areas such as health, leisure time, schools, kindergarden, fairs, libraries but also transport operators, hospitals, fire department or civil protection etc., local and regional actors would develop complementary fields of specialization and share their infrastructures with local and regional actors from the neighboring state. This could give cross-border cooperation a completely new finality, allowing not only to save scarce resources but also to symbolize both the permeability and the added-value of the “joint” cross-border territory from the point of view of the ordinary citizen.

Developing subsidiarity within the crossborder-territory: In an area such as this, where there is freedom to undertake cross-border action strengthened by horizontal subsidiarity, two additional subsidiary perspectives must be taken into account. On the one hand, a vertical subsidiarity should be established within the cross-border areas of responsibility across the total spatial level (eg the total territory of the Danube macro-region, the total territory of the Lake Constance Conference, the total territory of the tri-national metropolitan region of the Upper Rhine) which would only become operative when the smaller cross-border entities (inter-municipal cooperation, Euro-districts, EUREGIOs, etc) receive excessive demands on their pragmatic, territorial expertise. Thus, distributions of functional and specific assignments on the proficiency scale could be developed in the cross-border area which would be likely to reduce any duplication of work which has been observed, and which is still widespread today, between the different actors, institutions and territorial levels of cross-border cooperation.

On the other hand, the prospects of intersectoral subsidiarity should also be greatly strengthened. While today, in most cross-border territories in Europe, cross-border issues are primarily the responsibility of political and administrative actors (the current configuration of European aid programmes sustains this trend), subsidiary cross-border cooperation should support more strongly sectoral ownership of cross-border systems in economy, science and research, and civil society. Public action contributions would therefore be in these sectors that, in the future, would need to better arrange cross-border action amongst themselves, either in a catalytic (eg to simulate project initiatives) or complementary way (eg in the form of financial assistance to initiatives coming from these very sectors), however they should not replace them either (Grabher. 1994; Scharpf 2006) In addition to the key public cross-border assignments (infrastructure, welfare, security against risks, etc), public actors could ultimately in such a perspective, divert the justifiable functional legitimacy to act from the long-term protection mission of posterity (Böhret 1990; Böhret 1993; Dror 2002) which should be visible in the integrated approaches of a cross-border sustainability strategy.

The conceptual foundation of the interlink between the subsidiarity and the governance dimension on the one hand and the vertical and horizontal differentiation of both

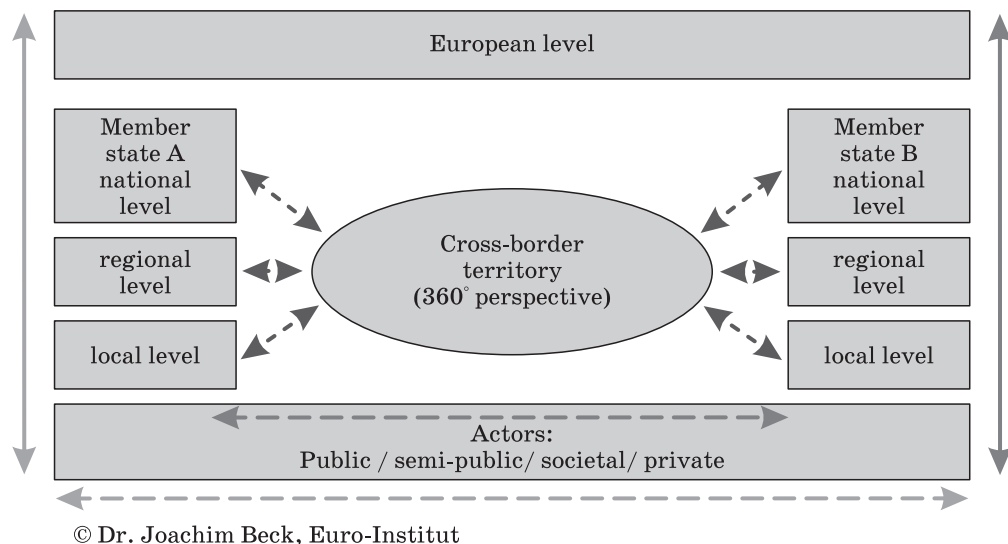

Fig. 3. The vertical and horizontal differentiation of multi-level governance and subsidiarity in cross-border cooperation

principles on the other are illustrated — for the case of cross-border-policy making — in the following graph (fig. 3):

Promoting CBC at EU-level: From the perspective of cross-border territorial cohesion the frequently different implementations of EU law by the neighboring countries regularly leads to technical and political asymmetries, which often even reinforce structural differences rather than leveling them. It must be worrying that the comprehensive annual work output of the European Commission (on average, these are several thousand proposals for directives, policies, regulations, decisions, communications and reports, green papers, infringement procedures per year) does not explicitly consider possible impacts on the European cross-border territories so far —although it is evident how strongly they are affected by it. It therefore seems necessary that cross-border territories become more visible with regards to their specific implementation role and thus get more explicitly considered by the European policy-maker when developing key-initiatives in the context of the strategy “Europe 2020”. In the European Commission’s impact assessment system (European Commission 2017) a specific cross-border impact category is currently still lacking. However, cross-border territories could become ideal test-spaces for the ex-ante evaluation of future EU policies. On the other hand this would require a real awareness of cross-border territories to also actively engage in this in a coordinated manner, and — for instance — present joint opinions and impact analysis throughout official thematic consultations, launched by the European Commission. It is evident, that also a joint and coordinated thematic lobbying and advocacy activity of cross-border territories should be strengthened in this regard. The European macro-regions have shown how the interests of specific types of cross-border areas may well find their way into European strategies.

Such a perspective of differential cross-border action based on the principles of horizontal and vertical subsidiarity appears to be a necessary prerequisite for a future capacity-building-approach, allowing for the better deployment of the potential for innovation of cross-border territories and therefore of their specific function within the context of a new horizontal dimension of European integration and the emerging European Administrative Space (Siedentopf/Speer 2002; Beck 2017b).

References/Литература

1. *Benz, A.* (2009): Politik in Mehrebenensystemen, Wiesbaden.
2. *Blatter, J.* (2006): Governance als transdisziplinäres Brückenkonzept für die Analyse von Formen und Transformationen politischer Steuerung und Integration, in: Bogumil/Jann/Nullmeier (Hrsg.), Politik und Verwaltung, Wiesbaden, S. 50 ff.
3. *Blatter, J.* (2000): Entgrenzung der Staatenwelt? Politische Institutionenbildung in grenzüberschreitenden Regionen in Europa und Nordamerika, Baden-Baden.
4. *Böhret, C.* 1990: Folgen. Entwurf einer aktiven Politik gegen schleichende Katastrophen, Opladen.
5. *Böhret, C.* 1993: Funktionaler Staat. Ein Konzept für die Jahrtausendwende? Frankfurt/Main.
6. *Dror, Y.* 2002 : The capacity to govern — a report to the Club of Rome. New York (Roudledge).
7. *Edeling, T.* (1999): Einführung. Der Neue Institutionalismus in Ökonomie und Soziologie", in: Edeling, T, Jann, W., Wagner, D. (ed.), Institutionenökonomie und Neuer Institutionalismus. Überlegungen zur Organisationstheorie, Opladen, p. 7–15.
8. *Fürst, D.* (2011): Regional Governance — Was ist neu an dem Ansatz und was bietet er?, in: Beck/Wassenberg (Hrsg.), Grenzüberschreitende Zusammenarbeit erforschen und leben (Band 2): Governance in deutschen Grenzregionen Stuttgart (Steiner), S. 89–105.
9. *Grabher, G.* 1994: Lob der Verschwendung. Redundanz in der Regionalentwicklung: Ein sozioökonomisches Plädoyer, Berlin.
10. *König, K.* (2008), Moderne öffentliche Verwaltung. Studium der Verwaltungswissenschaft, Berlin (Dunker&Humblot).
11. *König, K.* (2015), Operative Regierung, Tübingen (Mohr Siebeck)
12. *Kuhlmann, S./Wollmann, H.* (2013), Verwaltung und Verwaltungsreformen in Europa. Einführung in die vergleichende Verwaltungswissenschaft, Berlin.
13. *March, J. G. / Olson, J. P.* (1989): Rediscovering Institutions: the Organizational Basic of Politics, New York.
14. *Pierson, P.* (2004): Politics in Time. History, Institutions and Social Analysis, Princeton, Oxford.
15. *Scharpf, F.W.* 2006: Interaktionsformen. Akteurszentrierter Institutionalismus in der Politikforschung, Wiesbaden.
16. *Schubert, K. / Klein, D.* (Hrsg.) (2011), Das Politiklexikon. 5., aktual. Aufl. Bonn: Dietz.
17. *Siedentopf, H. / Speer, B.* 2002: Der Europäische Verwaltungsraum, in : König, Klaus (Hrsg.), Deutsche Verwaltung an der Wende zum 21. Jahrhundert, Baden-Baden, pp. 305–325.
18. *Tailon, R. / Beck, J. / Rihm, S.* 2011 : Impact Assessment Toolkit for Cross-Border Cooperation, Armagh/Kehl, 2011 (ISBN 978-1-096444-35-8), 123 Seiten.
19. *Tomkinson, R.* 2007: Shared services in Local Government. Improving Service Delivery, Surrey/ London.
20. *Zumbusch, K. / Scherer, R.* (2015): Cross-Border Governance: Balancing Formalized and Less Formalized Co-Operations, Social Sciences 2015, 4, 499–519.

About the author:

Joachim Beck, University of Applied Sciences Kehl / Euro-Institute, Germany, Prof., Dr.; Joachim.beck@hs-kehl.de

Об авторе:

Иоахим Бек, Университет прикладных наук г. Кель / Евроинститут, Германия, профессор, доктор; Joachim.beck@hs-kehl.de

Анализ восприятия интеграционных процессов в армянском обществе

Андреева Е. С.^{1, 2}

¹Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

²Российский институт стратегических исследований (Москва, Российская Федерация)
proforg816@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье проведен анализ информации, представленной в СМИ и интернет-ресурсах, связанной с проблемой отношения различных кругов армянского общества к интеграционной политике Армении, в том числе по вопросам участия Республики Армения в Евразийском экономическом союзе, а также проблемам сотрудничества Армении с ЕС.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, Армения и ЕАЭС, сотрудничество, ЕС

The Analysis of Perception of Integration Processes in Armenian Society

Andreeva E. S.^{a, b}

^aDiplomatic Academy Ministry of foreign affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

^bRussian Institute for Strategic Studies (Moscow, Russian Federation)
proforg816@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the information presented in the media and Internet resources related to the problem of the attitude of various segments of the Armenian society to Armenia's integration policy, including the issues of Armenia's participation in the Eurasian Economic Union, as well as the problems of Armenia's cooperation with the EU.

Keywords: EAEU, the Eurasian integration, Armenia and EAEU, cooperation, EU

Армения является полноправным участником ЕАЭС со 2 января 2015 г., при этом ряд существенных выгод республика получила еще до вступления в союз. Тем не менее, экономические санкции, наложенные на Россию, падение цен на нефть и др. способствовали возникновению антиевразийских и, как следствие, антироссийских настроений в армянском обществе.

Поисковый запрос «ЕАЭС», согласно данным системы **Google Trends** (анализирует запросы по популярности, географии охвата и т. д.), стал пользоваться интересом в армянском обществе начиная с мая 2014 г. (см. рис. 1). Наибольшее количество обращений по данному запросу пришлось на период с 28 декабря 2014 г. по 3 января 2015 г. — когда Армения официально вступила в Евразийский экономический союз. Значительное количество поисковых запросов также отмечено с 10 по 16 апреля 2016 г., соответственно, сразу после обострения в Нагорном Карабахе. В этот период в Армении проходили антироссийские демонстрации, участники которых обвиняли Россию в продаже оружия Азербайджану (см.: <https://www.youtube.com/watch?v=sjpr0R8TC-g>), выкрикивали лозунги «Конец российской оккупации Армении» и т. д. Негативные настроения части армянского общества в отношении России, и в целом, против сотрудничества в рамках ЕАЭС, были восприняты и некоторыми политическими деятелями Армении. Так, председатель прозападной партии «Свободные демократы», депутат парламента

Хачатур Кокобелян представил в Национальное Собрание проект заявления «О начале процедуры прекращения членства Республики Армения в Евразийском экономическом союзе».

В Проекте заявления, разработанного блоком «Елк» («Выход»), в качестве аргументов о выходе Армении из ЕАЭС указывались сокращение ВВП, неизбежное подорожание товаров первой необходимости, фактическое необеспечение в рамках ЕАЭС свободы передвижения рабочей силы, товаров, финансовых средств и услуг. Главная претензия к ЕАЭС выражалась в том, что не решены вопросы безопасности Армении, а «государства-члены ЕАЭС не способствуют мирному урегулированию Арцахской проблемы»¹.

Сравнивая поисковые запросы «ЕАЭС» и «ЕС» в системе Google Trends (см. рис. 2), можно отметить, что популярность запросов «ЕС» значительно превышает аналогичный показатель «ЕАЭС». Количество запросов «ЕАЭС» превышало «ЕС» лишь в небольшие промежутки времени: с 28 декабря 2014 г. по 3 января 2015 г., а также с 18 по 24 января 2015 г. В СМИ в это время активно обсуждались различные экономические и политические аспекты вступления республики в ЕАЭС.

Данные ряда социологических опросов, проводимых в Армении в течение последних лет, свидетельствуют о том, что в Армении наблюдается тенденция к сокращению числа респондентов, положительно относящихся к России и ЕАЭС. Так, НП «Международное Исследовательское Агентство „Евразийский Монитор“» ежегодно проводит в странах-участницах ЕАЭС опросы, посвященные отношению местного населения к России, евразийской интеграции и др. По данным опроса 2015 г. в государствах-членах ЕАЭС преобладает положительное отношение к евразийской экономической интеграции. При этом из всех стран-членов союза ниже всего оценивают участие в ЕАЭС граждане Армении и Беларуси (56% и 60% соответственно), при этом динамика за год (в период 2014–2015 гг.) обозначена как слабо отрицательная (снижение позитивных ответов на 8 процентных пунктов в обеих странах). Авторы доклада в 2015 г. отмечали, что в Армении выявляется постепенный рост респондентов, относящихся безразлично или отрицательно к участию страны в Евразийском экономическом союзе [1, с. 6].

За 2016 год в Армении произошел ощутимый спад восприятия России в качестве дружественной страны: с 86% в 2015 г. до 69% в 2016-м [2, с. 10]. Представляется, что данный факт можно объяснить апрельской эскалацией в Нагорном Карабахе.

Другой опрос, проведенный еще в 2013 г. исследовательской группой аналитической организации «Интеграция и развитие» и научно-образовательным фондом «Нораванк», «Отношение армянского общества к евразийской и европейской интеграции» (см. табл. 1), показал, что Россия рассматривается как более надежный союзник против турецкой и азербайджанской угрозы. Однако результаты опроса свидетельствуют, что население считает для развития науки и защиты прав человека предпочтительнее сотрудничество с ЕС.

Авторы опроса также провели анализ зависимости возраста респондента, его образования на его политическую ориентированность. Так, чем выше уровень образования, тем чаще респонденты ориентируются на сотрудничество с Россией в сфере безопасности, хотя не рассматривают приоритетно сотрудничество с Россией в сфере науки и промышленного развития. При том, что, согласно результатам опроса, при свободном выборе сотрудничество с Россией предпочитало 67%

¹ См.: Проект представленного блоком «Елк» заявления Национального Собрания о начале процесса выхода Армении из ЕАЭС: полная версия // [Электронный ресурс]. URL: <https://newshay.com/proekt-predstavlenogo-blokom-elk-zayavleniya-nacionalnogo-sobraniya-o-nachale-processa-vyhoda-armenii-iz-eaes-polnaya-versiya/> (дата обращения: 20.01.2018).

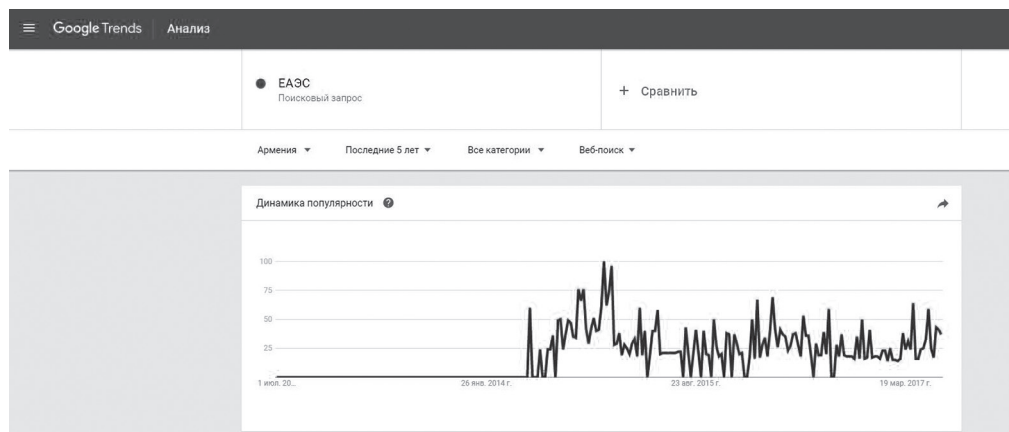

Рис. 1. Динамика популярности поискового запроса «ЕАЭС» в Армении за последние 5 лет
Fig. 1. Dynamics of popularity of a search query of EEU in Armenia for the last 5 years

Источник: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&geo=AM&q=еаэс>.

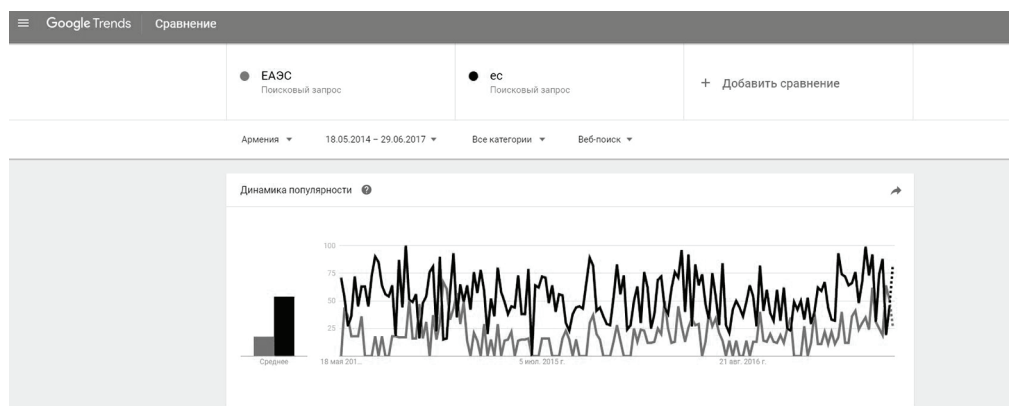

Рис. 2. Динамика популярности поисковых запросов «ЕАЭС» и «ЕС» в Армении с 18.05.2014 по 29.06.2017
Fig. 2. Dynamics of popularity of search queries of EEU and EU in Armenia from 5/18/2014 till 6/29/2017

Источник: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=today%205-y&geo=AM&q=еаэс>.

населения Армении, почти 40% населения не слышали о Таможенном союзе, а еще 30% не представляют, что это такое¹.

Примечательно, что вступление Армении в Евразийский экономический союз также отразилось на уменьшении желания населения покинуть страну. Так, в СМИ Армении появились сообщения, что согласно данным соцопроса, проведенного общественным клубом «Голос народа», 72% опрошенных не собираются уезжать из Армении, 19% пока не определились, а 9% намерены покинуть страну в бли-

¹ Союз Инфо [Электронный ресурс]. URL: http://www.soyuzinfo.am/upload/pdf/UNKNOWN_PARAMETER_VALUE.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

Таблица 1

Предпочтительность сотрудничества с РФ и ЕС в различных сферах

Tabl 1. Preference of cooperation with the Russian Federation and the EU in various spheres

Кто более предпочтительный союзник Армении против турецкой и азербайджанской военной угрозы — Россия или Европейский союз?	72%	10%	3%	4%	11%
Кто более надежный союзник Армении в Карабахском вопросе — Россия или Европейский союз?	64%	14%	5%	6%	11%
Сотрудничество с кем благоприятнее для развития промышленности Армении — с Россией или Европейским союзом?	50%	24%	17%	1%	8%
Сотрудничество с кем благоприятнее для развития науки Армении — с Европейским союзом или Россией?	28%	47%	15%	2%	8%
Сотрудничество с кем благоприятнее для защиты прав человека в Армении — с Россией или Европейским союзом?	25%	52%	6%	6%	11%

Источник: http://www.soyuzinfo.am/upload/pdf/UNKNOWN_PARAMETER_VALUE.pdf.

жайшем будущем¹. Данные опроса Евразийского медиандекса также показывают незначительную динамику снижения количества желающих покинуть Армению с целью постоянного места жительства в другой стране (в 2015 г. ответ «таких стран нет» — 44%, в 2016 г. — 47%) [3].

На сегодняшний день, согласно материалам опросов, среди населения Армении уменьшается количество граждан, положительно оценивающих евразийскую интеграцию. В то же время, важным показателем является то, что после вступления в ЕАЭС сократилось количество желающих уехать из страны. Можно предположить, что на результаты опроса в 2016 г. повлиял ряд факторов: эскалация вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе, после которого резко возросли антироссийские настроения в армянском обществе, а также падение курса рубля.

Другой социологический опрос, проводимый в рамках восточного проекта EU Neighbours², показал, что 76% населения Армении положительно оценивают отношения с Европейским союзом³ (см. рис. 3). Так, за последние два года число респондентов, положительно оценивающих ЕС, незначительно увеличилось.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что данные социологических опросов, проводимых разными структурами, в значительной степени различаются, выявляется общий тренд, согласно которому в Республике Армения отмечено снижение граждан, положительно относящихся к евразийской интеграции.

В то же время сотрудничество Республики Армения в рамках Евразийского экономического союза продолжает развиваться, о чем свидетельствует ратификация Парламентом Армении 6 декабря 2017 г. Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза.

¹ ИА EADaily [Электронный ресурс]. URL: <https://eoadaily.com/ru/news/2017/08/07/effekt-ot-eaes-privel-k-spadu-chemodannyh-nastroyeniy-v-armenii-eksperty> (дата обращения: 20.01.2018).

² EU Neighbours portal [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euneighbours.eu/en/east/eu-in-action/armenia> (дата обращения: 20.01.2018).

³ ANNUAL SURVEY REPORT: ARMENIA 2 nd Wave (Spring 2017) OPEN Neighbourhood — Communicating for a stronger partnership: connecting with citizens across the Eastern Neighbourhood [Электронный ресурс]. URL: http://www.euneighbours.eu/sites/default/files/publications/2017-10/EUNEIGHBOURSeast_AnnualSurvey2017report_ARMENIA.pdf (дата обращения: 20.01.2018).

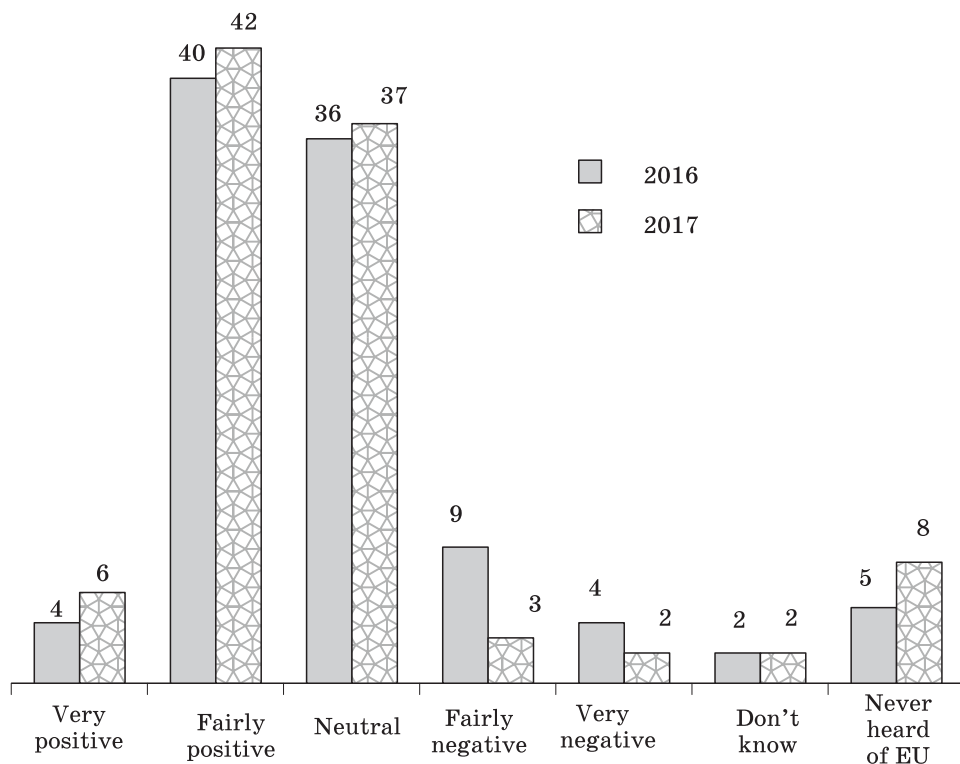

Рис. 3. Опрос восприятия Европейского союза в армянском обществе

Fig. 3. Poll of perception of the European Union in the Armenian society

Источник: ANNUAL SURVEY REPORT: ARMENIA 2-nd Wave (Spring 2017) OPEN Neighbourhood — Communicating for a stronger partnership: connecting with citizens across the Eastern Neighbourhood.

зийского экономического союза¹. Причем, за ратификацию соглашения проголосовали 82 депутата и лишь 5 депутатов — сторонников блока «Елк», голосовали против².

Помимо этого население Армении проявляет интерес к Европейскому союзу, что выражается как в увеличении количества респондентов, позитивно оценивающих ЕС, так и в уменьшении людей, не знающих о такой структуре в целом.

24 ноября 2017 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве Армении и Евросоюза, которое президент Республики Армения оценил как «общий успех»³. Данное соглашение было широко одобрено теми слоями армянского общества и политическими движениями, которые ориентированы на расширение сотрудничества Армении и Европейского союза. Так, практически

¹ Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г. // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: www.eaeunion.org (дата обращения: 20.01.2018).

² Парламент Армении ратифицировал договор о Таможенном кодексе ЕАЭС // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20171206/1510295062.html> (дата обращения: 20.01.2018).

³ Газета армян России «Еркрамас» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yerkramas.org/article/128015/s--sargsyan-soglashenie-o-vseobemlyushhem-partnyorstve-armenii-i-es-%E2%80%93-nash-obshhiy-uspek--i-mozhet-stat-precedentom> (дата обращения: 20.01.2018).

сразу после подписания соглашения, неправительственная организация «Европейская интеграция» распространила текст заявления, в котором она «приветствует подписание соглашения» и «рассматривает подписание Соглашения как важную веху принятой Республикой Армения политики „и-и“ и результат проявленной обеими сторонами сильной политической воли»¹.

Выступая 17 февраля 2018 г. на панельном обсуждении «Внутри или наружу: страны между Россией и Европой» на 54-й Международной конференции по безопасности в г. Мюнхене президент Армении Серж Саргсян заявил, что «политика, проводимая Арменией, открывает возможности для сотрудничества с ЕАЭС и ЕС»². На сегодняшний день в армянском обществе нет единства в отношении того, в какую сторону должна быть направлена интеграционная политика государства. И путь евразийской интеграции, и путь сотрудничества с государствами Европейского союза имеют в Армении как сторонников, так и противников.

Литература

1. *Интеграционный барометр ЕАБР-2015* (четвертая волна измерений). СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/press/eurasian-integration-and-development/results/2015.php> (дата обращения: 20.01.2018).
2. *Интеграционный барометр ЕАБР-2016* (пятая волна измерений). СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-279.html> (дата обращения: 20.01.2018).
3. Щекотуров А., Бородачева Е. Евразийский медиаиндекс. I квартал 2017 г. Центр изучения перспектив интеграции, Институт социологии НАНБ. М., Минск, 2017.

Об авторе:

Андреева Екатерина Сергеевна, Стажер Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва), научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ), Москва, Российская Федерация; proforg816@yandex.ru

References

1. Integration barometer of EDB-2015 (fourth wave of measurements). SPb. : EDB Centre for Integration Studies, 2015 [An electronic resource]. URL: <https://eabr.org/press/eurasian-integration-and-development/results/2015.php> (In rus)
2. Integration barometer of EDB-2016 (fifth wave of measurements). SPb. : EDB Centre for Integration Studies, 2016 [An electronic resource]. URL: <http://www.eurasiamonitor.org/rus/research/event-279.html> (In rus)
3. Shchekoturov A., Borodacheva E. Euroasian media index. The I quarter 2017. Center of studying of prospects of integration, Institute of sociology of NANB. Moscow–Minsk, 2017. (In rus)

About the author:

Ekaterina S. Andreeva, Graduate student of Diplomatic Academy Ministry of foreign affairs of the Russian Federation, Researcher of Russian Institute for Strategic Studies (Moscow, Russian Federation); proforg816@yandex.ru

¹ ИАА «Армедиа» [Электронный ресурс]. URL: <http://armedia.am/rus/news/54731/zayavlenie-npo-evropeyskaya-integraciya-v-svyazi-s-podpisaniem-soglasheniya-mezhdu-evrosoyuzom-i-armenieiy.html>

² Армения сегодня [Электронный ресурс]. URL: <https://newshay.com/prezident-politika-armenii-otkryvaet-vozmozhnosti-dlya-sotrudnichestva-c-eaes-i-es/> (дата обращения: 20.01.2018).

Критические факторы окружающей среды в стратегии развития Арктической зоны

Шамахов В. А.¹, Исаев А. П.¹, Яновский В. В.^{1*}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

*ianovski@mail.ru

РЕФЕРАТ

Основной стратегической задачей исполнительных органов власти Российской Федерации является создание институциональных основ эффективной российской экономики. Российские экономические интересы в Арктике связаны с колоссальными запасами энергии и минерального сырья. Общая стоимость разведанных и прогнозируемых ресурсов превышает 15 трлн долл. Здесь сосредоточена одна пятая часть запасов нефти и около 60% газовых ресурсов. Также здесь расположены крупнейшие месторождения угля, золота, редких металлов, огромное количество различных биологических ресурсов. Природа и люди являются двумя основными богатствами нашей страны. Создание условий для сохранения и эффективного использования этих ресурсов является основной задачей исполнительных органов на всех уровнях. В то же время, экономическая эффективность региона включает социальную и экологическую безопасность территории. Цель данной работы — рассмотреть основные экологические и природные факторы, которые имеют решающее значение, по мнению авторов, для развития Арктики.

1. Вечная мерзлота и глобальное потепление, низкие температуры в зимний период плюс очень короткое лето определяют специфику любого производственного цикла в Арктике.
2. Удаленность территории увеличивает стоимость материально-технического снабжения любыми товарами и ресурсами, дорожной инфраструктуры.
3. Специфика поставок энергетических ресурсов местного производства и средств жизнеобеспечения.
4. Необходимость институциональной и правовой адаптации людских ресурсов, привлекаемых для работы в Арктике, к местным природным и географическим условиям в связи с выполняемыми должностными обязанностями.

Выполненный нами анализ позволил сформулировать предложение для формирования стратегии развития Арктической зоны путем создания опорных зон кластерного типа: симбиоза территории опережающего развития, особой экономической зоны и приоритетного инвестпроекта.

Ключевые слова: Арктическая зона, Россия, критические факторы, безопасность территорий, инновации, стратегия

Critical Environmental Factors in the Arctic Development Strategy

Shamakhov V. A.^a, Isaev A. P.^a, Yanovskiy V. V.^{a*}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

*ianovski@mail.ru

ABSTRACT

The main strategic task of executive bodies of the Russian Federation is the creation of the institutional foundations for an effective Russian economy. The Russian economic interests in the Arctic are associated with colossal reserves of energy and mineral raw materials. The total cost of reconnoitered and projected resources more than \$ 15 trillion. Here one-fifth of oil and near 60% of gas resources are concentrated. Also here the largest deposits of coal, gold, rare metals, a huge number of different biological resources are located. Nature and people are the two main riches of our country. Creation of conditions for preservation and effective use of these resources is the main

task of the executive bodies at all levels. At the same time, the region economy effectiveness includes social and environmental security of the territory. This paper reviewed the main environmental and natural factors that are critical, to our mind, for the Arctic development.

1. Permafrost and global warming, low temperatures in winter season plus very short summer are determined the specificity of any production cycle in the Arctic.
2. The remoteness of the territory increases the cost of logistics of any goods and resources, as well as the road infrastructure.
3. Specificity of the energy resources supply of local production and life support facilities.
4. The need for institutional and legal adaptation of human resources, which are attracted to work in the Arctic, to local natural and geographical conditions in connection with the job duties performed.

Our analysis allowed us to formulate a proposal for the formation of a strategy for the Arctic development by creating cluster-type support zones: a symbiosis of the territory of advanced development, a special economic zone, and a priority investment project

Keywords: Arctic areas, Russia, critical factors, security of the territories, innovation, strategy

Введение

В Заполярье в ближайшие годы предполагалось запустить около 150 проектов на сумму примерно 5 трлн руб., 4 трлн из которых должны составить средства из внебюджетных источников. Почти половина этих проектов связана с добычей и переработкой в Заполярье полезных ископаемых, прежде всего в ЯНАО. В настоящее время здесь добывается и производится 95% российского никеля и кобальта, более 80% газа, 60% меди, 100% барита и апатитового концентрата. При этом в российском секторе сосредоточено более 90% запасов природного газа всей Арктики, около 10% активных мировых запасов никеля, около 19% металлов платиновой группы, 10% титана, более 3% цинка, кобальта, золота и серебра. Комплекс морского промышленного рыболовства производит около 15% общего объема рыбной продукции¹.

Между тем правительство РФ планирует сократить расходы бюджета на проекты в Арктике, несмотря на то, что развитие региона называлось стратегическим приоритетом и закреплено в госпрограмме, до 12 млрд руб.² Из общей суммы больше половины — 7 млрд руб. — будет израсходовано на проектирование и строительство ледостойкой дрейфующей платформы «Северный полюс» для «Росгидромета». Еще 25% программы (3 млрд руб.) решено направить на модернизацию Жатайской верфи в Якутии на реке Лене — для строительства новых и ремонта изношенных судов речного флота. 1 млрд руб. планируется предоставить Росгвардии на мероприятия по обеспечению антитеррористической безопасности в Арктике. Все крупные гражданские проекты при этом «пойдут под нож». Проект строительства ледокола «Лидер» (80 млрд руб.) решено заморозить. Та же судьба постигла проекты природоохранных и исследовательских судов для арктического шельфа.

Стратегической задачей органов исполнительной власти Российской Федерации является создание институциональных основ эффективной экономики страны. А эффективность экономики складывается в том числе и из социальной и экологической безопасности развития территорий. Природа и люди — два главных богатства нашей страны, и создание условий для сохранения и эффективного использования этих

¹ Пономарев В. Третий заход // Эксперт-online [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2017/13/tretij-zahod/> (дата обращения: 12.12.2017).

² Программы развития Арктики. [Электронный ресурс]. URL: <http://insfinance.ru/14269-pravitelstvo-v-17-sokratit-programmu-razvitiya-arktiki.html> (дата обращения: 12.12.2017).

богатств — главная задача. Исходя из этих посылок, выделим основные критические природные факторы для дальнейшего освоения арктического региона:

- вечная мерзлота и глобальное потепление, низкие температуры зимой и короткий летний период определяют специфику любого производственного цикла в Арктической зоне;
- удаленность территории, как фактор, удорожающий логистику любых товаров и ресурсов и обустройство дорожной инфраструктуры;
- специфика снабжения энергоресурсами объектов производственных и жизнеобеспечения;
- необходимость максимального использования местных человеческих кадров, уже адаптированных к заполярным природно-климатическим условиям.

Вечная мерзлота и глобальное потепление

Вечная мерзлота занимает 65% территории России. На Ямале на ней расположились города и нефтегазовая инфраструктура. Сегодня необходимы исследования, чтобы понимать, как возводить жилые и промышленные постройки в Арктике в условиях глобального потепления, как долго простоит здание на сваях и что делать для его ремонта, если грунты начинают оттаивать и подтапливаться. Парниковый эффект привел к тому, что летом 2016 г. вечная мерзлота в районе Лабытнанги в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) оттаяла на три с лишним метра. Если так пойдет и дальше, на Севере может случиться катастрофа. До сих пор в научных кругах доминировало мнение о том, что основным источником парниковых газов CO_2 и CH_4 являются наземные экосистемы. Однако значительным их источником в условиях деградации подводной и прибрежной мерзлоты стал мелководный Арктический шельф [13; 17]. Выход в атмосферу хотя бы 1% метана из метаногидратов увеличит глобальную концентрацию данного газа как минимум на 6%. Авторы экспериментального исследования пришли к выводу, что суммарное количество метана, выделяемого Северным Ледовитым океаном, может достигать до 2/3 от всего объема, выбрасываемого сухопутной частью Арктики к северу от 60° с.ш. [17]. Таким образом, при продолжении положительного температурного тренда следует ожидать повышения эмиссии метана, а значит непредсказуемости темпов потепления вследствие непредсказуемости эмиссии этого «парникового газа».

Тем не менее сегодня температура в Арктике может опускаться ниже нуля в любое время года. Зимой при скорости ветра до 180 км/ч средние январские температуры колеблются в диапазоне от -40 до 0°C ; причем обширные районы Арктики могут промерзнуть и до -50°C . Хотя в июле средняя температура от -10 до $+10^\circ\text{C}$, в некоторых областях она может повышаться и до $+30^\circ\text{C}$. Поэтому, очевидно, требуются новые виды пластиков, сплавов, топлива, незамерзающих технических жидкостей, а также тканей, выдерживающих перепады температуры $\pm 50^\circ\text{C}$. Нужна также работающая в экстремальный мороз электроника и держащие заряд при температуре до -60°C аккумуляторы. Также остро нужен наземный и авиационный транспорт, адаптированный для круглогодичной работы в Арктической зоне.

Логистика в Арктической зоне

Огромные пространства Арктической зоны не позволяют построить даже грунтовые дороги. Именно поэтому жизненно необходимые грузы, предназначенные для жителей арктических поселений, завозят с помощью чрезвычайно сложной системы. Каждое лето, когда большая часть страны отдыхает в отпусках, осуществляется массовый «северный завоз». До наступления холодов, которые на-

чинаются уже в сентябре, нужно доставить оборудование, материалы, продовольствие, а также отремонтировать жилье и коммунальную инфраструктуру. Северный завоз осуществляется в основном водным транспортом. Стоимость северного завоза морским транспортом при этом в несколько раз выше стоимости завоза речным транспортом по северным рекам, так как морская перевозка связана с большими расстояниями, а затраты на топливо достигают 83% в составе общих затрат на перевозку. Поэтому рынок услуг по перевозкам водным транспортом в районы Крайнего Севера состоит из двух субрынков: услуги по морским и речным перевозкам. Основная часть грузов завозится речным путем. В объеме завозимых грузов топливно-энергетические ресурсы (каменный уголь и нефтепродукты) составляют более 50%.

Удаленность территорий для доставки и сложная транспортная логистика оказывают существенное влияние на стоимость и сроки доставки товаров, особенно в зимний период, что не всегда учитывается. Трубы или стройматериалы самолетом не завезешь, они в этом случае будут по цене золота. И естественно, основные производственные фонды в северном исполнении существенно дороже, а их износ значительно ускорен относительно аналогичных стандартных технических систем.

Призывая «развивать Арктику», следует помнить — северное удорожание вносит существенные коррективы в привычные расчеты. Грузы принимаются к отправке в период летней навигации (примерно с апреля по октябрь), но точные даты навигации зависят от ледовой обстановки на Северном морском пути. Грузы со всей России консолидируются на складах в Москве и Новосибирске. По данным ИА REGNUM, тарифы на доставку груза, например, в Певек и Билибино, зависят от массы: до 2000 кг — 60 руб./кг, свыше 2000 кг — 55 руб./кг¹. Запасов в отдаленных территориях хватает до января-февраля. В целом на «северный завоз», например, Якутия ежегодно тратит ~ 30 млрд руб., объем завоза — 200–220 тыс. т. Запасов грузов в отдаленных территориях хватает до начала января-февраля².

Альтернативы для «северного завоза» на данный момент нет. Механизмов, которые могли бы существенно ускорить процесс, тоже не предвидится в ближайшее время. Исследования факторов «северного удорожания» и обследования экономики арктических регионов в разрезе «затраты — выпуск» проводились, как оказалось, в недостаточном объеме. В результате объективная картина удорожания хозяйствования и жизнедеятельности в арктических регионах отсутствует. По экспертным оценкам, морской фрахт в арктических широтах требует 55–60% стоимости услуги. Остальные затраты — на работы по разгрузке (в открытом море или на припай) и доставке на, как правило, необорудованный берег. Потому сроки разгрузки полностью зависят от погоды.

Строительство же наземных транспортных коммуникаций в условиях Арктики требует значительных капитальных затрат на обустройство дорожного полотна и последующих ежегодных затрат на восстановительные работы в условиях вечной мерзлоты. По этой причине до 1/3 автодорог, например, в республике Якутия (Саха) — зимники. Рост пассажирских перевозок в арктическом регионе сдерживается малым пассажиропотоком, отсутствием подходящих видов транспорта и оттоком квалифицированных кадров. Почти полное отсутствие сервиса, запасных частей и какой-либо инфраструктуры на трассах зимников обуславливает высокий уровень автомобильных тарифов, удельный вес которых в конечной стоимости груза может превышать цену товара в пункте отправления [14]. По данным изучения работоспособности автомобилей, средний срок проведения их

¹ REGNUM [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2251580.html> (дата обращения: 12.12.2017).

² Там же.

технического обслуживания в условиях Арктики в 10 раз меньше, чем указано в регламентирующих документах¹ [7; 9].

Нет и обоснованных детальными расчетами оценок влияния интегрирующих структур (например, инфраструктуры коммуникаций) на синергетические эффекты в региональных и территориальных экономиках. Северный морской путь, к примеру, на каждый рубль затрат, по оценкам специалистов, «поднимает» несколько рублей в национальной экономике, но рубли эти проходят по балансам других хозяйствующих субъектов. Субъекты эти легко могут подсчитать возможный рост своих издержек в случае прекращения его государственного финансирования, но, конечно, ни с кем этой информацией не поделятся. Вот и получается в действующей системе отчетности: Севморпуть дотационен, а его пользователи эффективны.

Сегодня страна выбрала путь комплексного развития арктических территорий и создание морского транспортного коридора СМП, что создаст новую транспортную конфигурацию Евразийского континента и укрепит позицию РФ. В марте 2017 г. Президент дал поручение проработать вопрос о создании отдельной структуры, ответственной за комплексное развитие СМП и прилегающих территорий, развитие инфраструктуры, энергетическое обеспечение и другие направления, связанные с развитием арктических территорий страны. Президент поддержал предложение о наделении госкорпорации «Росатом» полномочиями по оказанию государственных услуг в области морской деятельности и управлению государственным имуществом в рамках СМП и прилегающих территорий при общей координации Государственной комиссии по развитию Арктики².

Связать каждый населенный пункт с единой транспортной системой страны — актуальная, но не решаемая для арктической природной зоны задача. Отметим российскую особенность: транспортные потоки с использованием сухопутных видов транспорта (железнодорожного, автомобильного и трубопроводов) в России преобладают в широтном направлении, а речные пути, используемые в труднодоступных зонах, имеют практически только меридиональное направление (по течению Печоры, Северной Двины, великих сибирских рек)³. По экспертным оценкам, при грузопотоках более 250–300 тыс. т в год перевозки по постоянным дорогам экономичнее перевозок по зимникам даже в районах с самыми сложными природными условиями. Но тогда конкурентными становятся внедорожные транспортные средства — грузовые дирижабли грузоподъемностью 50–60 т и дальностью полета до 2000 км.

Опыт трагедий в 1920–1930 гг. показывает, что в условиях циклонической деятельности дирижабль, действительно, эксплуатировать опасно. Однако дирижабли будут весьма перспективным видом транспорта в условиях устойчиво безоблачной погоды, формируемой сибирским антициклоном на протяжении месяцев. Это характерно для почти всей Сибири, особенно в Якутии. К тому же дирижабли не загрязняют атмосферу, не уродуют ранимую поверхность тундры.

Еще в 1970-х годах сектором экономических проблем комплексного развития транспорта отдела экономики Якутского филиала АН СССР началось исследование возможностей применения грузовых дирижаблей на Севере [4]. Было установлено,

¹ Сайт ООО «А-Сервис» [Электронный ресурс]. URL <http://www.forumarctic.com/conf2017> (дата обращения: 12.12.2017). Transport of the Republic of Sakha (Yakutia) for 2000, 2005, 2009–2013: Statistical Yearbook N 25/636. Yakutsk, 2014.

² VII международный форум «Арктика: настоящее и будущее». 4–6 декабря 2017. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. URL <http://www.forumarctic.com/conf2017> (дата обращения: 12.12.2017).

³ Еще один барьер — единые строительные нормативы. Их единство приводит к тому, что если нормативы на строительство 1 км дороги в Норильске и Красноярске одинаковы, дорожники будут мотивированы строить дороги только в районе Красноярска.

что они с высокой эффективностью могут использоваться на Севере для решения многих задач [2; 8]: дирижабль-кран; сооружение буровых вышек на морском шельфе; транспортировка леса к местам переработки; патрулирование лесов и оленьих пастбищ для защиты от пожаров; транспортировка скоропортящихся продуктов (на высоте 3 км дирижабль становится естественным рефрижератором) и т. п.

Практически все опрошенные нами эксперты согласны, что недооценена эффективность дирижаблей при разгрузке судов, не имеющих возможности подойти из-за мелководья к берегу и потому стоящих на рейде¹.

Простые арифметические расчеты показывают, что рейс дирижабля с Северного Кавказа, например, до Норильска, займет около 48 часов. Затраты на наземное оборудование для причаливания дирижаблей в местах разгрузки несопоставимо ниже расходов на строительство аэродромов. Поэтому таких пунктов на Крайнем Севере может быть десятки. А для налаживания поставок продовольствия в тот же Норильск необходимо около 100–150 дирижаблей, что по затратам сопоставимо с постройкой одного грузового Ил-76Т². По оценкам специалистов Русского воздухоплавательного общества, летный час дирижабля стоит 4–5 тыс. руб., что в 14–15 раз меньше, чем у вертолета. В результате стоимость грузоперевозок дирижаблями сопоставима со стоимостью перевозок на барже.

Управление дирижаблями затруднено из-за их большого размера и парусности. Однако системы fly-by-wire во многом решают эту проблему³, а современные материалы сводят утечки газа практически к нулю. Для переброски по воздуху груза массой 60 т (стандартный железнодорожный вагон) нужен дирижабль с объемом оболочки 120 000 м³. Доказывая высокую рентабельность своих платформ, разработчик (см. ниже) приводит фантастически низкие цифры стоимости перевозок на дирижабельных платформах — стоимость тонно-километра не превысит 0,12–0,15 долл. Разработанный DARPA (Defense Advanced Research Projects Agency, USA) дирижабль Walrus предназначен для перевозки до 1000 т груза⁴. Этот прототип призван стать альтернативой водным грузоперевозкам и открыть широкий доступ к торговле и перевозкам странам, не имеющим выхода к морям или океанам. Удобен Walrus еще тем, что взлетать и садиться он будет вертикально, а приземляться сможет и на воду⁵.

Подводя итог этого раздела, необходимо подчеркнуть, что хозяйствование в Арктике имеет ярко выраженную специфику, и она должна быть учтена в стратегии развития арктической зоны и соответствующих нормативных документах. Однако, очевидно, что необходимо существенно увеличить объем исследований для освоения арктической зоны.

Энергоснабжение — арктическая специфика

Энергетическая система Арктики отличается наличием множества обособленных энергоузлов, разрозненностью потребителей энергоресурсов и большим объемом

¹ До 80% грузов вдоль трассы Севморпути доставляется от стоящих на рейде судов к берегу баржами.

² Воздушные вездеходы для российского Севера [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2008/12/24/163795.html> (дата обращения: 12.12.2017).

³ Fly-by-wire — летающий по проводам, относится к летательному аппарату, в котором действия пилота верифицируются компьютером, управляющим полетом.

⁴ DARPA Awards Walrus Program Developmental Contract. Released on Friday, August 26, 2005. http://www.deagel.com/news/DARPA-Awards-Walrus-Program-Developmental-Contract_n000000602.aspx (дата обращения: 12.12.2017).

⁵ The Walrus: the US Army Contemplates Building an Aircraft the Size of a Football Field. <https://newatlas.com/go/4538/> (дата обращения: 12.12.2017).

завоза органического топлива¹. Общая неэффективность энергетической системы арктического региона также связана с наличием высоких потерь при передаче электроэнергии до конечного потребителя: 14% (в некоторых энергосистемах 20%). Мы разделяем позицию Crimson, что «зеленая энергетика скорее всего не сможет даже близко покрыть необходимый объем генерации хотя бы в силу непредсказуемости уровня производства электроэнергии (ветер не всегда дует, солнце не всегда светит). И конечно, и в силу того, что вся зеленая энергетика является глубоко убыточной, причем убытки энергетических компаний покрываются в Евросоюзе за счет государственных субсидий и для конечных потребителей. Попытка масштабирования этой схемы, скорее всего, просто обанкротит государство, которое попытается ее предпринять» [3]. В табл. 1 показана относительная себестоимость энергии от разных источников [6].

Пока в России ветрогенераторы мегаваттного класса не делают, и после решения о создании мощных ветропарков оборудование придется покупать в Германии, Дании или США, и тут надо вспомнить о санкциях. Вместе с тем с 60-х годов прошлого столетия для работы в локальных энергосистемах удаленных, труднодоступных регионов ведутся исследования и опытно-конструкторские работы по изучению возможностей применения атомных станций малой мощности (АСММ). Опубликованные оценки ОЭСР показали, что стоимость произведенного на новых АЭС электричества обойдется от 2,1 до 3,1 центов за кВт-час (при учетной ставке 5%), стоимость же электричества, произведенного работающими на газе электростанциями, от 3,7 до 6,0 центов за кВт-час. Подчеркнем, что важнейшим преимуществом ядерной энергетики является стабильность цен на электроэнергию в течение всего длительного периода эксплуатации.

В основном, назначение отечественных АСММ — энергоснабжение изолированных и удаленных потребителей². Зарубежные же проекты в основном нацелены на создание распределенных энергетических систем³. «Технические возможности АСММ позволяют конвертировать энергию деления ядерного топлива в... товарную про-

Таблица 1

Себестоимость получения электроэнергии от различных источников

Table 1. Cost of receiving the electric power from various sources

Источник электроэнергии	Вид ресурса	Себестоимость руб./кВт·ч
ТЭС	Газ	0,3–0,5
	Уголь	0,5–0,8
	Мазут	0,6–0,8
ГЭС	Потоки воды	0,05–0,1
АЭС	Радиоактивные металлы	0,3–0,5
ВЭУ	Потоки ветра	0,6–0,7
СЭС	Излучение солнца	0,7–0,8

¹ SDWG Report on Arctic Energy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sdwg.org/wp-content/uploads/2016/04/ArcticEnergyReport-2009.pdf> (дата обращения: 12.12.2017). См. также [11, 16].

² Билашенко В. П., Смоленцев Д. О. Применение атомных станций малой мощности в локальных энергосистемах/ [электронный ресурс] URL: <http://pro-arctic.ru/21/03/2015/technology/14630>

³ Американские разработчики малых модульных реакторов обращаются за государственной поддержкой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2017/02/27/73045> (дата обращения: 12.12.2017).

дукцию, включая возможность закачки в нефтеносный горизонт горячего теплоносителя для добычи тяжелой нефти» [3].

На сегодняшний день существует более 20 концепций и проектов отечественных АСММ, находящихся на различных стадиях реализации¹. В завершающей стадии ввод головной ПАТЭС «Академик Ломоносов». Общий срок эксплуатации — 36 лет (3 цикла по 12 лет). Сообщается, что при конструировании реализован принцип глубокошелонированной защиты, исходящий из стратегии предотвращения аварий и ограничения их последствий и включающий систему мер технических и организационных. Отметим также, что себестоимость вырабатываемой электроэнергии является конкурентоспособной по сравнению с большой энергетикой. Также следует учесть эффект снижения себестоимости при модульной компоновке станции при серийном производстве или при использовании уже существующей инфраструктуры замещаемых АЭС большой мощности.

Оптимально размещать такие станции (АСММ), мы полагаем, в труднодоступных пунктах, удаленных от транспортных магистралей и мест добычи ископаемых топливных ресурсов. Как видно, АСММ — вполне конкурентная альтернатива для арктических территорий. Малые реакторы означают более короткие сроки строительства, что снизит стоимость генерации и даст возможность конкурировать с набирающими популярность ВИЭ.

Актуальность разработки и использования атомных станций малой мощности подтверждает также то, что в конце 2016 г. в США был создан консорциум Smartstart для реализации стратегической задачи — начать коммерческую эксплуатацию малых реакторов с середины 2020-х². В его состав входят компании: AREVA, Bechtel, BWXT, Dominion, Duke Energy, Energy Northwest, Fluor, Holtec International, NuScale Power, Ontario Power Generation, PSEG, TVA и Utah Associated Municipal Power Systems. Как видим, присутствует несколько весомых игроков.

Человеческий капитал для освоения Арктики

В ближайшие годы в Заполярье предполагается запустить около 150 проектов на сумму 5 трлн руб. Почти половина этих проектов связана с добычей и переработкой полезных ископаемых. 8 декабря 2017 г. Президент РФ в поселке Сабетта (Ямало-Ненецкий автономный округ) дал старт загрузке первого танкера-газовоза. Перед новым годом танкер Christophe de Margerie прибыл в порт на острове Грейн в 70 км к востоку от Лондона³. Завод «Ямал СПГ» (50,1% у «Новатэка», по 20% — у французской Total и китайской CNPC, 9,9% — у Фонда «Шелкового пути»), на котором прошла церемония, стал первым заводом «Новатэка» по сжижению газа. Проект предполагает запуск трех технологических очередей по производству СПГ мощностью около 5,5 млн т в год каждая. Поэтому так актуально обустройство, прежде всего жилья, для специалистов, требуемых для освоения ресурсов арктической зоны.

Главной проблемой строительства в Арктической зоне, что очевидно, является его стоимость. Высокая цена связана не только с необходимостью возведения фундаментов в вечномёрзлых грунтах, но и со сложной логистикой, дорогой рабочей силой. Эти факторы значительно повышают стоимость квадратного метра

¹ Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом». Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosatom.ru/> (дата обращения: 12.12.2017).

² Американские разработчики малых модульных реакторов обращаются за государственной поддержкой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atomic-energy.ru/news/2017/02/27/73045> (дата обращения: 12.12.2017).

³ Sanctioned Russian gas shipment 'will not enter UK network'// Financial Times. 29 Dec. 2017 URL: <https://www.ft.com/search?q=de+Margerie> (дата обращения: 12.12.2017).

нового жилья (в Норильске, например, она составляет > 100 тыс. руб. за м² и приближается к московской), что держит темпы жилищного строительства на предельно низком уровне.

Другая серьезнейшая проблема российских городов, стоящих на мерзлоте, в том, что большинство зданий в них не были рассчитаны на глобальное потепление. При повышении температуры грунтов здания просаживаются и разрушаются. Едва ли можно на российском севере найти города и поселки, в которых нет таких объектов, а в целом ряде поселений доля пострадавших зданий достигает уже до 70%. На конец 2010 г. площадь ветхого и аварийного жилья, например, в Норильске составляла 265 000 м².¹ Поэтому, мы считаем, для проживания всех категорий работников в арктической зоне выгодно новое строительство, но не капитальных домов, а сооружений из современных конструктивных строительных материалов на инновационных бесфундаментных основаниях. Для этого, конечно, необходимо провести исследование и спроектировать конструкцию будущего дома так, чтобы нагрузка на слабонесущий грунт была равномерной и он смог выдержать вес дома.

В проект нового закона об Арктике внесены предложения о создании опорных зон развития, которые будут представлять собой симбиоз территории опережающего развития, особой экономической зоны и приоритетного инвестпроекта. Предполагается кластерное развитие территории, когда один проект будет генерировать развитие других отраслей. К примеру, при строительстве завода будет сразу планироваться социальная инфраструктура и логистика. Инвесторы получают налоговые и таможенные льготы. Такой комплексный подход к освоению дальних российских территорий использовался еще Петром Столыпиным, и уже тогда, 110 лет назад, оказался весьма эффективным. Для желающих переселяться на новые места еще в те времена было предусмотрено освобождение от налогов на 5 лет, беспроцентные ссуды, дотирование переезда на новое место жительства. Итог впечатляющий: за 10 лет в Алтайский край из центральной части России переселились более 3 млн чел.

Было выявлено, что «когда предприятия, работники в межрегиональной конкуренции участвуют в равных условиях, то больший уровень доходов предприятий и работников в Арктической зоне может складываться только за счет присвоения природной ренты. Остальные факторы — географическое расположение, стоимость рабочей силы в данной зоне будут действовать в обратном направлении» [5]. Для нашей страны с огромным количеством климатических зон задача учета природных различий регионов не нова. Однако, хотя и существует понимание в органах исполнительной власти РФ неэффективности региональной политики [15], в том числе в арктической зоне, решения нет. Отток населения из восточной части страны в западную, а из северных — в центральные и южные регионы, не уменьшается. По-видимому, издержки проживания на этих территориях более высокой оплатой труда и соответствующими социальными льготами не компенсированы.

Таким образом, сегодня экономически более привлекателен вахтовый способ организации работ. Если в советское время основные контингенты вахтовиков прибывали для освоения нефтегазовых ресурсов в районы Среднего Приобья, то теперь начато вахтовое освоение Восточной Сибири, Ямала и др. Между тем, приоритетная значимость оплаты трудовых усилий на российском Севере сохранилась. Вахтовый способ обычно используется при удаленности мест приложения труда. Выполняя трудовые операции, вахта проживает в непосредственной близости от объекта, в вахтовых поселениях. Ее кадровый состав в соответствии с заключенным трудовым договором время от времени меняется для отдыха в местах постоянного проживания. Нужно отметить, что сейчас направление работника на вахту слу-

¹ Борьба за квадратные метры // Заполярный вестник, 1 марта 2018, № 8 (4626).

жебной командировкой не считается, не включается в северный период и межвахтовый стаж. А это, как минимум, социально несправедливо: твердо установлены факторы негативного воздействия вахтовых режимов труда на здоровье и самочувствие мобильных специалистов.

Среди отрицательных факторов [10]: необходимость длительного нахождения в замкнутом пространстве с незнакомыми людьми, перепады давления, дефицит кислорода на Севере, полярные день и ночь, качество воды и пищи, морозы и гнус, отрыв от семьи и др. при повышенных физических нагрузках. Как известно [Там же], при выполнении работ вахтовым методом за каждый день работы, а также за время нахождения в пути на работу и обратно выплачивается особая надбавка (в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях — 75% месячной тарифной ставки), что заметно ниже действующего районного коэффициента. С таким положением трудно согласиться — доходы получают в зависимости от статуса. Поэтому мы предлагаем для стимулирования вахтового способа организации работ соответствующими правовыми актами уравнивать по условиям оплаты и льготам вахтовиков и работающих жителей российской Арктики. И северный стаж также учитывать по одинаковой схеме. Пока стоимость жизни и качество инфраструктуры не компенсируются повышенной заработной платой, люди будут уезжать: люди рациональны.

Заключение

Подводя общий итог, необходимо подчеркнуть, что хозяйствование в Арктике имеет ярко выраженную специфику, и эта специфика должна непременно учитываться в государственной стратегии ее развития, в экономической политике, особенностях современного международно-правового режима Арктики [12]. При этом совокупность рассмотренных выше особенностей природных факторов определяет, в конечном счете, стратегию развития для различных регионов Арктики.

В ней должны учитываться требования к материалам для арктических конструкций, обусловленные экстремальными условиями их эксплуатации: температура до -60°C , интенсивное коррозионное и эрозийное воздействие среды, ветровые и ледовые (снеговые) динамические нагрузки. В большинстве случаев доставка топлива, добываемого в арктической зоне, к местам потребления с использованием трубопроводов или вообще недоступна для современной техники, или экономически нерациональна. В связи с этим комплекс задач, обуславливающих надежную транспортировку нефти и газа с использованием танкеров, занимает одно из ведущих мест среди научно-технических проблем при разработке стратегии.

Важнейшей задачей является также разработка функциональных инновационных технологий нанесения покрытий с кардинально улучшенной износостойкостью, обеспечивающих существенное (в 2,5–3 раза) повышение ресурса деталей и узлов техники, экологической безопасности конструкций в условиях Арктики.

В настоящее время Россия имеет все возможности для рационального использования своих богатств и взаимовыгодного сотрудничества со всеми заинтересованными государствами. Отметим важную веху: в 2017 г. без учета транзитных судов в акватории СМП было перевезено 9,73 млн т различных грузов, перевозки речными судами достигли 797 тыс. т грузов. Транзитными судами перевезено 194 тыс. т грузов. Этот объем перевозок перекрыл показатели времен СССР — к концу 1980-х годов по СМП (он был доступен только советским судам) перевозилось лишь 6,7 млн т. Судно *Baltic Winter*, вышедшее из китайского порта Тайцанг в германский порт Бремерхафен, потратило на транзит по СМП всего 5,6 суток. Это рекорд — обычно, в зависимости от ледовой обстановки, проход судов занимал более 6 суток.

В зависимости от поставленной задачи развития региона: комплексного освоения, освоения единичных месторождений или газо-нефтяных площадей; стратегии

должны быть разные. Прежде всего, выделим две исторические, советские: вариант анклавного самодостаточного комплексного освоения (Норильск) и вариант развития территории (стратегия Дальстроя на Колыме).

Так сложилось в многовековой истории России, что государство господствовало над обществом, определяло его политическую культуру и характер, основы социально-психологической жизни населения. Недоучет этих родовых особенностей российского исторического прошлого может свести на нет все усилия по теоретическому прогнозированию и построению перспективных моделей экономического развития. Это отмечает академик В. В. Алексеев, который пишет, что «большинство прогнозов исходит из ситуации, сложившейся на момент их составления, в лучшем случае принимаются во внимание реалии последних десятилетий, между тем, история коварна и трудно предсказуема. Ее корни тянутся очень далеко и продолжают питать современность своими соками, которые нередко смывают огромные пласты, казалось бы, на века возведенного будущего и возвращают общество назад, но в измененном качестве» [1].

Российские реформаторы во все времена в модернизационных преобразованиях и реформах пытались соединить западные технологии и российского работника. На всех этапах развития российской экономики, начиная с древности, можно отметить откровенное вмешательство государственных властных структур и в экономическую жизнь. Эти особенности социально-экономического и политического развития России не могли не влиять на экономику и общество. Особенности развития России в последнее столетие породили множество новых факторов экономического развития, не находящихся напрямую в сфере экономики. Вместе с тем, если бы не произошло такой радикальной ломки социальных институтов и отношений, то вряд ли можно было достичь и таких темпов модернизации и индустриализации, которые наблюдались в СССР в 1930-е–1960-е годы.

Неэкономические факторы могут играть фоновую и трансляционную роль в работе экономической системы, создавать импульсы к развитию экономики и в то же время при определенных обстоятельствах подавлять их. Другими словами, неэкономические факторы экономического развития довольно трудно привести к общему знаменателю: они в разной степени воздействуют на экономику в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном периодах; в разной степени взаимосвязаны с экономическими факторами; их объективной и субъективной природой, по-разному влияют на экономический рост. Вместе с тем их нельзя игнорировать.

Математическое моделирование может рассматриваться как полезный инструмент, а результаты расчетов по моделям — как некий идеал, к которому нужно стремиться, но практические варианты стратегий должны разрабатываться с учетом исторических реалий, определяющих ситуацию, особенно тогда, когда радикальные изменения в экономике не происходят быстро. Выполненный нами обзор дает явные основания для формирования стратегии развития Арктической зоны с использованием механизмов: опорных зон вахтового кластерного типа — симбиоза территории опережающего развития, особой экономической зоны и приоритетного инвестиционного проекта; специальной технологической платформы для Арктики.

Литература

1. Алексеев В. В. Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3. С. 4–14.
2. Белинский Б. В., Жариков О. Н., Завьялов С. Я. Пути повышения производительности труда на водном и воздушном транспорте Якутской АССР // Проблемы рационального использования трудовых ресурсов Якутской АССР. Якутск : Якутское кн. изд-во, 1974.
3. Биладенко В. П., Смоленцев Д. О. Применение атомных станций малой мощности в локальных энергосистемах // PRO-ARCTIC [Электронный ресурс]. URL: <http://pro-arctic.ru/21/03/2015/technology/14630> (дата обращения: 12.12.2017).

4. Бутаев А. С. К вопросу о круглогодичных перевозках в Якутии // Проблемы развития круглогодичных транспортных магистралей Республики Саха (Якутия). Иркутск : БГУЭП, 2011. С. 19–20.
5. Гатауллин Р. Ф. Закономерности формирования межрегиональных различий в доходах // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2012. № 4. С. 1–9.
6. Глухов В. В., Барыкин С. Е. Экономика электроэнергетического комплекса. СПб. : Издательство СПбГПУ, 2003.
7. Егорова Т. П. Организационные проблемы завоза грузов в арктическую зону Якутии // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. Логистика. 2014. № 12 (72). С. 51.
8. Жариков О. Н. Некоторые вопросы повышения эффективности использования воздушного транспорта Якутской АССР. Якутск : Якутское кн. изд-во, 1975.
9. Майоров В. Ф., Ишков А. М., Кузьминов М. А., Зудов Г. Ю. Работоспособность грузовых автомобилей Volvo в условиях Якутии // Наука и образование. 2006. № 3. С. 51.
10. Силин А. Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4. С. 109–123.
11. Фаворский О. Н. Об энергетике России в ближайшие 20–30 лет // Вестник РАН. 2007. Т. 77. С. 121–127.
12. Шамахов В. А. Особенности современного международно-правового режима Арктики // Российская Арктика — территория права: альманах. Выпуск II. Сохранение и устойчивое развитие Арктики: правовые аспекты / отв. ред. В. П. Емельянцева, Е. А. Галиновская. М. ; Салехард : Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИД «Юриспруденция», 2015. С. 79–84.
13. Юрганов Л. Н., Лейфер А., Лунд Майр К. Сезонная и межгодовая изменчивость атмосферного метана над морями Северного Ледовитого океана по спутниковым данным // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2016. № 2. С. 107–119.
14. Яновский В. В., Малинин А. М., Окунев И. С. Пространство евразийского сотрудничества: логистическое измерение. Препринт СЗИУ РАНХиГС № 1/17 03.03.2017. ISBN 978-5-89781-580-7.
15. Abashev D. A., Yanovskiy V. V. Modern Approach to the Regional Strategic Planning: Main Directions and Tools// Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103). С. 110.
16. Peter F. Johnston. Arctic Energy Resources and Global Energy Security // Journal of Military and Strategic Studies. v. 12, issue 2, winter 2010.
17. Tesi T. et al. Massive remobilization of permafrost carbon during post-glacial warming Nature Communications № 7, Article number: 13653 (2016) DOI 10.22394/1726-1139-2018-3-10.22394/1726-1139-2018-3-10.1038/ncomms13653 <http://dx.doi.org/10.22394/1726-1139-2018-3-10.1038/ncomms13653>

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор. Действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса; shamahov-va@sziu.ranepa.ru

Исаев Алексей Петрович, декан факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор кафедры менеджмента; isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Яновский Валерий Витальевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; ianovskii@mail.ru

References

1. Alekseev V. V. Russian civilization (signs, development stages, results and lessons) // Ural historical bulletin [Ural'skii istoricheskii vestnik]. 2010. N 3. P. 4–14. (In rus)
2. Belinsky B. V., Zharikov O. N., Zavyalov S. Ya. Ways of increase in labor productivity on water and air transport of Yakut ASSR // Problems of rational use of a manpower of Yakut ASSR

- [Problemy ratsional'nogo ispol'zovaniya trudovykh resursov Yakutskoi ASSR]. Yakutsk : Yakut publishing house, 1974. (In rus)
3. *Bilashenko V. P.*, Smolentsev D. O. Application of nuclear power plants of low power in local power supply systems // PRO-ARCTIC [an electronic resource]. URL: <http://pro-arctic.ru/21/03/2015/technology/14630> (date of the address: 12.12.2017) (In rus)
 4. *Butaev A. S.* On a question of year-round transportations in Yakutia // Problems of development of year-round thoroughfares of the Sakha (Yakutia) Republic [Problemy razvitiya kruglogodichnykh transportnykh magistralei Respubliki Sakha (Yakutiya)]. Irkutsk : BSUEP, 2011. P. 19–20. (In rus)
 5. *Gataullin R. F.* Regularities of formation of interregional differences in income // Online journal "NAUKOVEDENIE". 2012. N 4. P. 1–9. (In rus)
 6. *Glukhov V. V.*, Barykin S. E. Economy of an electrical power complex. SPb. : Publishing house SPbSPU, 2003. 206 p. (In rus)
 7. *Egorova T. P.* Organizational problems of delivery of freights to the Arctic zone of Yakutia // Management of economic systems: online scientific journal. Logistics [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal. Logistika.]. 2014. N 12 (72). P. 51. (In rus)
 8. *Zharikov O. N.* Some questions of increase in efficiency of use of air transport of Yakut ASSR. Yakutsk : Yakut publishing house, 1975. (In rus)
 9. *Mayorov V. F.*, Ishkov A. M., Kuzminov M. A., Zudov G. Yu. Performance of the Volvo trucks in the conditions of Yakutia // Science and education [Nauka i obrazovanie]. 2006. N 3. P. 51. (In rus)
 10. *Silin A. N.* Sociological aspects of rotational work in territories of the North of Western Siberia // Economic and social changes: facts, tendencies, forecast [Ekonomicheskie i sotsial'nye pereмены: fakty, tendentsii, prognoz]. 2015. N 4. P. 109–123. (In rus)
 11. *Favorsky O. N.* About power industry of Russia in the next 20–30 years // Bulletin of RAS [Vestnik RAN]. 2007. V. 77. P. 121–127. (In rus)
 12. *Shamakhov V. A.* Features of the modern international legal regime of the Arctic // Russian Arctic — the territory of law: almanac. Release II. Preservation and sustainable development of the Arctic: legal aspects [Rossiiskaya Arktika — territoriya prava: al'manakh. Vypusk II. Sokhraneniye i ustoychivoye razvitiye Arktiki: pravovye aspekty] / ex. edition V. P. Emelyantsev, E. A. Galinovskaya. M.; Salekhard: Government of the the Yamalo-Nenets Autonomous District; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Publishing House "Law", 2015. P. 79–84. (In rus)
 13. *Yurganov L. N.*, Leifer I., C. Lund Myhre. Seasonal and interannual variability of atmospheric methane over Arctic Ocean from satellite data // Current problems in remote sensing of the Earth from space [Sovremennyye problemy distantsionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa]. 2016. N 2. P. 107–119. (In rus)
 14. *Yanovsky V. V.*, Malinin A. M., Okunev I. S. Space of the Eurasian cooperation: logistic measurement. Pre-print of NWIM of RANEPa N 1/17 03.03.2017. ISBN 978-5-89781-580-7. (In rus)
 15. *Abashev D. A.*, *Yanovskiy V. V.* Modern Approach to the Regional Strategic Planning: Main Directions and Tools// Управленческое консультирование. 2017. № 7 (103). С. 110.
 16. *Peter F. Johnston.* Arctic Energy Resources and Global Energy Security // Journal of Military and Strategic Studies. v. 12, issue 2, winter 2010.
 17. *Tesi T. et al.* Massive remobilization of permafrost carbon during post-glacial warming Nature Communications № 7, Article number: 13653 (2016) DOI 10.22394/1726-1139-2018-3-10.22394/1726-1139-2018-3-10.1038/ncomms13653 <http://dx.doi.org/10.22394/1726-1139-2018-3-10.1038/ncomms13653>.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor. State Councilor of the Russian Federation of the 1st class; shamahov-va@sziu.ranepa.ru

Alexey P. Isaev, Dean of Faculty of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); isaev-ap@sziu.ranepa.ru

Valery V. Yanovskiy, Professor of the Chair of Management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy); ianovski@mail.ru

Вопросы экономической безопасности в оборонно-промышленном комплексе

Бочуров А. А.¹, Курбанов А. Х.^{1*}, Литвиненко А. Н.²

¹Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

*kurbanov-83@yandex.ru

²Санкт-Петербургский университет МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

РЕФЕРАТ

Развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК) России является одним из приоритетов государственной внутренней политики. При этом ОПК выступает не только основным поставщиком продукции, предназначенной для военной организации государства, но и драйвером экономического роста. Несмотря на значительную государственную поддержку ОПК, основным инструментом которой является государственный оборонный заказ, проблем в ОПК достаточно много. На основе анализа перспектив и основных проблем развития отечественного ОПК в 2018–2025 гг. в работе были выявлены основные факторы, влияющие на уровень его экономической безопасности.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, государственная промышленная политика, оборонно-промышленный комплекс, экономическая безопасность

Issues of Economic Security in the Military-Industrial Complex

Bochurov A. A.^a, Kurbanov A. H.^{a*}, Litvinenko A. N.^b

^aMilitary Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev (Saint-Petersburg, Russian Federation)

*kurbanov-83@yandex.ru

^bSaint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)

ABSTRACT

The development of the defense-industrial complex of Russia is one of the priorities of state domestic policy. At the same time, the defense-industrial complex is not only the main supplier of products intended for the military organization of the state, but also the driver of economic growth. Despite the significant state support of the defense industry complex, the main instrument of which is the state defense order, there are many problems in this area. We will try on the basis of analysis of the prospects and main problems of the development of the national defense industry in 2018–2025 identify the main factors that affect the level of its economic security and disclose their content.

Keywords: state defense order, state industrial policy, defense-industrial complex, economic security

Отечественный оборонно-промышленный комплекс (ОПК) представляет собой совокупность научно-исследовательских, испытательных и производственных предприятий, задачей которых является разработка, производство, хранение, постановка на вооружение военной и специальной техники, боеприпасов и прочей продукции военного назначения. Он функционирует в интересах государственных силовых структур (Минобороны России, Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и др.), которые являются его основными заказчиками.

Некоторые предприятия ОПК выпускают продукцию в рамках зарубежных заказов. Российская Федерация является одним из лидеров мирового рынка вооружений,

объем которого, как следует из доклада Стокгольмского международного института (SIPRI), в 2017 г. достиг максимума со времен холодной войны. При этом экспортные доходы ОПК не подвержены такой волатильности, как, например, сырьевая часть российского экспорта. В период 2012–2016 гг. экспорт товаров сократился на 47 %, а экспорт вооружений оставался на уровне около 15 млрд долл. В результате в 2016 г. доля вооружений в российском экспорте товаров превысила 5% [13].

Одна из особенностей отечественного ОПК, присущая ему с момента его появления, состоит в том, что государство получило возможность концентрировать различные виды ресурсов для достижения выдающихся результатов не только при решении вопросов создания новейших образцов вооружений и военной техники, но и для реализации масштабных проектов, имеющих важное народнохозяйственное значение [12]. Однако после того, как СССР перестал существовать, в структуре ОПК стали отмечаться существенные изменения, которые во многом были связаны с процессами, происходящими в системе государственного развития. В начале 90-х годов XX в. ослабление его роли сопровождалось внедрением концепции децентрализованного управления ОПК [12]. Многие предприятия столкнулись с существенным сокращением военных заказов, были акционированы и приватизированы. Оставшиеся предприятия отрасли стали осуществлять конверсию военного производства и были вынуждены перейти на выпуск гражданской продукции, которая пользовалась спросом.

Системный кризис, поразивший ОПК, не мог остаться без внимания государства, и в начале 2000-х годов руководством страны был принят ряд решений, направленных на возрождение отечественного ОПК в рамках проведения государственной промышленной политики и увеличения военных расходов на фоне нестабильной геополитической ситуации в мире. Несмотря на то, что результатами реализации государственной программы вооружения (ГПВ) 2011–2020 гг. стал не только рост боевого потенциала Вооруженных сил Российской Федерации (ВС РФ), но и развитие производственного потенциала оборонного и двойного назначения, некоторые негативные последствия преобразований, проведенных в ОПК в 90-е годы XX в., не преодолены до сих пор.

Дальнейшее развитие ОПК (до 2025 г.) должно осуществляться с учетом поддержания обороноспособности в существующей и прогнозируемой системе угроз, решения задач обеспечения жизненно важных интересов России в военной и гражданской сферах. Особое внимание следует уделять использованию имеющегося научно-технического задела, сохранению и развитию кадровой составляющей предприятий ОПК, проведению эффективной политики импортозамещения. Привлечение национальных исполнителей важно не только с точки зрения содействия отечественной экономике, но и для минимизации геополитических рисков [16]. Следующий цикл технологического перевооружения, когда будут реализовываться принципиально новые концепции, прогнозируется на период 2035–2050 гг. До этого времени необходимо преодолеть отставание по тем направлениям деятельности ОПК, позиции по которым были утрачены.

С использованием различных источников [2–7 и др.], нами были проанализированы основные направления развития отечественного ОПК в среднесрочной и долгосрочной перспективе (2018–2025 гг.) с учетом состояния смежных отраслей, выявлены факторы, которые могут оказать сдерживающее или вовсе негативное воздействие на реализацию планируемых мероприятий. Результаты авторского анализа представлены в табл. 1.

Анализ содержания разработанной таблицы позволяет с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день перед нашей страной стоит серьезная задача, заключающаяся не только в дальнейшем развитии отечественного ОПК, но в мо-

**Анализ перспектив и основных проблем развития отечественного
оборонно-промышленного комплекса в 2018–2025 гг.**

Table 1. The analysis of prospects and the main problems of development
of domestic defense industry complex in 2018–2025

Перспективы развития	Возможные проблемы реализации мероприятий развития
Дальнейшее технологическое развитие ОПК	Мероприятие предусматривает комплексную модернизацию, реконструкцию и полное техническое перевооружение предприятий ОПК с целью сохранения технологических циклов производства и эксплуатации важнейших систем вооружения. При этом анализ оборонных расходов показывает, что основной источник роста ОПК, государственный оборонный заказ, в рамках существующей конструкции федерального бюджета и бюджетно-налоговой политики исчерпан
Оптимизация производственных мощностей ОПК	Одной из задач дальнейшего развития ОПК является сокращение излишних мощностей, дублирующих друг друга однотипных производств. Однако здесь существует множество проблем организационного, экономического и юридического характера. Территориальная схема размещения производственных мощностей предприятий ОПК не может быть преобразована в ограниченные сроки, несмотря на то, что объективно во многих случаях отмечается необоснованное увеличение затрат на логистику
Сохранение позиций России на мировом рынке вооружений	Позиции России на мировом рынке технологий, продукции и услуг ОПК можно считать достаточно прочными в области авиации, космоса, систем противовоздушной обороны, автоматического стрелкового оружия. В то же время поддержание конкурентоспособности предполагает существенные вложения в финансирование исследований и разработок как фундаментального, так и прикладного характера. Одним из основных конкурентов, существенно усилившим свои позиции на мировом рынке вооружения, является Китай, который осуществляет нелегальное копирование российской боевой техники
Развитие в стране собственного высокотехнологичного станкостроения	С начала 1990 г. металлорежущее оборудование на российских заводах практически не обновлялось и не модернизировалось. Для обеспечения производственной деятельности получила распространение закупка готового оборудования за рубежом в ущерб внедрению собственных новых разработок. Возрождение отечественного станкостроения, в том числе путем модернизации существующего оборудования, возможно на базе современной электроники и разработки новых и перспективных образцов. Однако практически непреодолимый кризис российской электронной промышленности может послужить причиной полной утраты некоторых направлений производства отечественной продукции

Перспективы развития	Возможные проблемы реализации мероприятий развития
Сохранение квалифицированных кадров на предприятиях ОПК	В ОПК к 2025 г. запланирована профессиональная переподготовка и обучение в системе дополнительного профессионального образования работников организаций ОПК на условиях совместного финансирования. Вместе с тем в результате негативных последствий оттока специалистов в 90-х годах XX в. в ОПК отмечается потеря преемственности поколений. Отечественная научно-исследовательская база не встроена в мировую систему фундаментальных и отраслевых исследований, что затрудняет ее развитие в краткосрочной и среднесрочной перспективе
Использование научно-технического потенциала ОПК для выпуска продукции гражданского назначения	Научно-технический потенциал ОПК, безусловно, необходимо максимально задействовать в процессе выпуска продукции гражданского назначения, доля которой по некоторым оценкам должна составить к 2030 г. не менее 50 %. Это обеспечит высокий уровень загрузки предприятий ОПК, гарантирующий достаточную рентабельность производства. Однако реализация данных мероприятий предполагает внедрение новых бизнес-моделей управления, идея которых заключается в создании новых рыночных ниш, что в условиях высокой конкуренции без проведения протекционистской политики со стороны государства весьма проблематично

Источник: составлено авторами по результатам анализа работ [2, 3, 4, 5, 6, 7 и др.] и результатов собственных исследований [8, 9, 12 и др.].

дернизации всей промышленности в целом. Несмотря на то, что за последние десять лет была организована масштабная работа по развитию индустриальной основы производства, реализованных мер явно недостаточно. Одной из серьезных проблем является проведение политики импортозамещения, которая существенно обострилась из-за введения против России санкций рядом западных стран. При этом санкции в первую очередь коснулись ограничений на движение капитала, выполненных ранее заключенных контрактов, связанных с обеспечением обороны и безопасности РФ (так, например, немецкая компания «Rheinmetall» отказалась достраивать дорогостоящий центр боевой подготовки в Мулино), а также технологического трансфера в ряде ключевых для отечественной промышленности областей [11].

Ввод санкций на практике показал, что без наличия собственной научно-технической базы и производства, позволяющего осуществить выпуск высокотехнологичной продукции, обеспечить устойчивый экономический рост очень сложно. В связи с этим правительству нашей страны необходимо в ограниченные сроки наладить производство таких товаров внутри страны. Однако необходимо понимать, что это практически невозможно по целому ряду причин [11]. Следует определить приоритетные направления импортозамещения и сосредоточить все усилия на производстве стратегически важных товаров. Предприятия ОПК работают по 13 отраслевым планам импортозамещения из 21. Первоочередное внимание необходимо уделить таким отраслям, как медицинская промышленность (доля импорта

доходит до 70–80%), тяжелое машиностроение (60–80%), станкостроение (свыше 90% импортной продукции), радиоэлектроника (до 90% импорта) [11].

Государство заинтересовано в развитии отечественного производства. Популярным финансовым механизмом содействия реализации проектов в промышленности стали государственные гарантии и льготные кредиты, введенные постановлением Правительства России от 11 октября 2014 г. № 1044 «Об утверждении Программы поддержки инвестиционных проектов, реализуемых на территории Российской Федерации на основе проектного финансирования». Они предоставляются по итогам конкурсного отбора и носят целевой характер [1].

Одним из инструментов территориального развития промышленной инфраструктуры является создание специализированных промышленных площадок: индустриальных парков (для размещения промышленных производств), технопарков (для размещения инновационных компаний) и промышленных кластеров. В качестве финансовой поддержки предоставляется субсидия управляющим компаниям индустриальных парков и технопарков, возмещающая часть затрат на уплату процентов по кредитам, привлеченным на создание промышленной инфраструктуры. Вторым механизмом поддержки территориального развития промышленной инфраструктуры является возмещение регионам из федерального бюджета затрат на создание промышленной инфраструктуры за счет возврата уплаченных резидентами налогов и таможенных пошлин [1].

Возвращаясь к проблемам технологического развития ОПК и сохранения за Россией статуса одного из мировых лидеров в области военно-технического сотрудничества, необходимо дополнительное решение следующих задач:

- диверсификации оборонных производств, реализация активной и гибкой политики выпуска на предприятиях ОПК продукции военного и гражданского назначения, в том числе и той, которая поставляется на экспорт. При этом следует устранить барьеры, препятствующие расширению экспорта, как источника дополнительных инвестиций — необходимость сертификации продукции, защиты интеллектуальной собственности и низкая эффективность логистики (стоимость доставки готовой продукции военного назначения продолжает оставаться очень высокой);
- обоснованный выбор рыночных ниш (не только продуктовых, но и территориальных) для реализации продукции военного назначения;
- завоевание не позднее 2020 г. технологического лидерства на относительно открытых зарубежных рынках вооружения;
- определение в качестве приоритетных отраслей ОПК таких, как авиастроение, ракетно-космическая промышленность, промышленность вооружений, судостроение. Однако нельзя забывать и о некоторых перспективных направлениях, таких, как производство новых композиционных материалов, робототехника, радиоэлектроника, производство технологического оборудования и др.

Следует признать, что ОПК находится под воздействием целой системы взаимосвязанных факторов, которые оказывают влияние на его экономическую безопасность. При этом под *экономической безопасностью ОПК*, по нашему мнению, необходимо понимать совокупность условий, обеспечивающих устойчивое функционирование предприятий, производящих продукцию в рамках ГОЗ. Экономическая безопасность ОПК является одним из основных элементов системы национальной безопасности [10].

Необходимость обеспечения экономической безопасности ОПК существенно повышается в современных геополитических условиях. Рассмотрение экономической безопасности ОПК как важнейшего блока в системе национальной безопасности государства обусловлено, прежде всего, тем, что экономика является основой жизнедеятельности общества, государства, личности, устойчивого развития страны в целом.

**Анализ факторов, влияющих на уровень экономической безопасности
отечественного ОПК**

Table 2. The analysis of the factors influencing the level of economic security of domestic
military-industrial complex

Наименование фактора	Содержание и специфические особенности
Фрагментированный механизм ценообразования в рамках ГОЗ	Ценообразование регламентировано законодательными документами, однако его механизм требует переработки, особенно если вопрос касается производства новой уникальной продукции; в системе ценообразования детально прописаны процедуры формирования и согласования цен. При этом методики обоснования себестоимости продукции отсутствуют, что допускает вольное толкование их размера
Проблемы банковского сопровождения ГОЗ	Нововведение обладает явными преимуществами, поскольку позволяет отслеживать всех исполнителей, задействованных в реализации государственного контракта, выявлять «фирмы-однодневки»; его практическая реализация требует открытия предприятиями огромного количества счетов; ограничением банковского сопровождения ГОЗ является отсутствие развитой банковской инфраструктуры в стране
Влияние кризисных явлений в экономике	Кризисные явления в экономике могут оказать существенное влияние на выполнение участниками ГОЗ своих обязательств. При этом возможна как задержка продукции, поставляемой в рамках государственных контрактов, так и несвоевременность ее оплаты со стороны заказчика
Недостаточная законодательная поддержка перехода на контракты полного жизненного цикла	Предприятия отечественного ОПК недостаточно полно встроены в систему поддержания жизненного цикла реализуемого изделия; переход на контракты полного жизненного цикла требует проведения глубокой модернизации ОПК и изменений действующей законодательной базы
Преступления при реализации ГОЗ	Анализ практики реализации ГОЗ показывает, что в числе правонарушителей выступают как государственные заказчики, так и участники размещения заказов; со стороны заказчиков продолжает отмечаться практика заключения контрактов без проведения конкурсных процедур и стремление свести все к запросу котировок; конкурсные комиссии зачастую не соблюдают нормы законодательства при оформлении конкурсной документации, документации об аукционе и извещения о проведении запроса котировок; не всегда принимаются должные меры по предъявлению и взысканию с недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) штрафов за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств; выявляются факты лоббирования госслужащими контрактов с аффилированными коммерческими организациями;

Наименование фактора	Содержание и специфические особенности
	конкурсные комиссии зачастую не соблюдают нормы законодательства при оформлении конкурсной документации, документации об аукционе и извещения о проведении запроса котировок; не всегда принимаются должные меры по предъявлению и взысканию с недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) штрафов за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств; выявляются факты лоббирования госслужащими контрактов с аффилированными коммерческими организациями; со стороны участников происходит завышение стоимости продукции, производимой в рамках ГОЗ, поставка оборудования не соответствующего технической документации меньшей стоимости; злоупотребление полномочиями в интересах организации-контрагента («откатная» схема); хищение денежных средств, выделяемых на модернизацию предприятий ОПК; использование фирм-однодневок, деятельность которых носит противоправный характер и направлена на ограничение конкуренции путем вытеснения добросовестных поставщиков из процедур размещения заказа и др.
Проблемы законодательного регулирования ГОЗ	Ключевым условием эффективного функционирования системы ГОЗ является наличие у нее проработанной и внутренне непротиворечивой нормативно-правовой базы; наличие большого количества регламентирующих документов, в некоторых случаях приводит к возникновению противоречий между ними; появляются новые формы организации государственно-частного сотрудничества, которые могут не соответствовать существующей нормативной базе, но при этом эффективны; в нормативно-правовой базе должен быть минимизирован риск злоупотребления со стороны всех стейкхолдеров государственного заказа; недостаточная результативность следствия по уголовным делам в сфере ГОЗ обусловлена тем, что в первичных материалах не во всех случаях имеются акты ревизий и полный объем необходимых документов; конкретные сведения о финансировании организаций в рамках ГОЗ носят закрытый характер, что в некоторых случаях существенным образом затрудняет работу следственных органов
Срыв сроков выполнения ГОЗ	Недостаточно высокий уровень планирования загрузки производственных мощностей; утрата отдельных технологий производства и нарушение кооперационных связей (в том числе и по причине введения санкций против РФ);

Наименование фактора	Содержание и специфические особенности
	завышенная оценка головным исполнителем своих реальных возможностей при выходе на конкурс
Целесообразность детализации цепочки кооперации	Механизм формирования кооперации в настоящее время является непрозрачным; критерии определения нижнего звена в цепочке кооперации нуждаются в соответствующем обосновании
Оппортунизм между участниками ГОЗ	Проблема нивелирования целей участников государственного оборонного заказа в процессе взаимодействия является крайне актуальной; заказчик стремится получить продукцию заданного качества в установленные сроки по минимальной цене, исполнитель, в свою очередь, заинтересован в большем объеме прибыли, в том числе путем снижения себестоимости продукции за счет сырьевой составляющей
Ограничения, обусловленные спецификой военных заказчиков	Ограничения по продаже оборудования МО РФ у зарубежных производителей существовали всегда, однако их масштаб в последние годы существенным образом возрос; ввиду отсутствия некоторых технологий в отдельных случаях государственный заказчик вынужден выстраивать сложную систему, состоящую из значительного количества поставщиков, расположенных в государствах с лояльной внешней политикой, что существенным образом влияет на стоимость закупаемой продукции
Обеспечение режима секретности	Для обеспечения прозрачности ГОЗ необходим прозрачный механизм его контроля, однако специфика ГОЗ и порядок деятельности большинства предприятий ОПК не предполагают открытого распространения информации (значительный объем информации о ГОЗ является закрытым)
Ограниченная номенклатура производимой продукции	У многих предприятий отечественного ОПК существует проблема ограничения сбыта производимой продукции (прежде всего, речь идет о специальной химии, боеприпасах), основным потребителем которой является военная организация государства; ограниченная номенклатура производимой продукции создает существенные ограничения проведения конверсии предприятия ОПК

Источник: разработано А. А. Бочуровым на основе анализа работ [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 14, 15 и др.] и результатов собственных исследований.

Проведем анализ основных факторов, влияющих на уровень экономической безопасности отечественного ОПК, с учетом их содержания и специфики. Условно данные факторы предлагается разделить на четыре группы: экономические, юридические, организационные и ведомственные (табл. 2). Возможна и другая градация, например, по уровню отношения к ОПК — внешние (экзогенные), внутренние (эндогенные).

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

- 1) развитие ОПК существенным образом зависит от уровня ГОЗ. При этом поддержка предприятий ОПК стимулирует инвестиционную активность в тех сферах, которые в той или иной степени встроены в кооперационные связи оборонного производства;
- 2) несмотря на то, что отечественный ОПК в последнее время стал выходить из затяжного кризиса, полностью комплекс накопленных проблем преодолеть не удалось. Кроме того, стало очевидно, что мер экономического характера явно недостаточно для решения тех вопросов, которые являются наиболее актуальными (обновление основных производственных фондов, организация выпуска инновационной продукции, создание эффективной системы подготовки и привлечения высококвалифицированных кадров);
- 3) вопросы обеспечения экономической безопасности отечественного ОПК являются крайне актуальными. Идентификация факторов, определяющих уровень экономической безопасности, позволяет предложить комплекс мероприятий, реализация которых будет способствовать снижению степени их негативного воздействия;
- 4) дальнейшее развитие ОПК должно осуществляться путем реализации комплекса мероприятий, предусматривающих использование производственного потенциала и технологий для выпуска продукции двойного и гражданского назначения;
- 5) весь комплекс проблемных вопросов, сдерживающих развитие отечественного ОПК в 2018–2025 гг., не может быть преодолен путем увеличения финансирования ГОЗ. Ясное понимание стратегии ОПК позволяет предпринимать эффективные меры в рамках преодоления сдерживающих факторов его развития. Необходимость использования для этого научного подхода очевидна.

Литература

1. Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А., Плотников В. А. Промышленная политика России: направленность и инструментарий // Экономическое возрождение России. 2017. № 3 (53). С. 49–56.
2. Викулов С. Ф., Коновалов В. Б., Хрусталева Е. Ю. Финансовые и экономические войны в эпоху сетевого мироустройства // Полиматематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 111. С. 1549–1565.
3. Военная логистика: история, методология, современное состояние и перспективы развития: коллективная монография / под ред. д. э. н., доцента Курбанова А. Х. СПб. : ООО «Копи-Р Групп», 2014.
4. Князьнеделин Р. А., Наружный В. Е., Смуров А. М. Государственный заказ: теория, механизм исполнения, специфика реализации в оборонной сфере: монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. В. А. Плотникова. СПб. : СПбГЭУ, 2017.
5. Князьнеделин Р. А., Смуров А. М. Проблемы организации эффективной системы управления государственными и корпоративными закупками // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2016. № 6. С. 37–42.
6. Козин М. Н., Янина А. В. Государственно-частное партнерство как фактор повышения военно-экономической безопасности государства // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал. 2017. № 2 (42). С. 96–101.
7. Котляров И. Д. Организация эффективного военно-гражданского сотрудничества // Ресурсное обеспечение силовых министерств и ведомств: вчера, сегодня, завтра: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пермь : ПВИ ВНГ РФ. 2016. С. 177–181.
8. Курбанов А. Х., Наружный В. Е., Плотников В. А. Банковское сопровождение государственного оборонного заказа: специфика и особенности реализации // Управленческое консультирование. 2015. № 10. С. 101–109.
9. Курбанов Т. Х., Курбанов А. Х., Плотников В. А. Влияние состояния инфраструктуры военного назначения на обеспечение военно-экономической безопасности страны // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23. № 8. С. 144–154.

10. Литвиненко А. Н., Пеунов П. Н. Развитие методических инструментов по противодействию экономическим преступлениям на промышленных предприятиях // Проблемы и перспективы социально-экономического развития общества: история и современность: материалы международной научно-практической конференции. СПб. : Свое издательство. 2016. С. 44–48.
11. Плотников А. В. Оценка влияния процессов импортозамещения на развитие регионального хозяйственного комплекса // Наука и инновации в технических университетах: материалы Десятого всероссийского форума студентов, аспирантов и молодых ученых. 2016. С. 154–156.
12. Плотников В. А., Курбанов А. Х., Князьнеделин Р. А. Государственный заказ как инструмент промышленной политики в оборонно-промышленном комплексе: теория и практика. СПб. : ООО «Копи-Р Групп». 2013.
13. Рынок вооружений за пять лет достиг максимума со времен холодной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2017/58aad8b59a794756977f5617> (дата обращения: 11.10.2017).
14. Сафиханов А. А., Козин М. Н., Курбанов Т. Х. Национальные интересы России в Арктической зоне Российской Федерации: военно-экономический аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. № 11. Т. 22. С. 125–139.
15. Смуров А. М. Противоречия системы государственного заказа // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2016. № 11 (27). С. 79–85.
16. Смуров А. М., Целыковских А. А. Анализ системы государственного заказа ведущих зарубежных стран // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2017. № 1 (96). С. 41–46.

Об авторах:

Бочуров Андрей Александрович, соискатель кафедры материального обеспечения Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Российская Федерация); vatt@mil.ru

Курбанов Артур Хусаинович, профессор кафедры материального обеспечения Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; kurbanov-83@yandex.ru

Литвиненко Александр Николаевич, профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; lanfk@rambler.ru

References

1. Vertakova Yu. V., Plotnikova N. A., Plotnikov V. A. Industrial policy of Russia: direction and tools // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2017. N 3 (53). P. 49–56. (In rus)
2. Vikulov S. F., Konovalov V. B., Khrustalev E. Yu. Financial and economic wars in the era of a networked world order // Polymathematical network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University [Polimatematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta]. 2015. N 111. P. 1549–1565. (In rus)
3. Military logistics: history, methodology, current state and development prospects: Collective monograph / Ed. by Kurbanov A. Kh. St. Petersburg : Kopi-R Group LLC, 2014. (In rus)
4. Knyaznedinin R. A., Oruzhny V. E., Smurov A. M. State order: theory, mechanism of execution, specificity of implementation in the defense sphere: monograph / Ed. by V. A. Plotnikov. SPb. : SPbGUEU, 2017. (In rus)
5. Knyaznedelin R. A., Smurov A. M. Problems of organization of an effective system of state and corporate procurement management // Problems of Economics and Management of the Oil and Gas Complex [Problemy ekonomiki i upravlenija neftegazovym kompleksom]. 2016. N 6. P. 37–42. (In rus)
6. Kozin M. N., Yanina A. V. Public-Private Partnership as a Factor of Enhancing Military-Economic Security of the State // Scientific Bulletin of the Volsky Military Institute of Material Support: Military Scientific Journal [Nauchnyj vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespechenija: voenno-nauchnyj zhurnal]. 2017. N 2 (42). P. 96–101. (In rus)

7. Kotlyarov I.D. The organization of effective military-civil cooperation // Resource support of the power ministries and departments: yesterday, today, tomorrow [Resursnoe obespechenie silovykh ministerstv i vedomstv: vchera, segodnja, zavtra]. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference. [Sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii]. Perm : PVI VNG of the Russian Federation. 2016. P. 177–181. (In rus)
8. Kurbanov A. Kh., Oruzhny V. E., Plotnikov V. A. Banking support of the state defense order: specificity and features of implementation // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 10. P. 101–109. (In rus)
9. Kurbanov T. Kh., Kurbanov A. Kh., Plotnikov V. A. Influence of the state of the military infrastructure on ensuring military-economic security of the country // Bulletin of Transbaikal State University [Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta]. 2017. V. 23. N 8. P. 144–154. (In rus)
10. Litvinenko A. N., Peunov P. N. Development of methodological tools for counteracting economic crimes at industrial enterprises // Problems and perspectives of social and economic development of society: history and modernity. Materials of the international scientific-practical conference [Problemy i perspektivy social'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva: istoriya i sovremennost']. SPb. : Own publishing house. 2016. P. 44–48. (In rus)
11. Plotnikov A. V. Evaluation of the impact of import substitution processes on the development of a regional economic complex // Science and Innovations in Technical Universities. Proceedings of the Tenth All-Russian Forum of Students, Postgraduates and Young Scientists [Nauki i innovacii v tehnikeskikh universitetah. Materialy Desjatogo Vserossijskogo foruma studentov, aspirantov i molodyh uchenyh]. 2016. P. 154–156. (In rus)
12. Plotnikov V. A., Kurbanov A. Kh., Knyaznedinin R. A. State order as an instrument of industrial policy in the defense-industrial complex: theory and practice. SPb. : Kopi-R Group LLC. 2013. (In rus)
13. The arms market has peaked in five years since the Cold War [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2017/58aad8b59a794756977f5617> (date of the address: 11.10.2017). (In rus)
14. Safikhanov A. A., Kozin M. N., Kurbanov T. Kh. National interests of Russia in the Arctic zone of the Russian Federation: military-economic aspect // Bulletin of Transbaikal State University [Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta]. 2016. N 11. V. 22. P. 125–139. (In rus)
15. Smurov A. M. Contradictions of the state order system // Multi-level social reproduction: questions of theory and practice [Mnogourovnevnoe obshchestvennoe proizvodstvo: voprosy teorii i praktiki]. 2016. N 11 (27). P. 79–85. (In rus)
16. Smurov A. M., Tselikovskikh A. A. Analysis of the state order system of leading foreign countries // Proceedings of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences [Izvestija Rossijskoj akademii raketnyh i artillerijskih nauk]. 2017. N 1 (96). P. 41–46. (In rus)

About the authors:

Andrei A. Bochurov, Applicant of the Department of Material Support of Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev (Saint-Petersburg, Russian Federation); vatt@mil.ru

Arthur H. Kurbanov, Professor of department of material security of Military Academy of Logistics named after Army General A. V. Khrulev (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Associate Professor; kurbanov-83@yandex.ru

Alexander N. Litvinenko, Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor; lanfk@rambler.ru

Экономические и политические результаты членства Российской Федерации в ВТО: оценка на базе теорий международных организаций

Жиряева Е. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lenaonline@inbox.ru

РЕФЕРАТ

В статье проверены некоторые выводы теорий международных организаций на примере результатов вступления России в ВТО. Данные о показателях условий торговли не позволили выявить закономерностей. После вступления в ВТО улучшились показатели импорта: выросла диверсификация и сократилась концентрация импорта. Заметного влияния на экспорт установлено не было, поскольку первые десять экспортных позиций Российской Федерации составляют сырьевые товары. Платежная матрица игры с ненулевой суммой была применена к анализу антидемпинговых мер в двухсторонней торговле России с Китаем, Украиной и ЕС. Показано, что стратегия «вступить в ВТО» во всех случаях оказывалась оптимальной для России. Стратегия «принять Россию в ВТО» оптимальна для ЕС и Украины, но не оптимальна для Китая. Наше исследование не подтвердило точку зрения Д. Регана о том, что торговое соглашение направлено на ограничение протекционизма, так как после вступления в ВТО число антидемпинговых мер во взаимной торговле Российской Федерации выросло. В работе показано также, что развитые страны, имея либеральные тарифы, сохраняют высокую разницу в доступе отдельных товаров на рынки. Предложено оценивать степень либерализации по показателю концентрации импорта, при этом становится очевидным, что доступ на рынки, который предоставляла Россия, был выше, чем в развитых странах, во все исследованные периоды. Этим подтверждается постулат о том, что страны могут проводить либерализацию в одностороннем порядке. Е. Мансфилд и У. Рейнхард показали, что страна, будучи членом регионального торгового соглашения, улучшает свою переговорную позицию. Этот вывод в нашей работе был распространен на случай участия страны в международной организации и подтвержден примером укрепившейся переговорной позиции России как члена ВТО. Показано, что торговый режим страны не пострадал после 2014 г. В то же время с учетом выявленного в литературе эффекта «улучшения переговорной позиции» на стадии регионального торгового соглашения, предлагается передать на уровень ЕАЭС вопросы территориального развития и регулирования транспортных тарифов. Теория говорит, что при этом обоснованность мер по субсидированию перед лицом членов ВТО будет выше.

Ключевые слова: теории международных организаций, глобализация, переговорная позиция, членство России в ВТО, Всемирная торговая организация, ВТО, игра с ненулевой суммой, антидемпинговые меры, критерий либерализации, торговый режим

Economic and Political Results of the Russian Federation WTO Membership: Assessment on the Base of International Organizations Theories

Zhiryayeva E. V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; lenaonline@inbox.ru

ABSTRACT

In the article some international organizations theories predictions are examined on the results of Russia's accession to the WTO. Import indicators have improved after accession: import diversification has grown and import concentration has reduced. There was no influence on export as the

first ten export positions of the Russian Federation are raw materials. The payment matrix of a game with nonzero sum has been applied to the analysis of anti-dumping measures in bilateral trade with China, Ukraine and the EU. The strategy «to join the WTO» was shown to be optimal for Russia. The strategy «to admit Russia to the WTO» was optimal for the EU and Ukraine, but not for the China. We don't confirm the argument that the trade agreement is directed to protectionism restriction as the number of anti-dumping measures in mutual trade of the Russian Federation has grown after the WTO accession. The advanced countries, as it was shown, keep a high difference in access of certain goods to the markets. It has a sense to estimate extent of liberalization according to an indicator of import concentration. From this point of view, market access provided by Russia was higher than in the advanced economies since 2005. Countries do can carry out liberalization unilaterally. E. D. Mansfield and E. E. Reinhardt have shown that the country as a member of the regional trade agreement improves its bargaining power. This conclusion in our work has been extended to a case of the country participation in the WTO. It was shown that the trade regime of the Russian Federation hasn't suffered after 2014. At the same time taking into account the effect of «improvement of a bargaining power», which was revealed in literature for the stage of the regional trade agreement, the EEU is offered to include in its agenda territorial development and transport tariffs matters.

Keywords: international organizations theories, globalization, bargaining power, Russia's membership in the WTO, World Trade Organization, WTO, game with nonzero sum, anti-dumping measures, liberalization criteria, trade regime

Введение

С позиций традиционного экономического подхода торговые барьеры являются инструментом, с помощью которого страны могут увеличить свое благополучие. Этот подход развивался с середины XIX в. в работах Р. Торренса и Д. Миля, а затем был подтвержден в середине XX в. Х. Джонсоном. Авторы показали, что, применяя ввозные пошлины, большая страна может воздействовать на цены импортируемых товаров, снижая их. В результате растет показатель условий торговли. С этих позиций существование торгового соглашения, цель которого — взаимное снижение торговых барьеров, кажется бессмысленным.

Теория игр наряду с моделью общего равновесия — это две основные теории, которые применяются при обосновании роли ВТО. Игра с нулевой суммой предполагает выигрыш одной стороны за счет другой. Игры с ненулевой суммой увеличивают общую выгоду, они предполагают сотрудничество. Теорию игр с ненулевой суммой для двух и более игроков развивал Джон Нэш. Он предложил идею равновесия, когда все участники считают, что выбрали стратегию грамотно. Оно теперь известно как равновесие Нэша [1].

Анализ в рамках теории игр показал, что страны, действуя в одностороннем порядке, оказываются в состоянии стабильного равновесия (равновесия Нэша), при котором больше нет стимулов к сокращению тарифов. Ситуация описывается в экономике как торговая война, а в математике — как «дилемма заключенного». Теория игр показывает, что выигрыш обеих сторон был бы выше, если бы они выбрали свободную торговлю.

К. Бегвел и Р. Стайгер [3] опытным путем проверили идею о том, что правительства используют торговые соглашения с целью избежать условий торговли, сформированных «дилеммой заключенного». Сотрудничество в форме торгового соглашения действительно предлагает побег из «дилеммы заключенного» [8]. В процессе сотрудничества, считают К. Бегвел и Р. Стайгер, создается механизм, посредством которого интересы иностранных экспортеров начинают учитываться в торговой политике страны [2].

У описанного подхода есть оппоненты. Так, Д. Реган утверждает, что торговые соглашения нацелены на ограничение протекционизма, таково мнение большинства торговых юристов и экономистов [7]. С этих позиций в данной статье мы оценим

некоторые результаты вступления России в ВТО, с момента которого прошло уже более пяти лет. В статье рассмотрены также политические последствия вступления России в организацию.

В группе теорий политической экономики выделяется направление, называемое «улучшение переговорной позиции» [6]. Е. Мансфилд и Е. Рейнхард, изучавшие региональные торговые соглашения, задаются вопросом, почему страны формируют преференциальные экономические блоки, являясь участниками ВТО — успешного многостороннего торгового режима. Вывод состоит в том, что преференциальные соглашения страхуют страны от угроз, создаваемых их национальным интересам условиями ВТО. Региональные соглашения также придают больше весомости головам этих стран в международных переговорах [6].

Методы исследования

В последние годы динамика мировой торговли существенно изменилась. Объем мирового экспорта в 2016 г. составил 15,8 трлн долл., что на 3 трлн ниже, чем было в 2013 и 2014 гг. [5]. С целью учесть общемировые тенденции, динамика торговли России сравнивалась с показателями шести стран. На основе данных о торговых профилях [5] были выявлены страны со сходной структурой экспорта (основная экспортная категория — сырая нефть, товарная позиция 2709 по ГС — Гармонизированной системе описания и кодирования товаров) и импорта (основная импортная категория — легковые автомобили, товарная позиция 8703 по ГС). Это Алжир, Канада, Казахстан, Кувейт, Норвегия и Саудовская Аравия. При необходимости учитывались показатели стран, вступивших в ВТО в тот же временной период, что и РФ (Лаос, 2013; Таджикистан, 2013).

Анализ проводился по показателям, представленным в базе данных ЮНКТАД [9]. ЮНКТАД учитывает Россию как самостоятельно, так и в группе стран с переходной экономикой (наряду с Албанией, Арменией, Азербайджаном, Беларусью, Боснией и Герцеговиной, Грузией, Казахстаном, Кыргызстаном, Черногорией, Молдовой, Сербией, Таджикистаном, Македонией, Туркменистаном, Украиной и Узбекистаном). Рассматривалось число импортированных и экспортированных продуктов на уровне трехзначного кода Стандартной международной торговой классификации (СМТК). Максимальное число по СМТК составляет 260. Анализировался индекс диверсификации импорта (экспорта), который рассчитывается ЮНКТАД путем измерения абсолютного отклонения структуры торговли страны от мировой структуры:

$$S_j = \frac{\sum_i |h_{ij} - h_i|}{2}, \quad (1)$$

где h_{ij} — доля продукта i в общем импорте страны или группы стран j ; h_i — доля продукта i в общем мировом импорте.

Индекс диверсификации принимает значения от 0 до 1. Чем ближе значение к единице, тем больше отклонение от мировой структуры. Для мира это значение равно нулю. Индекс является модификацией показателя единообразия торговли Фингера-Крейнина.

Товарная концентрация измерялась ЮНКТАД на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана, который принимает значения от 0 до 1. Использовалась формула:

$$H_j = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_{ij}}{X_j} \right)^2} - \sqrt{1/n}}{1 - \sqrt{1/n}}, \quad (2)$$

где H_j — индекс страны или группы стран; X_{ij} — объем импорта страной j продукта i , а n — число продуктов (на уровне трехзначного кода СМТК).

Приближение значения индекса к единице указывает, что импорт сконцентрирован на небольшом количестве продуктов. И наоборот, чем ближе он к нулю, тем более гомогенным является распределение импорта по группам продуктов.

Показатели условий торговли (индекс условий торговли и индекс покупательной способности экспорта) не описаны в статье, так как их анализ не позволил установить закономерностей.

При исследовании антидемпинговых мер источниками данных служили полугодовые нотификации рассмотренных стран, поданные в Комитет по антидемпинговым мерам ВТО, а именно: таблица приложения по действующим мерам. В статье использована платежная матрица для игры с ненулевой суммой, которая позволяет второму игроку выбрать оптимальную стратегию в зависимости от выбора первого игрока. Применялся также логический метод.

Влияние членства в ВТО на экспортные и импортные потоки

Наиболее очевидным результатом членства в ВТО является снижение уровня ввозных таможенных пошлин по Единому таможенному тарифу ЕАЭС. Оценивался простой средний тариф. За 10 лет с 2005 по 2015 г. пошлины снижали все рассмотренные страны. Снижение в Канаде составило 45% от уровня 2005 г., в Кувейте — 6%, в Норвегии — 14%, в Саудовской Аравии — 6% (по данным за 2014 г.). Снижение в Казахстане составило 15% (за базовый принят 2010 г.), в России — 35% (по сравнению с уровнем базового 2005 г.). И напротив, менее развитые страны, вступившие в ВТО в 2013 г., снизили пошлины незначительно. Таким образом, скорость снижения импортных пошлин в России была одной из самых высоких, средний же уровень тарифа был таким же, как у стран — недавних членов ВТО.

Российская Федерация сократила число импортируемых продуктов на 3 единицы. Однако их разнообразие близко к максимуму и находится в пределах возможных ежегодных отклонений (256 — в 2005 г., 259 — в 2012, 256 — в 2015). Членство в ВТО не привело к импорту в Россию новых товаров, так как практически все товары уже ввозились. Анализ индекса диверсификации импорта показал (табл. 1), что за десятилетие (с 2005 по 2015 г.) структура импорта стран с переходной экономикой приблизилась к общемировой, в то время как у развитых и в меньшей мере у развивающихся стран она уже была довольно близка к общемировой.

За период с 2012 по 2015 гг. процесс для стран с переходной экономикой выражается в снижении индекса диверсификации на 0,041 единицу, в Российской Федерации снижение составило 0,075. С учетом того, что показатели РФ включены в общую цифру стран с переходной экономикой, можно говорить о значимом сглаживании отклонений в структуре импорта Российской Федерации от общемировых значений после вступления в ВТО. Такую же тенденцию показывают новые члены ВТО Лаос и Таджикистан.

Оценка концентрации импорта показала (см. табл. 1), что импорт Российской Федерации пропорционально распределен по группам товаров (0,062 в 2005 г., 0,052 — в 2015 г.). Такая равномерность присуща в среднем для стран с переходной экономикой. Равномерность распределения выше, чем в среднем по миру (0,066 в 2015 г.) и чем это характерно для групп развитых или развивающихся стран. После вступления в ВТО концентрация импорта Российской Федерации снизилась значительно.

Индексы диверсификации и концентрации импорта
Table 1. Indexes of diversification and concentration of import

Регион	Индекс диверсификации импорта			Индекс концентрации импорта		
	2005	2012	2015	2005	2012	2015
Мир	0	0	0	0,074	0,088	0,066
Развивающиеся	0,192	0,141	0,147	0,091	0,097	0,088
Переходные	0,253	0,269	0,228	0,055	0,056	0,047
Развитые	0,091	0,102	0,106	0,080	0,093	0,065
Россия	0,336	0,349	0,274	0,062	0,064	0,052
Алжир	0,455	0,465	0,392	0,086	0,111	0,069
Канада	0,212	0,235	0,216	0,082	0,077	0,069
Казахстан	0,361	0,361	0,320	0,065	0,065	0,061
Кувейт	0,416	0,42	0,366	0,057	0,091	0,097
Норвегия	0,298	0,338	0,317	0,059	0,061	0,069
Саудовская Аравия	0,339	0,304	0,326	0,093	0,071	0,094
Лаос	0,465	0,463	0,446	0,142	0,151	0,147
Таджикистан	0,580	0,551	0,526	0,159	0,083	0,084

Источник: UNCTAD HANDBOOK OF STATISTICS 2016 [Электронный ресурс]. URL: unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat41_en.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

Тенденция, имеющая место в мире на протяжении последних 10 лет, состоит в более равномерном распределении импорта по группам продуктов. И хотя сам факт такого равномерного распределения можно считать положительным, следует заметить, что у развитых и развивающихся стран номенклатура товаров, которые по тем или иным причинам не закупаются или не допускаются на рынок, шире, чем у стран с переходной экономикой. Если оценивать либерализацию торговли снижением концентрации импорта, в России уровень либерализации еще в 2005 г. был выше, чем у развитых стран (0,062 в России, 0,080 — в развитых странах).

Развитые страны, действительно, провели либерализацию тарифов, однако абсолютная разница в фактическом доступе товаров на рынки сохраняется до настоящего времени. Такой доступ был и остается выше в Российской Федерации. Таким образом (рис. 1), в исследуемый период отмечается синхронное снижение ставок импортных пошлин, индексов диверсификации и концентрации импорта. Влияние вступления в ВТО на импорт проявляется в приближении его структуры к общемировому уровню, снижению концентрации на определенных товарах.

Анализ экспорта позволяет оценить, насколько изменились условия доступа страны на внешние рынки. Число экспортируемых продуктов из России близко к максимальному, и оно выросло после вступления в ВТО (248 в 2005 г., 235 — в 2010 г., 253 — в 2015 г.). В остальных странах и регионах сравнения это значение снизилось или не росло. Анализ диверсификации и концентрации экспорта не позволяет судить о влиянии членства в ВТО на динамику этих показателей.

Таким образом, наиболее заметный положительный эффект членство в ВТО оказывает на число экспортируемых товаров, а также на показатели диверсификации и концентрации импорта.

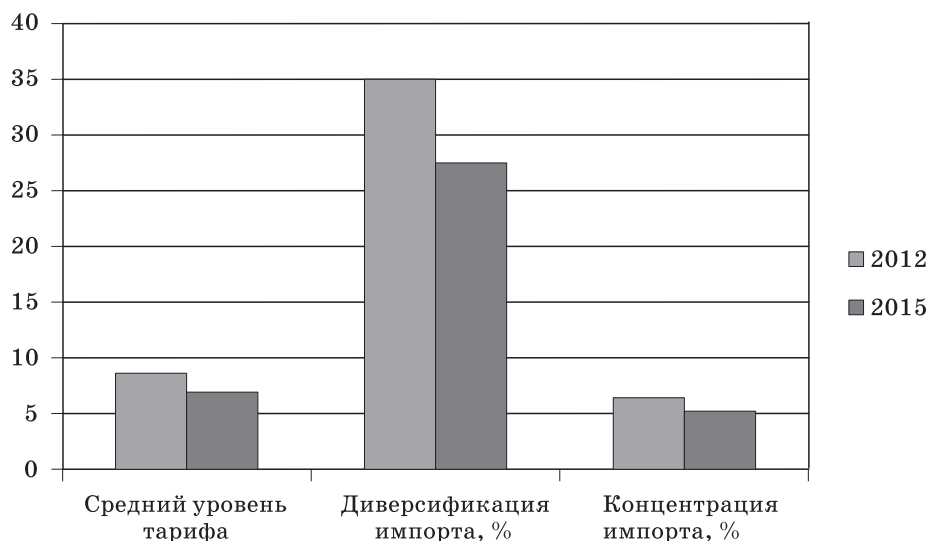

Рис. 1. Влияние членства в ВТО на показатели импорта Российской Федерации
 Fig. 1. Influence of WTO membership on indicators of import of the Russian Federation

Сотрудничество в рамках ВТО и антидемпинговые меры

Обосновывая необходимость вступления России в ВТО, представители Минэкономразвития выдвигали в качестве аргумента более справедливое отношение к российским экспортерам при антидемпинговых расследованиях. Антидемпинговые меры (в отличие от сходных с ними компенсационных мер) являются политически нейтральными (действуют против предприятий, а не правительств), вводятся между странами достаточно часто, что позволяет применить математический инструментарий к их оценке.

В отношениях с США Российская Федерация не применяла антидемпинговых мер в последние годы. За период с 2010 по 2017 гг. число антидемпинговых мер, принятых США по отношению к России, уменьшилось с 8 до 4, что можно рассматривать как выигрыш России. Наибольшее число антидемпинговых мер применяется во взаимной торговле РФ с Китаем, Украиной и ЕС. После 2012 г. их число растет, и можно предположить, что членство в ВТО делает процедуру более рутинной. Действительно, антидемпинговые меры являются альтернативой тарифам, при этом протекционизм становится избирательным.

Рассмотрим ситуацию с позиции теории игр. Китай после вступления России в ВТО перестал вводить новые антидемпинговые меры против РФ, и их число постепенно снизилось с 6 до 1. Для Российской Федерации, напротив, годы членства в ВТО совпали с увеличением числа мер против Китая с 3 до 9. В платежной матрице (табл. 2) приведены результаты игры с ненулевой суммой. Выигрыш страны оценивается по числу антидемпинговых мер, примененных по отношению к стране-сопернику. Элементами матрицы являются пары значений. Первое число в каждой паре — выгода России; второе — выгода Китая в зависимости от стратегий, выбранных обеими странами.

Стратегия 1 для России — вступить в ВТО, для Китая — принять Россию в ВТО. Стратегия 2 для России — не вступать в ВТО, для Китая — не принимать Россию в ВТО, а точнее: не позволить России воспользоваться условиями, которые страны

ВТО применяют в отношении Китая. Речь идет о том, что до 2015 г. Китай считался страной с нерыночной экономикой, что значительно облегчало применение антидемпинговых мер против его экспорта.

Таблица 2

**Платежная матрица для игры с ненулевой суммой
Россия — Китай (первое полугодие 2012 — первое полугодие 2017)**

Table 2. Payoff matrix for nonzero game Russia — China
(the first half of the year 2012 — the first half of the year 2017)

		Страна 2 — Китай	
		Принять Россию в ВТО	Не принимать Россию в ВТО
Страна 1 — Россия	Вступить в ВТО	9; 1	9; 6
	Не вступать в ВТО	3; 1	3; 6

Россия (ее стратегии указаны в строках) считает, что выигрыш 9 является максимально возможным. Следовательно, Россия выбирает стратегию 1. Китай, узнав, что Россия выбрала стратегию 1 (т.е. решила вступить в ВТО), должен выбрать стратегию 2 (стратегии Китая указаны в колонках), так как выигрывает при этом 6, а мог бы выиграть только 1. Решение (9;1) отражает фактическое число антидемпинговых мер, существующих во взаимной торговле России и Китая в первом полугодии 2017 г.

На практике Китай мог выбирать стратегию до 2012 г., когда о результатах игры определенно известно не было. Однако Китай мог бы предвидеть, что Россия воспользуется уступкой Китая, сделанной им при вступлении в 2000 г., и, например, настаивать на том, что эта уступка касается старых членов ВТО, а России, как новому члену, следует считать Китай страной с рыночной экономикой с момента вступления. Поскольку Китай не сделал этого, он выиграл только 1. Решение (9;1) неоптимально со стороны Китая.

В 2010–2011 гг. Украина применяла 5 антидемпинговых мер против России, в 2012–2015 — 7, в 2016–2017 годах — 9 мер. Россия применяла против Украины 3 антидемпинговые меры до 2013 г., в течение 2014–2015 гг. действовало 2 меры, затем их число выросло до 6 к 2016 г. и осталось на этом уровне.

Таблица 3

**Платежная матрица для игры с ненулевой суммой
Россия — Украина (первое полугодие 2012 — первое полугодие 2017)**

Table 3. Payoff matrix for nonzero game Russia — Ukraine (the first half of the year 2012 — the first half of the year 2017)

		Страна 2 — Украина	
		Принять Россию в ВТО	Не принимать Россию в ВТО
Страна 1 — Россия	Вступить в ВТО	6; 9	6; 7
	Не вступать в ВТО	3; 9	3; 7

В платежной матрице (табл. 3) приведены результаты игры с ненулевой суммой между Россией и Украиной. Россия (ее стратегии указаны в строках) считает, что выигрыш 6 является максимально возможным. Этот выигрыш соответствует стратегии 1 (вступить в ВТО). Украина, узнав, что Россия выбрала стратегию 1, также

выбирает стратегию 1, при этом выигрыш Украины является как оптимальным, так и максимальным. Обе страны (Россия и Украина), согласившись на членство России в ВТО, могут вводить больше антидемпинговых мер против двухстороннего экспорта, чем это было прежде.

Европейский союз снижал число антидемпинговых мер против России в период 2010–2013 гг., оно сократилось с 8 до 4, затем с той же скоростью шел рост, и количество антидемпинговых мер в последний исследуемый год (второе полугодие 2016 — первое полугодие 2017 г.) вновь составило 8. Россия после вступления в ВТО провела расследование по легким коммерческим автомобилям и ввела антидемпинговую пошлину против Германии и Италии. Заметим, что данная мера была незамедлительно оспорена ЕС.

Таблица 4

**Платежная матрица для игры с ненулевой суммой Россия — ЕС
(первое полугодие 2012 — первое полугодие 2017)**

Table 4. Payoff matrix for nonzero game Russia — the EU (the first half of the year 2012 — the first half of the year 2017)

		Страна 2 — ЕС	
		Принять Россию в ВТО	Не принимать Россию в ВТО
Страна 1 — Россия	Вступить в ВТО	1; 8	1; 5
	Не вступать в ВТО	0; 8	0; 5

Первый игрок (Россия) (табл. 4) считает, что его выигрыш 1 будет максимально возможным. Этот выигрыш соответствует стратегии 1 (вступить в ВТО). Второй игрок (ЕС), узнав, что Россия выбрала стратегию 1, также выбирает стратегию 1, так как при этом его выигрыш будет оптимальным и максимальным. Оптимальное состояние (точка 1;8) достигнуто. Стратегия «принять РФ в ВТО» для ЕС означает адаптировать свою торговую политику к членству России в ВТО. ЕС отменил систему двойного контроля над экспортом проката из черных металлов из Российской Федерации в 2012 г., заменив ее с течением трех лет на антидемпинговые меры в отношении отдельных позиций российского экспорта стали.

Таким образом, выигрыш России от вступления в ВТО показан в отношениях с США, ЕС, Китаем и Украиной. Отношения с ЕС и Украиной пришли к равновесию, отражающему оптимальные условия сотрудничества, в точке, соответствующей стратегиям «вступить в ВТО» и «принять Россию в ВТО».

Политические последствия вступления в ВТО

Генеральное соглашение по тарифам и торговле существует уже 70 лет, и на протяжении этого периода отношение Соединенных Штатов к участию СССР, а потом и Российской Федерации в ГАТТ/ВТО определялось вопросами политической безопасности, а именно: целью сократить влияние СССР в Восточной Европе. В дальнейшем это отношение изменилось, и интеграция постсоветских стран в глобальное сообщество стало рассматриваться как желательное [4]. В исторической ретроспективе попытки связать изменения в статусе экономики России или других стран Восточной Европы с их возможным членством в ВТО Соединенным Штатам не удавались.

Они, например, начали утверждать, что «Румыния ведет внешнюю торговлю способом, «в некоторой степени ориентированным на рынок» незадолго до начала революции в Румынии в декабре 1989 г. «Такое утверждение вызовет еще больший

конфуз, — пишет Л. Хауз, — если вспомнить, что правительство Соединенных Штатов поддержало присоединение к ГАТТ Польши, Румынии и Венгрии в 1960-х, когда эти страны не имели рыночной системы. Правительство США пригласило СССР участвовать в Токио раунде, который начался в 1970-х, и одобрило присвоение СССР статуса наблюдателя в ГАТТ в 1990-х, когда СССР не имел рыночной системы» [4].

Между этими двумя периодами — в августе 1986 г. — докладчик Департамента торгового представителя Соединенных Штатов заявлял, что «советская система внешней торговли фундаментально, практически и философски отличается от принципов и практики ГАТТ», — объясняя, почему США выступают против расширения сотрудничества СССР с ГАТТ. Этот период иногда называют новой холодной войной 1980-х [4]. Все это предполагает, что имеются определенные политические выгоды, получаемые страной-членом ВТО. Рассмотрим их на примерах (табл. 5).

Использование экономических инструментов как средства достижения политических целей чаще всего практикуется Соединенными Штатами. Базовая линия, на которой основывается американское отношение к торговле «Восток-Запад», проистекает из политики сдерживания, впервые введенной в конце 1940-х годов после отмены Франклином Д. Рузвельтом политики послевоенного сотрудничества с Советским Союзом. Была принята стратегия экономической войны, наложено эмбарго на экспорт продукции военного назначения, принята мера регулирования импорта, которая предусматривала отказ в режиме наиболее благоприятствуемой нации для импорта из СССР и Восточной Европы.

В эпоху разрядки начала 1970-х на смену экономической войне пришла стратегия стимулов. США предоставили Советскому Союзу поддержку во включении в международную систему. Западная Европа, поддерживая экспортное эмбарго на товары с прямым военным назначением, воздерживалась от применения стратегии экономической войны с Советским Союзом с 1950-х. Экономическая взаимозависимость поддерживала атмосферу диалога, позволившую, в частности, решить

Таблица 5

Меры, действующие против СССР/России в различные исторические периоды
Table 5. The measures operating against USSR/Russia during various historical periods

Область	Холодная война	Разрядка	Современный период политической напряженности
Торговля товарами	Возражения США против экспорта газа из СССР в Европу	Глобализация, либерализация торговли, создание ВТО	Санкции стран Запада
Экспортный контроль	СОСОМ (США, ЕС)	Участие России в Вассенаарских договоренностях	Отказ в экспорте технологий из США
Режимы торговли	Поправка Джексона — Вэника (США)	Отмена поправки Джексона — Вэника	Отказ России в системе тарифных преференций (США)
Участие в международных экономических организациях	Запрет на присоединение к ГАТТ со стороны США	Саммит G-7 (1991), приглашение в ОЭСР; вступление в ВТО	Отказ в членстве в ОЭСР

немецкий вопрос [4]. Создание ВТО в эпоху разрядки считают основным результатом глобализации.

Осложнения в политических отношениях, возникшие в 2014 г., как представляется, имеют более низкий уровень противостояния. Санкции со стороны стран Запада не затрагивают импорта товаров, что прямо нарушало бы положения ГАТТ. Они касаются экспорта услуг (финансовых и сервисных в отрасли нефтедобычи). Российская Федерация не оспорила этих санкций с позиций ГАТС, вероятно, по той причине, что ГАТС также регулирует, в первую очередь, вопросы ограничений импорта, а не экспорта. Таким образом, в условиях политического противостояния противники Российской Федерации, включая Украину, стремятся придерживаться норм ВТО или прибегают к ВТО для разрешения споров (в случае с Украиной). На это, вероятно, мы не могли бы рассчитывать, не будь Россия членом организации.

Вопросы торговли вооружением, включая объекты экспортного контроля, являются общим исключением из ГАТТ в силу ст. XXI соглашения. США и Западная Европа поддерживали существование Координационного Комитета по многостороннему экспортному контролю (COCOM) с момента его создания в 1949 г. Задачей Комитета было ограничение поставок высоких технологий в СССР, а также в другие социалистические страны. В частности, США выступали против поставки компрессоров, необходимых для прокачки газа в страны Западной Европы. В 1993 г. участники COCOM приняли решение о его роспуске. Был сформирован новый экспортный форум, названный впоследствии Вассенаарскими договоренностями.

Россия присоединилась к работе нового форума в 1995 г. Санкции США против России, принятые в современный период, включают запрет на поставки в Россию отдельных объектов экспортного контроля, а также оборудования, технологий и услуг, которые могут быть использованы для разведки или добычи нефти в Арктике и на сланцевых месторождениях¹. Санкции США являются действием одного отдельно взятого государства. США уже не могут действовать против РФ через международную организацию. В данном случае членство России в ВТО означает ее принадлежность к глобальному экономическому сообществу. Это роль, с которой нельзя не считаться.

Российская Федерация, как член ВТО, пользуется режимом наиболее благоприятствующей нации со стороны других стран-членов. Помимо этого, согласно «разрешающей оговорке» ВТО, более развитые страны могут предоставлять относительно менее развитым странам тарифные преференции в рамках Всеобщей системы преференций. Такие преференции, в частности, предоставляет Турция Российской Федерации. В период холодной войны, с 1974 г., торговый режим Соединенных Штатов в отношении Российской Федерации основывался на поправке Джексона-Вэника, запрещавшей предоставлять режим наибольшего благоприятствования Советскому Союзу.

Хотя на практике поправка не применялась, Соединенные Штаты отменили ее только после вступления России в ВТО, в ноябре 2012 г. Более того, до недавних пор Россия числилась в списках стран-бенефициаров Всеобщей системы преференций США. Льгота была отменена в мае 2014 г. По времени это совпало с началом западных санкций, по факту же на середину 2014 г. уровень жизни в России соответствовал высокому по классификации Всемирного банка, что лишает страну права на тарифные преференции со стороны США. Несколькоими годами ранее ЕС также вывел РФ из своей системы тарифных преференций. Можно с уверенностью говорить, что Россия больше не окажется в числе дискриминируемых стран благодаря сделанным нами шагам навстречу глобальному миру.

¹ Вступили в силу новые санкции США против России // Росбалт. 29 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2017/11/29/1664488.html> (дата обращения: 20.12.2017).

Лидеры семи крупнейших экономик мира, собравшиеся в июле 1991 года на ежегодный саммит «большой семерки», достигли соглашения в содействии интеграции Советского Союза в мировую экономику. Страны договорились предоставить Советскому Союзу техническую помощь в присоединении к МВФ и ВБ. Советскому Союзу был предоставлен статус наблюдателя в ГАТТ в конце 1992 г.

С началом политического кризиса в 2014 г. Россия была исключена из G-8, было отозвано приглашение о вступлении в ОЭСР. Сохраняющееся членство в ВТО позволяет стране участвовать в важнейшем и наиболее эффективном, благодаря процедуре разрешения споров, международном экономическом форуме. Здесь голос любого члена будет услышан и принят во внимание. Сделан шаг к сотрудничеству, после которого уже невозможно вернуться к прошлому.

Выводы

В статье проверены некоторые выводы теорий международных организаций на примере первых результатов вступления России в ВТО. Согласно теории «условий торговли» показатель условий торговли (т.е. отношение средней цены единицы экспортного товара к средней цене единицы импортного товара) снижается по мере сокращения импортных пошлин. Однако теория игр показывает, что этот эффект нивелируется, если страны сотрудничают, выбирая оптимальные стратегии, даже если те не приносят максимальной выгоды. Данные о показателях условий торговли не представлены в работе, так как они не позволили выявить закономерностей.

После вступления в ВТО улучшились показатели импорта: выросла диверсификация и сократилась концентрация импорта. Заметного влияния на экспорт установлено не было. Причина состоит в том, что первые десять экспортных позиций Российской Федерации являются сырьевыми товарами (за исключением стального проката, его считают полуфабрикатом), на торговлю которыми обязательства перед ВТО оказывают минимальное влияние. Платежная матрица игры с ненулевой суммой была применена к анализу антидемпинговых мер в двухсторонней торговле России с Китаем, Украиной и ЕС. Показано, что стратегия «вступить в ВТО» во всех случаях оказывалась оптимальной для России. Стратегия «принять Россию в ВТО» оптимальна для ЕС и Украины, но не оптимальна для Китая.

Наше исследование не подтвердило точку зрения Д. Регана о том, что торговое соглашение направлено на ограничение протекционизма, и это является его единственной очевидной функцией. После вступления в ВТО число антидемпинговых мер во взаимной торговле Российской Федерации выросло. Постепенно они становятся основным инструментом торговой политики. Важным следствием вступления в ВТО является ведение антидемпинговых расследований по общим транспарентным правилам, а не отказ от меры. В работе показано также, что развитые страны, имея либеральные тарифы, сохраняют высокую разницу в доступе отдельных товаров на рынки.

Мы предлагаем оценивать степень либерализации по показателю концентрации импорта, при этом становится очевидным, что доступ на рынки, который предоставляла Россия, был выше, чем в развитых странах, во все исследованные периоды, начиная с 2005 г. Этим подтверждается другой теоретический постулат [8] о том, что страны могут проводить либерализацию в одностороннем порядке, для этого им не требуется международного соглашения.

Е. Мансфилд и У. Рейнхард показали, что страна, будучи членом регионально-го торгового соглашения, улучшает свою переговорную позицию. Этот вывод в нашей работе был распространен на случай участия страны в международной организации и подтвержден примером укрепившейся переговорной позиции

России как члена ВТО. Проводилось сравнение по трем временным периодам: холодной войны, «разрядки» 1980-х годов и современного периода политической напряженности, наступившего после 2014 г. Показано, что торговый режим страны не пострадал.

Членство в ВТО само по себе — это одно из проявлений глобализации. Можно утверждать, что переговорная позиция страны улучшилась в результате вовлечения ее в процесс глобализации. В то же время, как известно из теории, эффект «улучшения переговорной позиции» возникает на стадии регионального торгового соглашения. Если страны ЕАЭС передадут на уровень Союза вопросы территориального развития или регулирования транспортных тарифов, обоснованность некоторых мер по субсидированию перед лицом членов ВТО будет выше.

Литература

1. *Мир математики*: в 40 т. Т. 8. Хорди Деулофеу. Дилемма заключенного и доминантные стратегии. Теория игр. М.: ДеАгостини, 2014.
2. *Bagwell K., Staiger R. W.* The economics of the world trading system. Cambridge : MIT Press. 2002.
3. *Bagwell K., Staiger R. W.* What Do Trade Negotiators Negotiate About? Empirical Evidence from the World Trade Organization [Text] // NBER Working Paper. 2006. № 12727.
4. *Haus L.* Globalizing the GATT: the Soviet Union's successor states, Eastern Europe, and the International trading system. [Text] The Brookings Institution, Washington, D. C., 1991.
5. *International Trade Statistics Yearbook.* 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/pb/> (дата обращения: 20.12.2017).
6. *Mansfield E. D. Reinhardt E.* Multilateral Determinants of Regionalism: The Effects of GATT/WTO on the Formation of Preferential Trading Arrangements [Text] // International Organization. 2003. 57. P. 829–862.
7. *Regan D.* What Are Trade Agreements For? 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=0Js3DwAAQBAJ&pg=PA156&lpg=PA156&dq=Regan,+D.+2006+What+Are+Trade+Agreements+For&source=bl&ots=J30ObrT7lh&sig=eRGSj6sRG0yHOazRZPKo-O_Mw9w&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjxt67JqLbXAhXiNJJoKHVRrAcAQ6AEIOTACv=onepage&q=Regan%2C%20D.%202006%20What%20Are%20Trade%20Agreements%20For&f=false (дата обращения: 20.12.2017).
8. *Sixty Years of the Multilateral Trading System: Achievements and Challenges.* World Trade Report. 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr07_e.htm (дата обращения: 20.12.2017).
9. *UNCTAD handbook of statistics.* 2016 [Электронный ресурс]. URL: unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat41_en.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

Об авторе:

Жиряева Елена Васильевна, доцент кафедры экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; lenaonline@inbox.ru

References

1. *World of mathematics*: in 40 v. V. 8.: Jordi Deulofeu. Dilemma of the prisoner and prepotent strategy. Game theory. M.: DeAgostini, 2014. 144 p. (In rus)
2. *Bagwell K., Staiger R. W.* The economics of the world trading system. Cambridge : MIT Press. 2002.
3. *Bagwell K., Staiger R. W.* What Do Trade Negotiators Negotiate About? Empirical Evidence from the World Trade Organization [Text] // NBER Working Paper. 2006. № 12727.
4. *Haus L.* Globalizing the GATT: the Soviet Union's successor states, Eastern Europe, and the International trading system. [Text] The Brookings Institution, Washington, D. C., 1991.
5. *International Trade Statistics Yearbook.* 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://comtrade.un.org/pb/> (дата обращения: 20.12.2017).

6. Mansfield E. D. Reinhardt E. Multilateral Determinants of Regionalism: The Effects of GATT/WTO on the Formation of Preferential Trading Arrangements [Text] // International Organization. 2003. 57. P. 829–862.
7. Regan D. What Are Trade Agreements For? 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=0Js3DwAAQBAJ&pg=PA156&lpg=PA156&dq=Regan,+D.+2006+What+Are+Trade+Agreements+For&source=bl&ots=J30ObrT7lh&sig=eRGSj6sRG0yHOazRZPKo-O_Mw9w&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjxt67JqLbXAhXiNJoKHVRrAcAQ6AEIOTACv=onepage&q=Regan%2C%20D.%202006%20What%20Are%20Trade%20Agreements%20For&f=false (дата обращения: 20.12.2017).
8. Sixty Years of the Multilateral Trading System: Achievements and Challenges. World Trade Report. 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr07_e.htm (дата обращения: 20.12.2017).
9. UNCTAD handbook of statistics. 2016 [Электронный ресурс]. URL: unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat41_en.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

About the author:

Elena V. Zhiryaeva, Associate Professor of the Chair of Economy and Finance of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor; lenaonline@inbox.ru

Опыт борьбы с коррупцией в Южной Корее и Сингапуре

Шунаев А. М.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; shunaev-alexis@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется система мер по противодействию коррупции в Южной Корее и Сингапуре. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью применения в Российской Федерации передового опыта развитых стран, успешно применяющих антикоррупционные механизмы. Автором рассматриваются законодательные особенности нейтрализации коррупционной угрозы, проводится анализ данных о выявленных и расследованных преступлениях коррупционной направленности. В исследовании учитывается исторический аспект противодействия коррупции, особенности функционирования специализированных организаций (ACRC в Южной Корее и CPIB в Сингапуре), реализующих весь спектр действий по противодействию коррупции.

Ключевые слова: коррупция, Сингапур, Южная Корея, комплаенс, CPIB, ACRC

The Experience of Combating Corruption in South Korea and Singapore

Shunaev A. M.

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; shunaev-alexis@yandex.ru

ABSTRACT

The article explores the system of measures to counteract the corruption threat in South Korea and Singapore. The relevance of this topic is due to the need to apply in the Russian Federation the best practices of developed countries that successfully apply anti-corruption mechanisms. The author examines the legislative features of neutralizing the corruption threat, analyzes the data on corruption-related crimes identified and investigated. The study takes into account the historical aspect of counteracting corruption, the specific functioning of specialized organizations (ACRC in South Korea and CPIB in Singapore) that implement the full range of anti-corruption activities.

Keywords: corruption, Singapore, South Korea, complains, CPIB, ACRC

Коррупция является одной из ключевых проблем современного общества, генезис этого феномена кроется в слабости человеческой природы — жадности, желании богатства и широко распространенном в современном обществе этическим релятивизмом. Процесс консьюмеризации и негативная тенденция уменьшения доверия между людьми являются объективными факторами, существенно усложняющими процесс нейтрализации коррупционных рисков. Такие тенденции оказывают значительное воздействие на все сферы человеческой деятельности, не остается в стороне и экономика.

Огромную роль в современной экономике играет частный сектор, который наиболее оперативно реагирует на изменения среды. По некоторым оценкам, вклад частного сектора в ВВП большинства стран мира составляет около 60%¹. На наш взгляд, имен-

¹ IMF Facilitates Debate on Private Sector // The International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/socar112713a> (дата обращения: 12.12.2017).

но эти факторы необходимо использовать при формировании антикоррупционной политики государства. Огромную роль негосударственного сектора в противодействии коррупционной угрозе отмечает и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которая выделяет пассивное и активное участие в процессе противодействия коррупции. Специализированные антикоррупционные инструменты для бизнеса разрабатывались такими организациями, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Трансперенси Интернешнл, Всемирный банк, Международная торговая палата.

Вредность и опасность коррупционных взаимодействий давно доказаны экономистами и все больше осознаются игроками на рынке, чему можно найти подтверждение в практике внедрения различных инструментов противодействия коррупционной угрозе в коммерческих договорах и соглашениях. Много внимания этой проблеме уделено в научных трудах [2; 3].

Бизнес, свободный от коррупции, может защитить компанию и работников от ситуаций, связанных с ограничением их прав при расследовании уголовных дел по многим коррупционным статьям, сохранить репутацию на рынке и привлечь надежных партнеров и клиентов. Для формирования эффективных инструментов нейтрализации необходимо учитывать успешный опыт зарубежных государств с высоко-развитой экономикой, к которым смело можно отнести Южную Корею и Сингапур. По мнению автора, опыт государств с ярко выраженной коллективистской культурой ведения бизнеса может быть интегрирован в бизнес-процессы на территории РФ с меньшими усилиями, чем опыт стран с ярко выраженным индивидуализмом в бизнес-среде.

Южная Корея — богатая демократическая страна с хорошими перспективами экономического роста. По мнению нобелевского лауреата по экономике Дугласа Норта, она является одной из трех стран, наряду с Японией и Тайванем, которые далеко продвинулись в переходе к «порядкам открытого доступа» [6]. Примерно в середине прошлого века Южная Корея была государством с очень высоким уровнем коррупции и слабой властью. В самом общем виде историю развития данного государства можно разделить на четыре периода.

Первый период (1948–1960 гг.) начинается с создания на полуострове двух отдельных государств. Второй период (1960–1987 гг.) включает в себя такие события, как Студенческая апрельская революция 1960 г. и последовавший за ней военный переворот. Третий период (1987–1997 гг.) начинается с постепенного перехода к демократии и заканчивается «спасательным» кредитом из МВФ. Четвертый период, начатый в 1997 г., продолжается по настоящее время и включает в себя активные меры по борьбе с коррупцией, нравственному регулированию общественных процессов наряду с реформированием корпоративного и финансового секторов [5, с. 2].

Комплексный подход к антикоррупционной стратегии, разработанный городской администрацией Сеула, был реализован по четырем основным направлениям.

Первое направление включает меры по минимизации государственного регулирования. На наш взгляд, заслуживает внимания практика отсутствия прикрепления государственного служащего к конкретному району города, в результате которой чиновникам приходится работать с заявлениями из разных районов.

Вторым направлением является внедрение системы сбора информации о коррупции и контроля со стороны мэра. Данное направление было реализовано через персональное оповещение всех физических и юридических лиц, контактировавших с городской информацией, о возможности подачи жалобы или сообщения о коррупции напрямую мэру Сеула.

Третье направление состояло во внедрении системы «OPEN» (Online Procedures Enhancement for Civil Applications), суть которой заключалась в контроле за поряд-

ком и сроками рассмотрения заявлений граждан, а также в устранении потребности в личных контактах с конкретным чиновником. Все заявления можно было подать через систему on-line обращения. По данным опросов жителей Сеула, эта инновация привела к увеличению прозрачности работы государственных служащих¹.

Четвертое направление заключалось в подписании чиновниками договора о неподкупности, согласно которому они обязались не брать предмет взятки и уведомлялись о наказании в случае нарушения договора.

Стоит отметить закон Южной Кореи «О борьбе с коррупцией», принятый с 1 января 2002 г. Согласно порядку, установленному этим нормативно-правовым актом, главный антикоррупционный орган обязан начать предварительное расследование по заявлению от любого лица. Фактором, сдерживающим от злоупотреблений предоставленным правом сообщения о коррупции, является суровое наказание за ложное обвинение в совершении действий коррупционной направленности [1, с. 92].

Низкие рейтинги TI (52-е место в рейтинге 2016 г.), на наш взгляд, во многом обусловлены историческими особенностями ведения бизнеса в этом государстве. Практика привлечения друзей и родственников на ключевые посты в бизнесе является нормой на протяжении нескольких десятилетий. В таких крупнейших корейских компаниях, как Korean Airlines, Hanjin, Lotte, Samsung, Daewoo практически все ключевые должности занимают друзья, родственники или одноклассники одной семьи. Схожие ситуации можно встретить в американских и европейских компаниях, но в Южной Корее подобная практика повсеместна и уникальна по глубине таких связей в организации.

Схожие правила подбора кандидатов на должности имеют место и в государственном секторе. Бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в начале его деятельности многократно подвергался критике за его намерения заменить большое количество сотрудников организации на своих специалистов из Кореи². Такое поведение обусловлено главным культурным приоритетом корейского общества — помощью семье и близким. Результат подобной традиции наглядно продемонстрирован самоубийством вице-председателя компании Lotte в 2016 г., совершенным с целью сокрытия коррупционных действий своего руководителя.

В 2017 г. разразился политический скандал в отношении президента Кореи Пак Кын Хе, которая была уличена в сговоре с ее подругой Чхве Сун Силь. В результате уголовного дела Чхве Сун Силь была приговорена к тюремному заключению, а президенту грозит наказание от 10 лет до пожизненного заключения³. По данному делу под следствием находятся представители фирмы Samsung, принимавшие участие в передаче предмета взятки для получения различных привилегий⁴.

Вышеуказанные примеры коррупции в Корее были очень широко освещены в прес-се, что отражает стратегию государства по искоренению коррупционной практики, в том числе путем распространения информации о недопустимости коррупционных проявлений и формирования нулевой терпимости к коррупции. Законодательно эта стратегия закреплена в нормативно-правовом акте «Improper Solicitation and Graft Act», широко известным под названием «Kim Young-ran Act», вступившим в силу

¹ Письмо Постоянного представителя Республики Корея при Организации Объединенных Наций от 23 октября 2001 года на имя Генерального секретаря [Электронный ресурс]. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan010947.pdf> (дата обращения: 12.12.2017). С. 7.

² Under U.N. Chief, Koreans in Key Posts // Washington Post Staff Writer.

³ Choe Sang-hun, «Park Geun-Hye's Life in Jail: Cheap Meals and a Mattress on the Floor», The New York Times, March 31, 2017.

⁴ Samsung Boss Denies Bribery Charges at First Hearing // Koreatimes, April 7, 2017, Sunday, October 21, 2007.

в сентябре 2016 г. Стоит отметить деятельность специализированного государственного органа The Anti-Corruption & Civil Rights Commission (ACRC), созданного в 2008 г., миссией которого является защита прав и интересов людей и формирование транспарентного и справедливого общества.

Работа ACRC ведется в четырех направлениях: исследование гражданских исков, которые вызваны неудобствами или обременением для граждан; создание общества, свободного от коррупции, путем предотвращения и сдерживания коррупции в государственном секторе; защита прав людей от незаконной и несправедливой административной практики через систему апелляций на решение административного органа; создание рекомендации по изменению законодательных актов, которые могут спровоцировать коррупционное поведение или привести к жалобам граждан.

В целом, политику противодействия коррупции в Южной Корее, по нашему мнению, можно назвать успешной, что находит отражение в положительной динамике изменения индекса восприятия коррупции (38 в 2000 г., 54 в 2010 г., 56 в 2012 г., 55 в 2014 г., 53 в 2016 г.)¹. Результат от реформ, связанный с изменением традиции, не может быть мгновенным, но, на наш взгляд, даст ощутимые результаты в среднесрочной перспективе.

Верхние списки рейтингов «ТИ» традиционно занимает Сингапур. По нашему мнению, опыт данного государства очень специфичен в силу его незначительной территории и относительно небольшого населения. Можно согласиться с мнением В.П. Кириленко и Р.В. Дронова о необходимости использовать антикоррупционные инструменты, применяемые в Сингапуре, в российской практике [2, с. 238].

Еще до образования Сингапура, как независимого государства, под патронажем британского правительства в 1952 г. было образовано Бюро по расследованию коррупционных практик (Corrupt Practices Investigation Bureau). Данная организация, действующая по сегодняшний день, подчиняется напрямую премьер-министру Сингапура и остается единственным органом, ведущим расследования преступлений коррупционной направленности. Политика Сингапура в сфере противодействия коррупционной угрозе основана на следующих базовых принципах: эффективность законодательства, независимость судебной системы, нулевая терпимость к коррупции, эффективная правоохранительная деятельность, эффективная система государственной службы, сильная политическая воля в борьбе с коррупцией.

Наказание за преступления коррупционной направленности предусматривают санкцию в виде штрафа до 100 000 сингапурских долларов (приблизительно 74 000 американских долларов) или лишение свободы сроком до 5 лет, либо и то, и другое за каждый доказанный коррупционный эпизод. Если коррупционное преступление связано с действиями государственного служащего, то штраф составит 100 000 сингапурских долларов или лишение свободы сроком до 7 лет, либо и то, и другое за каждый доказанный эпизод.

Большое внимание уделяется противодействию коррупции в бизнесе. CPIB выпустило «Практический антикоррупционный гид для бизнеса», который содержит рекомендации по противодействию коррупции и ссылки на статьи нормативных документов из сферы противодействия коррупции. Большое внимание в Гиде уделяется превентивным мерам в противодействии коррупции, в том числе и разработке и внедрению кодекса этики в организации. Под коррупцией понимается получение, дача или просьба предмета подкупа или взятки. Выделяется большое

¹ Индекс восприятия коррупции // Трансперенси Интернешнл [Электронный ресурс]. URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korrupsiy/> (дата обращения: 12.12.2017).

количество предметов взятки или подкупа: деньги, собственность, половой акт, обязательство в совершении действия в будущем, услуга. По мнению авторов глосса, ключевые моменты при реализации антикоррупционной политики организации заключаются в декларировании намерения следовать требованиям сингапурского антикоррупционного законодательства, осуждении любых форм коррупции, поддержке и защите инициатив по разоблачению коррупционных действий, внедрению систем мониторинга подозрительных процессов и операций, аудита и комплаенса¹. Обоснование необходимости внедрения кодексов этики можно найти в трудах российских ученых [4, с. 12].

С точки зрения автора, заслуживает внимания система подачи заявления о различных коррупционных случаях. О коррупции можно заявить лично в офисе Бюро, по телефону, по факсу, с помощью электронной почты или через личный кабинет на специальном сайте. Все поданные заявления рассматриваются специализированным комитетом. Если в заявлении содержится информация, не относящаяся к коррупции, то она перенаправляется в профильное ведомство, в остальных случаях проводится расследование. Все жалобы рассматриваются в срок до 14 дней, если в жалобе есть информация о совершенном преступлении коррупционной направленности, то принимаются незамедлительные меры по задержанию лиц, причастных к совершению преступления.

Несмотря на эффективную правоохранительную систему, долгую историю по противодействию коррупции и небольшую территорию, случаи коррупции в Сингапуре имеют место быть. Заслуживает внимания статистика по обращениям в CPIB. В 2014 г. было 736 обращений, в 2015 — 877 обращений, в 2016 — 808 обращений. В 2016 г. 34% обращений было подано через веб-сайт, 35% по почте или через факсимильную связь, 11% по электронной почте, 10% по телефону, 7% лично, в 3% случаев информация была переадресована из других инстанций. В большей массе обращения носили ошибочный характер, дела о коррупции возбуждались в среднем в 16% случаев. В 2014 г. было возбуждено 136 дел о коррупции, в 2015 — 132 дела, в 2016 — 118 дел. Наиболее результативными были следующие каналы передачи информации: в 26% случаев возбуждения дел о коррупции информация была получена при личном приеме, в 20% по телефону, в 19% информация была переадресована из других инстанций, в 17% по электронной почте. На частный сектор приходится 85% всех зарегистрированных случаев коррупции, десять процентов из них были связаны с покушением на дачу взятки государственному служащему².

По нашему мнению, заслуживают особого внимания разработанные CPIB критерии оценки восприятия коррупции в Сингапуре, позволяющие проводить мониторинг качества собственной работы. Независимой компанией проводится интервьюирование большого количества респондентов (1011 человек в 2016 г.), в ходе которого выясняется восприятие коррупции среди резидентов (70% интервьюированных) и нерезидентов (30% интервьюированных). В интервью входят различные вопросы о распространенности коррупции, системе антикоррупционного контроля и о деятельности Бюро³.

Несмотря на то, что уровень коррупции в Сингапуре по результатам за 2016 г., минимальный за последние 32 года, в прессе активно обсуждаются недавние коррупционные дела. Одним из самых громких дел последних лет является дело

¹ A practical anti-corruption guide for businesses in Singapore // Corrupt Practices Investigation Bureau Lengkok Bahru. Singapore, 2017. С. 13.

² CPIB annual report 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cpi.gov.sg/sites/cpi/v2/files/CPIB_Annual%20Report_2016.pdf/ (дата обращения: 12.12.2017). С. 5–6.

³ CPIB annual report 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cpi.gov.sg/sites/cpi/v2/files/CPIB_Annual%20Report_2016.pdf/ (дата обращения: 12.12.2017). С. 9–10.

Толстого Леонарда. Сингапурский бизнесмен Леонард Глен Франциск мошенническими действиями заполучил около 49 млн долл., принадлежащих Военно-морскому ведомству США. Им было подкуплено около 30 сотрудников ВМС США, аресты по этому уголовному делу происходили, в том числе, за пределами Сингапура. Главный обвиняемый признал свою вину, ему грозит наказание до 25 лет лишения свободы. По мнению следователей, в деле еще множество нерасследованных эпизодов, под проверкой находятся около 200 человек. В 2017 г., по данным CPIB, были привлечены к уголовной ответственности два бывших сотрудника Военно-воздушных сил Сингапура за мошеннические действия в отношении организации-работодателя. Не обошли коррупционные скандалы и Бюро по расследованию коррупции, в 2014 г. к лишению свободы сроком на 10 лет был приговорен помощник директора CPIB за хищение 1,76 млн долл.

Несмотря на долгую и эффективную практику по противодействию коррупции в Сингапуре активные меры, предпринимаемые в Южной Корее, проявления коррупции имеют место быть. Это обусловлено сложностью феномена коррупции и его сущностью, тесно связанной с моральными устоями общества в целом и каждого человека в отдельности. Задача полного прекращения коррупционных практик в обществе может быть решена только на определенный момент времени, важно отметить, что это не гарантирует не появления коррупции в будущем.

Из анализа практики нейтрализации коррупционной угрозы в рассмотренных странах можно отметить важность механизмов получения информации о коррупции. На наш взгляд, ощутимые результаты дает создание специализированного ведомства, занимающегося исключительно решением задач противодействия коррупции. В полномочия данного государственного органа должен входить весь комплекс мероприятий, начиная от превентивных мер, заканчивая проведением расследования коррупционных преступлений. Мероприятия должны проводиться в условиях нулевой терпимости к коррупции и формирования общества с высокими моральными устоями. В Российской Федерации, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть создание подобного органа на базе существующих антикоррупционных подразделений.

Литература

1. Бакланова П. А. Информационно-аналитический сборник по профилактике коррупционных правонарушений. М. : Издание Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 2011.
2. Кириленко В. П., Дронов Р. В. Борьба с коррупцией в органах государственного управления России: политические и правовые аспекты // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 1 (№ 69–70). С. 235–241.
3. Кириленко В. П., Дронов Р. В. Коррупция и государство. «Черная дыра» экономики России. СПб. : Изд-во Политехнич. ун-та, 2012.
4. Кириленко В. П., Дронов Р. В. Коррупция как угроза безопасности России и нарушение деловой этики государственных служащих // Управленческое консультирование. 2016. № 8. С. 8–14.
5. Jong-sung You. Development of control of corruption in South Korea. GIGA German Institute of Global and Area Studies. 28 May 2015.
6. North, Douglass C., John J. Wallis, and Barry R. Weingast. 2009. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. New York : Cambridge University Press.

Об авторе:

Шунаев Алексей Михайлович, старший преподаватель кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского государственного экономического университета; shunaev-alexis@yandex.ru

References

1. Baklanova P.A. The information and analytical collection on prevention of corruption offenses. M.: Edition of the Federation Council of Federal Assembly of Russia, 2011. 176 p. (In rus)
2. Kirilenko V.P., Dronov R.V. Fight against corruption in state bodies of Russia: political and legal aspects // Personality. Culture. Society [Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo]. 2012. V. XIV. Issue 1 (N 69–70). P. 235–241. (In rus)
3. Kirilenko V.P., Dronov R.V. Corruption and state. "A black hole" of economy of Russia. SPb. : Publishing house of the Polytechnical University., 2012. 451 p. (In rus)
4. Kirilenko V.P., Dronov R.V. Corruption as a Security Threat in Russia and Violation of Conduct of Civil Servants // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 8. P. 8–14. (In rus)
5. Jong-sung You. Development of control of corruption in South Korea. GIGA German Institute of Global and Area Studies. 28 May 2015.
6. North, Douglass C., John J. Wallis, and Barry R. Weingast. 2009. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. New York : Cambridge University Press.

About the author:

Alexey M. Shunaev, Senior lector of the Chair of Economic Security of Saint-Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russian Federation); shunaev-alexis@yandex.ru

О природе русского либерализма

Александров В. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vladboralex@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются воззрения русского либерализма и их оценка в работах современных авторов. Обосновывается положение о том, что наиболее интересные мотивы в построениях русских либералов являются своеобразным парафразом идей русской религиозной философии консервативного направления. Однако при этом в либерализме утрачивается главная идея этой философии, заключающаяся в понимании общества как целостной, иерархически организованной системы, имеющей в своей основе духовное начало, выражающее исторический опыт народа, понимаемый как поиск путей к единению с Богом. С другой стороны, интенции, которые призваны были выразить собственно либеральные установки, являются в значительной степени непоследовательными и в них утрачиваются те продуктивные позиции, которые содержатся в западном либерализме. Это, прежде всего, касается противопоставления внутренней свободы свободе внешней, понимания культуры как дела духовной элиты и телеологической концепции государства.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, свобода, культура, государство

On the Nature of the Russian Liberalism

Aleksandrov V. B.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In the article views of the Russian liberalism and their assessment in works of modern writers are analyzed. The provision that most interesting motives in views of the Russian liberals are to peculiar paraphrases of the ideas of the Russian religious philosophy of the conservative direction is proved. However, at the same time in liberalism the main idea of this philosophy consisting in understanding of society as the complete, hierarchically organized system having in the basis the spiritual beginning expressing the historical experience of the people understood as search of ways to a unification good luck is lost. On the other hand, intensions which have been intended to express actually liberal installations are substantially inconsistent and lost productive positions which contain in the western liberalism. It, first of all, concerns opposition of internal freedom to freedom external, understanding of culture as matter of spiritual elite and the teleologic concept of the state.

Keywords: liberalism, conservatism, freedom, culture, state

Наметившееся в общественном сознании современной России неприятие ценностей западного либерализма находит свое отражение в исканиях отечественных философов, направленных на определение концептуальных оппозиций, которые могли бы быть противопоставлены этой доминанте западного политического мышления. Важнейшим источником таких оппозиций для отечественных авторов естественным образом оказывается русская философская мысль.

В целом единая ментальная традиция, несомая русской религиозной философией, имеет определенные вариации, которые акцентируются различными авторами. Наиболее отчетливо выраженной является консервативная линия, которая не сводится к собственно политическому, «практическому консерватизму» в духе

К.П. Победоносцева, М.Н. Каткова, С.С. Уварова и др., но представляет собой особый способ мышления, исходящий из идеи «сверхвременного» единства общественного космоса, одно «из вечных религиозных и онтологических начал человеческого общества» [2, с. 91]. Проявление такого способа мышления, естественно, в каждом конкретном случае специфическое, мы находим в трудах Леонтьева, Бердяева, Франка, Булгакова и многих других русских мыслителей. Эта линия ориентирует на понимание общества как целостной иерархически организованной системы, имеющей в своей основе духовное начало, укорененное в историческом опыте русского народа¹. За этой линией стоит противопоставление рационалистическим построениям западной социально-философской мысли мистического видения истории, рассмотрение индивидуального бытия как порождения целостности духовного бытия народа.

Вместе с тем современные авторы, критикующие западный либерализм, находят смысловую основу для своей критики в трудах тех отечественных мыслителей, которых принято относить к либералам (Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский и др.). Основанием для такого отнесения является особый акцент, который делали эти мыслители на теме прав и свобод человека. В данной статье мы рассмотрим некоторые идеи русского либерализма, а также отдельные тенденции в его оценке, появившиеся в современной литературе, с точки зрения их соответствия принципам западного либерализма, с одной стороны, и традициям отечественной социальной мысли, с другой.

Русский либерализм получил свое наиболее значимое в концептуальном отношении развитие во второй половине XIX в. и выразился в поддержке реформ, которые связываются с именем Александра II. По словам Леонтьева, «после того как были произведены реформы крестьянская, судебная и земская, как дарованы были льготы печати и университетам, общество наше распалось на два лагеря. Спорными пунктами между ними явились:

- 1) вопрос о принципиальной годности реформ в применении к нашему быту;
- 2) вопрос о дальнейшем развитии совершенных преобразований.

Люди, преданные делу реформы, получили кличку либералов; люди противоположного направления нарекли его *охранительным*»² [7, с. 169].

Как видим, в XIX в. русский либерализм осознал себя как политическая программа, ориентирующаяся на поддержку социальных свобод, в частности тех, которые были связаны с указанными реформами. На первый взгляд, интенции русских либералов вполне согласуются со смыслами, составляющими основу западного либерального мышления. Вместе с тем общность повестки не означает общности мировоззренческих оснований этого типа мышления. В трудах русских либералов современные авторы находят определенного рода философию, которая, как они полагают, дает основания для существенно иного видения смыслов и способов функционирования общественного целого.

Сразу скажем, что анализ философии, фундирующей русский либерализм и придающей ему своеобразие и интерес, показывает, что наиболее значимые ее идеи коренятся в традиции отечественной мысли, наиболее полно выраженной русским консерватизмом, что, кстати, нашло свое выражение в своеобразном оксюморе «либеральный консерватизм», который используется для характеристики воззрений некоторых русских мыслителей. Те же стороны воззрений русских либералов, ко-

¹ Более подробно об основных чертах этой ментальной традиции см.: Александров В.Б. Русская социально-философская мысль: темы, идеи, традиции. СПб., 2017.

² В данной статье мы будем неоднократно ссылаться на знаковую работу К.Н. Леонтьева «Чем и как либерализм наш вреден», явившуюся откликом на одну из публикаций Градовского, взгляды которого мы также будем иметь в виду.

торые воспроизводят собственно либеральную риторику, оказываются, на наш взгляд, наименее интересными и проработанными в меньшей степени, чем это имеет место в западном либерализме.

Первая черта этой философии продолжает традицию русской религиозной философской мысли, укореняющей индивидуальное бытие в духовной жизни народа. Некоторые исследователи русского либерализма, указывая на эту черту его философских оснований, рассматривают ее как результат влияния идей немецкой классической философии, где была установлена вторичность отдельной личности по отношению к обществу, духовному целому народа и человечества [5, с. 94].

Конечно, нельзя отрицать того, что русские мыслители серьезно знакомились с немецкой классической философией, но это не дает основания считать, что данная идея является результатом ее исключительного влияния. Думается, что ситуация обратная. Интерес к немецкой философии был вызван ее созвучностью мироощущению русских мыслителей. Это мироощущение укоренено в многовековом опыте общинной жизни, совместного противостояния вызовам природной среды и иноплеменного окружения. Принцип укоренения личности в целостности общественной жизни красной нитью проходит через учения многих русских философов: он отчетливо обозначен в идее соборности, выдвинутой А. С. Хомяковым, учении Леонтьева об обществе цветущей сложности, философии всеединства, разделявшейся многими выдающимися отечественными философами, и других построениях русских мыслителей.

Такое укоренение индивидуального бытия в целостности народной жизни отчетливо просматривается в трудах русских либералов. Так, Градовский, к идеям которого мы будем еще не раз обращаться, в качестве предмета государственного управления рассматривает жизнь народности как целого, причем народность рассматривается им не как сумма индивидов, а как «собираательная личность». Некоторые его высказывания на эту тему даже позволяют усомниться в справедливости отнесения его воззрений к либеральным. Характерным в этом плане является следующий принадлежащий его перу пассаж: «Деятельность государства не может быть сведена к простому *охранению личных сил*, задаче отрицательной. Предмет государственной политики — жизнь определенного народа, во всем ее объеме» [4, с. 17]. Эта философская установка нашла отражение в других чертах, свойственных воззрениям русских либералов.

Вторая особенность философии русского либерализма состоит в особой акцентировке внутренней свободы, в противовес западному либерализму, выводящему на первый план внешнюю свободу, т. е. по сути дела правовые условия самоосуществления личности. На эту особенность русского либерализма указывает, например, один из наиболее глубоких его исследователей И. И. Евлампиев. По его словам, «сущностным качеством человека была признана его внутренняя свобода, которая весьма опосредованно соотносится с внешней свободой, а часто даже противоречит ей (как утверждают экзистенциалисты, даже тюремное заключение не лишает нас внутренней свободы, наоборот, очень часто устранение внешней свободы помогает человеку осознать свою подлинную, внутреннюю свободу)» [5, с. 94]. Главная претензия к либерализму в его западной трактовке, которую выдвигает названный автор, состоит в недооценке внутренней свободы и чрезмерной акцентировке свободы внешней, т. е. тех возможностей, которые создаются установленными в обществе универсальными правилами. В этих условиях человек западного общества формируется как следствие условий, утрачивающее проблематику внутренней свободы. «Главной целью “воспитания народа”, о котором говорили все родоначальники либерализма, — пишет Евлампиев, — и одновременно главным условием его эффективности оказалось подавление, уничтожение внутренней свободы» [Там же, с. 96].

Не имея в виду защиту либерализма, но с целью определения более оснований причин для его критики, рассмотрим идею внутренней свободы и те возможности понимания человеческого бытия, которые могут быть с ней связаны. Начнем с того, что само понятие внутренней свободы весьма противоречиво и что противопоставление внутренней свободы всякой внешней обусловленности является некоторой прекраснотушной иллюзией. На это обстоятельство в свое время весьма тонко указал Д. Юм, заметивший, что, по сути дела, рассмотрение своих действий как свободных означает не что иное, как нежелание видеть их обусловленность и необходимость. По его словам, «хотя, совершив какой-нибудь поступок, мы и сознаем, что находились под влиянием известных целей и мотивов, нам все же трудно убедить себя в том, что нами управляла необходимость, и что для нас совершенно невозможно было действовать иначе» [10, с. 157]. Логика размышлений великого мыслителя такова: «если единственным мотивом наших действий является желание показать свою свободу, значит, мы никак не можем освободиться от уз необходимости. Мы можем вообразить, будто переживаем свободу внутри себя, но любой зритель обычно может вывести наши действия из руководящих нами мотивов и из нашего характера» [Там же, с. 159].

Иными словами, увлечение темой внутренней свободы проходит мимо того вполне очевидного обстоятельства, что абсолютное игнорирование внешних условий (например, правовых гарантий) является самообманом, за которым скрывается неготовность к рефлексии над своей деятельностью. Внешние обстоятельства могут в большей или меньшей степени осознаваться субъектом, но в любом случае полностью исключить их влияние нельзя. И даже претендуя на свободу и убеждая себя в том, что он свободен в своих действиях, субъект явно или неявно видит свою свободу в отношении к определенным внешним обстоятельствам.

В некоторых условиях сохранение внутренней свободы может быть весьма непростым делом и потребует большей смелости, чем в других. Но, тем не менее, внутренняя свобода — свобода выбора существует всегда, в самых разных внешних условиях, в самых жестоких и грозящих смертельными репрессиями обстоятельствах. Реальная свобода лица, заметил Леонтьев, «возможна даже и в Китае, при существовании пытки... „Не делай того, что запрещено, если боишься пытки... а если не боишься как знаешь“. Этот выбор возможен был во все времена, и *люди действительно выбирали*» [7, с. 178]. В обстоятельствах более гуманных внутренняя свобода окажется делом «менее затратным» для волевой сферы личности, для ее готовности к риску или самопожертвованию. Но, так или иначе, реализация внутренней свободы будет всегда «наткаться» на границы, задаваемые внешними условиями.

Идея внутренней свободы вызывала весьма настороженное и, если говорить более точно, критическое отношение со стороны представителей консервативной, охранительной идеологии. Суть этих опасений в том, что абсолютизация внутренней свободы запускает процесс саморазрушения общества и государства. Требование внутренней свободы как бы ни противопоставляли ее свободе внешней, это всегда более или менее явный поход за более комфортными в правовом отношении условиями для реализации внутреннего выбора. В полном соответствии с диалектикой внутреннего и внешнего ослабление внешней регламентации обуславливает изменение степени ответственности и смелости внутренней свободы, стимулируя дальнейшую борьбу за увеличение внешней свободы. В либеральной среде это движение может быть более или менее осознанным и более или менее целенаправленным. В случае осознанности эта деятельность оказывается целенаправленным разрушением существующего государства, в противном случае она имеет тот же результат, стремление к которому оправдывается прекраснотушными разговорами о свободе для социального или культурного творчества.

Убедительную иллюстрацию такого разрушительного действия либеральной практики, на примере деятельности земств, приводит К. Н. Леонтьев, один из самых глубоких представителей охранительной идеологии. «В земстве заметен нередко такой дух, — пишет он, — который нельзя назвать правительственным или охранительно-либеральным, т. е. *не переходящим за черту дарованных льгот*» [7, с. 173]. Это утверждение он поясняет следующим примером. В одной губернии, кандидат в гласные был забаллотирован только потому, что он был близок губернатору, и представителям земства не хотелось «чтобы *администрация* знала все, что мы делаем, и влияла бы тут...». Вывод вполне очевидный для Леонтьева. «Земство, по чувству естественному и присущему всякому человеческому учреждению, постоянно стремится перейти эту черту (черту либерального закона, — *В. А.*) не по форме, а именно по духу, т. е. *ослабить действие той самой власти, которая даровала ему эти права...*» [Там же, с. 174]. По словам Леонтьева, именно мелкая эгалитарно-либеральная оппозиция усиливает «сперва общее расслабление, а потом и разнузданность» [Там же, с. 174].

Внутренним механизмом запускаемого либеральными реформами процесса саморазрушения государства является то совершенно неизбежное обстоятельство, что следование закону есть всегда результат его определенной интерпретации. Эта интерпретация есть форма существования внутренней свободы. Данное обстоятельство, кстати говоря, надо иметь в виду, когда мы говорим о свободе как познанной необходимости. Необходимость не может быть познана в некотором исчерпывающем и завершенном смысле. Поэтому ссылка на невозможность преодолеть познанную необходимость при выборе определенного способа поведения на поверку оказывается ничем иным, как слабостью и личностной несостоятельностью. Свобода есть не просто познание необходимости, но всегда и готовность ее переосмыслить, интерпретировать в приемлемом для себя варианте для осуществления своих целей. Кстати, западный либерализм отчетливо осознает это обстоятельство. Более того, оно является для него краеугольным в трактовке человеческой свободы.

Вообще, по нашему мнению, попытка противопоставить русский либерализм западному по принципу недооценки последним внутренней свободы, является безосновательной. Западный либерализм не отрицает внутренней свободы, более того, он понимает ее вполне продуктивно, связывая ее с осознанием и истолкованием законов, в которых действует человек и которые уравнивают всех членов общества. В силу этого само понимание внутренней свободы становится более осмысленным. Вот что пишет, например, Хайек — один из главных теоретиков либерализма: «Зная правила игры, индивид свободен в осуществлении своих личных целей и может быть уверен, что власти не будут ему в этом мешать» [8, с. 61]. Но при этом продуктивное участие каждого индивида в историческом процессе предполагает отчетливое осознание того, что «...сама по себе шкала ценностей может существовать только в индивидуальном сознании, поскольку она является ограниченной и неполной. В силу этого индивидуальные ценностные шкалы различны и находятся в противоречии друг с другом. Отсюда индивидуалист делает вывод, что индивидам следует позволить в определенных пределах следовать скорее своим собственным склонностям и предпочтениям, нежели чьим-то еще (например, установленным государством нормам. — *В. А.*), и что в этих пределах склонности индивида должны иметь определяющий вес и не подлежат чьему-либо суду. Именно это признание индивида верховным судьей его собственных намерений и убеждений, признание, что постольку, поскольку это возможно, деятельность индивида должна определяться его склонностями, и составляет существо индивидуалистической позиции» [Там же, с. 51]. Мы видим, что западный либерал не исключает внутреннюю свободу и даже придает ей вполне осмысленный и продуктивный характер.

В таком понимании внутренней свободы содержится очень важный эвристический потенциал, ориентирующий на понимание взаимоотношения субъекта и власти как диалога. Действующий индивид всегда при осуществлении свои ценностных установок, реализации своих склонностей всегда будет стоять перед лицом проблемы интерпретации установленных законов. И эта интерпретация всегда будет иметь естественную тенденцию более либерального их толкования с целью как можно дальше продвинуть свою свободу. Хотя представители либеральной идеологии этого или нет, но это означает противостояние тому субъекту, который установил эти «правила», т. е. государству. С другой стороны, это означает, что у государства есть право давать свою интерпретацию действиям субъекта через призму определенной интерпретации установленных законов. Таким образом, движущим механизмом развития будет процесс разрешения конфликта интерпретаций, который выступает способом существования индивида или некоторых коллективных субъектов в их отношениях с государством.

Обращая внимание на акцентировку внутренней свободы русскими либералами, следует отметить, что подобная идея не может рассматриваться как абсолютно противостоящая отечественной культурной традиции, выраженной консервативными авторами. Подчеркивание значения внутренней свободы мы можем встретить уже у русских славянофилов, о чем, кстати, говорят и сами либеральные авторы. Так, А. Градовский писал о славянофилах, видя их в данном отношении своими предшественниками, что «для них первое в отдельном человеке и в народе были его нравственные идеалы, вырабатываемые его свободным сознанием, т. е. творчеством» [4, с. 220]. Однако в русской консервативной мысли эта акцентировка внутренней свободы была связана с другой метафизикой. Свобода здесь рассматривается не в либеральном духе как право на творческую самореализацию, на отстаивание своих политических и т. п. целей, но как некоторая судьба и, более того, обязанность, вытекающая из богоподобной природы человека. Как утверждал Франк, «свобода не есть какое-нибудь абсолютное и „прирожденное“ право... свобода есть, напротив, первичная обязанность человека в качестве общего и высшего условия для исполнения всех остальных его обязанностей» [9, с. 115]. Свобода дана человеку для самореализации, а как важнейшее условие поиска путей к Богу, исполнения своего долга в земной жизни. Свобода обретает свой смысл только тогда, когда человек начинает осознавать себя существующим перед лицом Абсолюта, т. е. Бога.

В противном случае за этим сладким словом «свобода» могут скрываться побуждения далеко не возвышенного свойства. Некоторый перечень таковых набросал Леонтьев: «один — либерал, — замечает он, — потому, что был либералом еще в 40-х годах и ему больно расстаться с любимым идеалом, которому он так долго и так искренно служил; другой остается на всю жизнь либералом потому, что думает, будто бы честный человек непременно должен быть всю жизнь верен прежним убеждениям, даже и вопреки целому ряду разочарований...»

Этот род либерализма, говорю я, искренний сначала, а впоследствии *только твердый, но уже не искренний*, есть самый вредный род, ибо он серьезен и влиятелен...

Самые безвредные либералы в наше время — это либералы *из выгод*. Один, например, либерал оттого, что пишет для пропитания в газете, защищающей «свободу и равенство». Этот легко исправим; какая-нибудь ссора с редактором или хорошая построчная плата в разумной газете сделает его охранителем в одну неделю...

Этого рода люди не так вредны и опасны, как люди благородные и честные!.. Таких людей, неисправимых *морально, но политически* очень легко исправимых посредством какой-либо мзды, — к счастью, у нас еще много. Политика — не

этика. Что делать! Она имеет *свои законы, независимые от нравственных*» [7, с. 171–172]. Можно спорить о полноте приведенной «классификации». Но не в этом дело. Главное Леонтьевым сказано. За этим наброском просматривается своеобразная конкретизация мыслей Юма об обманчивости веры во внутреннюю свободу человека. За каждым свободным выбором стоит более или менее осознаваемая обусловленность внешними обстоятельствами или собственным характером. И в зависимости от степени этой обусловленности внутренняя свобода может иметь больший или меньший разрушительный потенциал, связанный со стремлением, так или иначе, противостоять существующей власти. Это противостояние может быть осознанным и злонамеренным или противостоянием из прекраснодушного непонимания его смысла, но в любом случае своим следствием оно имеет разрушение установленного общественного порядка. По этому поводу Леонтьев метко заметил: «Тут вот какая Сцилла и Харибда для друзей «свободы»... Кто из них был коварен, тот был умен, ибо достигал своей цели — *расстройства общего*... А кто был прям и честен в своих увлечениях, тот или ошибался горько, или просто ничего государственного не понимал» [7, с. 178].

Третьим достоинством русского либерализма высоко оценивающие его современные исследователи считают придание им особого значения культурному творчеству. Эта установка является следствием того, по их мнению, что важнейшим условием культурного творчества является внутренняя свобода. Так, в частности, И. И. Евлампиев указывает, что «основной формой внутренней, духовной свободы является не выбор между наличными в бытии ситуациями и явлениями, а творческий акт, созидающий культуру. Человек, глубоко осознающий свою внутреннюю, творческую свободу, обладает такой самостоятельностью, независимостью мыслей и суждений, что его поведение и мышление невозможно достаточно эффективно контролировать» [5, с. 95]. При этом полагается, что внутренняя свобода в ее наиболее полном выражении и соответственно творческий потенциал являются чертами элит, выступающих творцами национальной культуры. Так, И. И. Евлампиев и его соавтор в другой работе замечают, что в качестве творца культуры «невозможно иметь в виду любую личность. Здесь необходимо учесть принципиальное неравенство личностей: первичной, абсолютно значимой в отношении культуры личность может стать, только достигнув определенного развития внутренней свободы и творческой способности» [6, с. 133].

Приведенная точка зрения требует нескольких комментариев. Во-первых, в соответствии с приведенной выше логикой о разрушительных интенциях либерализма, возникает вопрос: не будет ли стремление к самореализации творческого субъекта, движимого чувством собственной внутренней свободы, путем к уничтожению и самой свободы и национальной культурной традиции. В русском консерватизме возможность такого исхода преодолевается отмеченной выше метафизикой. Для него по отношению к творчеству в сфере культуры, как и по отношению к социально-политическим практикам, будет справедливым утверждение о том, что творец, деятель должен ощущать свое существование перед лицом Абсолюта и свое творчество как трудный и непростой диалог с ним. Остановиться на постулировании внутренней свободы как источнике творчества было бы большим упрощением. Для русской философии творческая устремленность человеческого бытия — это та тайна, которую человеку даровал бог и которую человек должен открыть в себе как свое подобие творцу «*Бог ждет от человека антропологического откровения в творчестве, сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества*» [3, с. 329].

Во-вторых, нельзя не отметить того, что идея элиты как подлинного субъекта культурного творчества не вполне согласуется с либеральной традицией и причудливым образом перекликается с аристократическим пониманием культурного

процесса, который в большей степени свойственен консервативному мировоззрению. Так, например, Бердяев, исходя из представления о том, что культура коренится в культе, полагает, что она усвоила иерархический характер, свойственный культу. Отсюда вывод, согласно которому «культура — благородного происхождения» и ее развитие является привилегией духовной аристократии. «Культура, — писал по этому поводу Бердяев, — всегда идет сверху вниз, путь ее аристократический» [2, с. 218].

На наш взгляд, это одно из самых проблемных мест в трактовке культуры русскими консерваторами. Конечно, многое зависит от того, как понимать культуру. Если культура понимается как высшие достижения нации, то Бердяев безусловно прав. Однако такой подход к культуре приводит к утрате ее сущности как формы кодирования, исторического опыта, в которой зашифрованы основные смыслы бытия людей, составляющих некоторую общность — этническую, социальную, поселенческую или какую-либо иную. Такое понимание культуры означает невозможность ее сведения к высшим достижениям в искусстве, литературе или философской мысли. Культура — это творение всего народа. Значение иерархии в культуре проявляется в том, что духовная элита выполняет специфическую функцию, наполняя культурную традицию рефлексией, глубоким личностным переживанием, художественной образностью, религиозными смыслами, находящими свое выражение в произведениях искусства, философских трактатах, богословских текстах, но не в создании культуры как некоторой системы ценностей и смыслов.

Творцом культуры, смыслом которой является национальная традиция, выступает народ. Это могут быть его представители, своей жизнью создающие образы, персонифицирующие эту традицию, например герои войн, ученые, священники... Культура творится и в обыденной, повседневной жизни людей, где она кристаллизуется в виде обычаев, поведенческих образцов, определенного ценностно-нравственного сознания, составляющего основу национальной культуры. Кстати говоря, подобную точку зрения мы встречаем и у русских либералов. Ее достаточно отчетливо выразил, А. Д. Градовский, упоминаемый Леонтьевым как представитель либеральной идеологии. Он недвусмысленно выводит на первый план культурного процесса народное творчество, а не творчество духовной элиты, что позволяет предположить, что современные авторы вкладывают в уста русских либералов идеи, которые симпатичны им самим, более чем комментируемым ими мыслителям. «Народное творчество, — писал А. Д. Градовский, — вот последняя цель, указываемая каждому народу самой природой, цель без которой не может быть достигнуто совершенство рода человеческого. Убить творческую силу народа — все равно, что убить силу личной предприимчивости в неделимом (имеется в виду, в индивидуе. — В. А.)» [4, с. 28]. Еще раз подчеркнем: конечно, есть и великие творцы, в творчестве которых национальная культура достигает своих высот, но дело заключается в том, что как только творец осознает свою особую роль в творении культуры, как только он противопоставит себя людям профессионально незанятым в искусстве, литературе, будет относиться к ним как условию своего творческого бытия, он тут же запустит тот самый механизм саморазрушения общества, о котором мы говорили выше. Это саморазрушение выразится в унижении «простых» людей, творящих те самые базовые формы культуры, о которых мы говорили, и в личностной деградации самого «творца».

Рассмотрим следующий пример, приведенный Достоевским и использованный Евлампиевым и Куприяновым для иллюстрации того положения, что элитарный характер культурного процесса может стать естественным достоянием общественного сознания и выражаться в способе существования творца культуры. «Представьте, — писал Достоевский, — что в будущем обществе есть Кеплер, Кант и Шекспир: они работают великую работу для всех, и все сознают и чтут их. Но некогда Шекспиру

отрываться от работы, убирать около себя, вычищать комнату, выносить ненужное. И поверьте, непременно придет к нему служить другой гражданин, сам пожелает, своей волей придет, и будет выносить у Шекспира ненужное. Что же он будет унижен, раб? Отнюдь нет. Он знает, что Шекспир полезнее его бесконечно: „Честь тебе и слава, — скажет он ему, — и я рад послужить тебе, хоть каплей и я послужу тем на общую пользу, ибо сохраняю тебе часы для великого твоего дела, но я не раб. Именно сознавшись в том, что ты Шекспир, выше меня своим гением, и придя к тебе служить, я именно этим сознанием моим и доказал, что по нравственному достоинству человеческому я не ниже тебя нисколько и, как человек, тебе равен“» [цит. по 6, с. 135]. На наш взгляд, это пример скорее забавный, чем убеждающий. Вынося горшки за Шекспиром, не будет ли обслуживающий его человек унижать себя как личность и тем самым разрушать общий принцип возвышения человека как смысла общественной жизни, как смысла культурного процесса. Да и самого Шекспира вряд ли это возвысит как личность и тем самым как человека, способного творить подлинную культуру. Возникают и другие вопросы. Насколько точно современник великого человека может диагностировать его величие? И может ли человек, готовый выносить горшки, претендовать на то, чтобы определять значимость некоего Шекспира, Ван Гога или даже самого Достоевского? Все эти вопросы следует иметь в виду, когда приходится сталкиваться с позиционированием себя современными деятелями искусства кем-то вроде Шекспира из приведенного выше примера.

Четвертая особенность русского либерализма заключается, как полагают современные его поклонники, состоит в особом понимании сущности государства. Это понимание связано с идеями внутренней свободы и творчества как формы ее реализации. Главное в его понимании государства и на чем останавливается мысль указанных авторов состоит в том, что в отличие от западных либералов, выстраивающих свою концепцию государства на основе понимания общества как механического взаимодействия автономных индивидов, регулируемого «минимальным» государством, для русских либералов, в частности, для Градовского, государство выступает политической формой народности. Народность как исторически формирующаяся целостность и понимаемая им как «совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого» [4, с. 26], «*есть нормальное, естественное основание государства*» [4, с. 30]. И в свою очередь «государство в тесном смысле этого слова есть не что иное, как *политико-юридическая форма народности*» [Там же].

Важнейшей функцией государства, понятого указанным выше способом, является развитие народности как особого культурного субъекта. Поскольку культура, по справедливому замечанию Евлампиева и Куприянова (приходящему, между прочим, в некоторое противоречие с высказанной ими идеей об элитарности культуры), обладает духовной целостностью и не является делом отдельной личности, в культурном процессе, по их мнению, действует диалектика взаимодействия элемента и целого. В силу этого обстоятельства процесс реализации внутренней свободы заставляет личность признать «необходимость диалектического взаимодействия с государством, а также свою несомненную зависимость от него как от обязательной формы организации культуры» [6, с. 133]. Нельзя не согласиться с этой весьма справедливой мыслью. Заметим только, что эту вполне корректную логику авторам неплохо было бы применить и при рассуждении о смысле и значении внутренней свободы как способе бытия отдельной личности и вне собственно культуры, в ее социальном и политическом бытии. Ее применение исключило бы столь категоричное противопоставление внутренней свободы свободе внешней, границы которой как раз и задаются государственно-правовыми рамками.

Эту концепцию государства авторы называют телеологической, в силу того, что его деятельность подчинена не простому регулированию отношений между инди-

видами, а задаче сохранения и развития целостности культуры. «Общество и государство, — полагают авторы, — представляет собой телеологическую организацию, каждый член которой служит и себе, и целому, а целое и зависит от своих частей, и оказывает на них определяющее влияние, поскольку вне государственного целого бытие единичного человека невозможно и не имеет цели» [Там же].

Таким образом, творение культуры осуществляется индивидом как частью целостности, закон существования которой задает государство. В этом процессе осуществляется двоякая деятельность: с одной стороны, субъект, реализуя свои ценностные установки, создает культуру, совершенствуя тем самым общество, а с другой, он сам совершенствуется как личность. Заметим, что эта справедливо подмеченная диалектика в полной мере реализуется не только в сфере собственно культуры, но и в других видах социально значимой деятельности — экономической, политической, — осуществляя которые человек реализует свои ценностные установки и, тем самым, так или иначе, творит культуру. Об этом тоже следует помнить, когда начинают говорить об особой роли элиты в развитии культуры.

Возвращаясь к идее телеологического государства, следует сказать, что не стоит переоценивать ее оригинальность (за исключением разве что названия, предложенного нашими авторами). В этой идее в специфической форме воспроизводится свойственное русской культурной традиции понимание общества как иерархически организованного целого, не исключающего при этом и свободу личности. Это понимание общества, по словам Франка, имеет в виду состояние, которое «является именно органически-корпоративно-иерархическим состоянием, которое, тем не менее, пробивается через сильное чувство свободы и демократическую активность самоуправления» [9, с. 488]. Истоки такого понимания государства сам Франк видит в учении о соборности А. С. Хомякова. Но в отличие от либеральной трактовки русская религиозная философия видит невозможность эксплицировать ее в логически выверенной категориальной форме. Она видит это единство как «магическое» (как основывающееся на восприятии реального присутствия всеобщего духа в сообществе) в противоположность «фаустовскому мировоззрению Запада» [Там же, с. 487]. В свете западного мировоззрения, отправной точкой для понимания общественной жизни является человеческое «я» (индивидуалистический персонализм), тогда как в русской философии отправной точкой является «Мы», которое «образует последнюю основу духовной жизни и духовного бытия» [Там же]. Либеральное мышление говорит о существовании человека в контексте духовного целого, но оно проходит мимо темы логической невыразимости этой целостности, ее рационально не постижимой онтологической природы, обуславливающей специфику национальной культуры. Для него не существует темы общего, общего в национальной культуре, в национальной истории. Леонтьев, воссоздавая логику либерального мышления, писал: «до национального своеобразия и творчества, до национальной самобытности нам дела нет; мы просто утратили способность понимать, что это такое — своеобразие творчества и т. п., и каким это образом выходит, что даже рабство и всякие стеснения, во многих случаях *развивают личность* — и народную, и единичную больше (т. е. выразительнее), чем общеевропейская нынешняя свобода?» [7, с. 177]. Рационализация культурного процесса, пусть и обращающаяся в своей риторике к категории целостности, так или иначе, теряет традицию, теряет онтологическую основу, глубинные, мистические основы культуры. Именно здесь проходит, по-видимому, водораздел между консервативной традицией и логикой либерального мышления.

Вызывает сомнение и тезис о движении к совершенству в культурном процессе, даже с оговоркой о его полной недостижимости, и, соответственно, понимание культуры каждой эпохи как определенной стороны этого совершенства, как ступени восхождения к нему. По словам упомянутых авторов, «каждая эпоха, каждый

народ, каждая культура в истории имеет непреходящее значение как выражение одной из сторон идеала совершенства» [6, с. 132]. Этот тезис как-то уж очень прозрачно напоминает принцип градаций Ж.Б. Ламарка для живой природы, не говоря уже об Аристотелевской телеологии. Неприемлемость такого подхода была хорошо осознана русскими консервативными мыслителями, видевшими исторический процесс как трагический, процесс, в котором происходит не движение к всеобщему совершенству, а нарастание борьбы между добром и злом. Так, например, Леонтьев в упоминавшейся нами работе, посвященной критике либерализма, замечает, что «в *прогресс* надо верить, но не как в *улучшение* неперменное, а только как в новое перерождение тяготей жизни, в новые виды страданий и стеснений человеческих» [Там же, с. 179]. Если и говорить о цели государства в области культуры, то имея в виду ее понимание не в духе ориентации на некоторое идеальное состояние, а как постоянное стремление к сохранению национальной традиции, постоянному соотносению с ней неизбежных новаций, нахождению организационных форм взаимодействия с творческими коллективами и отдельными творцами в сфере культуры.

Таким образом, проведенный в статье анализ позволяет сделать заключение о том, что русский либерализм представляет интерес как опыт либерального дискурса в рамках отечественной культурной традиции. Этот опыт свидетельствует о том, что те идеи, которые могли бы обогатить либеральную идеологию, являются своеобразным и не всегда удачным парафразом тех мыслей, которые были наработаны в русской религиозной философии, имеющей в целом консервативную направленность. В результате этого обстоятельства, например, либеральная идея о свободе личности не только утрачивает логику свойственному западному либерализму, но в предлагаемом ее варианте (противопоставляющем внутреннюю свободу свободе внешней) утрачивает ряд смысловых особенностей, свойственных идее свободы вообще. Это же касается и телеологической идеи государства (акцентированной современными авторами), деятельность которого ведома принципом совершенствования культуры, непонятно каким образом способного понять критерии этого совершенствования. В русской религиозной философии фундаментальной идеей, определяющей и трактовку свободы, и культурного творчества, и сущности государства, является понимание общества как целостной, иерархически организованной системы, имеющей в своей основе духовное начало, выражающее исторический опыт народа. Содержание этого опыта определяется напряженным поиском тех форм совместной жизни, которые ведут к единению человека и Бога. Соответственно, в отличие от либерализма, смысловое наполнение свободы и культурного творчества осуществляется здесь через постановку человека перед лицом Божественного Абсолюта и понимается как выстраивание богочеловеческого бытия. Творческая функция государства, в целом оправданно понимаемого как политическая форма народности, если следовать традиции русской религиозной философии, несущей в себе консервативное начало, не может трактоваться как выстраивание процесса движения к совершенству. Главная его задача в свете этой философии — нахождение форм согласования традиции и новаций, имея в виду исторический духовный опыт народа в определенном выше смысле.

Литература

1. Александров В.Б. Русская социально-философская мысль: темы, идеи, традиции. СПб., 2017.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

4. Градовский А. Национальный вопрос в истории и литературе. М., 2009.
5. Евлампиев И. И. Актуальные уроки русского либерализма. Статья первая: критика западной традиции // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 90–99.
6. Евлампиев И. И., Куприянов В. А. Телеология против механицизма: две формы понимания общества и государства в русском либерализме // Философские науки. 2016. № 8. С. 124–137.
7. Леонтьев К. Н. Чем и как либерализм наш вреден // К. Н. Леонтьев. Избранное. М., 1993.
8. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 1992.
9. Франк С. Л. Русское мировоззрение // С. Л. Франк. Духовные основы общества. М., 1992.
10. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга вторая. Об аффектах; Книга третья. О морали. М., 1995.

Об авторе:

Александров Владимир Борисович, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; vladboralex@mail.ru

References

1. Alexandrov V.B. Russian social philosophical thought: subjects, ideas, traditions. SPb., 2017. (In rus)
2. Berdyaev N.A. The Philosophy of Inequality // Russian abroad: from history of a social and legal thought. L., 1991. (In rus)
3. Berdyaev N.A. The Philosophy of Freedom. Sense of creativity. M., 1989. (In rus)
4. Gradovsky A. Ethnic question in the history and literature. M., 2009. (In rus)
5. Evlampiyev I. I. Relevant lessons of the Russian liberalism. Article first: criticism of the western tradition // Questions of Philosophy [Voprosy filosofii]. 2015. N 6. P. 90–99. (In rus)
6. Evlampiev I. I., Kupriyanov V. A. Teleologiya against a mekhanitsizm: two forms of understanding of society and the state in the Russian liberalism // Philosophical sciences [Filosofskie nauki]. 2016. N 8. P. 124–137. (In rus)
7. Leontiev K. N. How and on our liberalism is harmful // Leontiev K. N. Favourites. M., 1993. (In rus)
8. Hayek F. A. The Road to Serfdom. M., 1992. (In rus)
9. Frank S. L. Russian outlook / Frank S. L. Spiritual bases of society. M., 1992. (In rus)
10. Yum D. A Treatise of Human Nature. Book 2: Of the Passions; Book 3: Of Morals. M., 1995. (In rus)

About the author:

Vladimir B. Aleksandrov, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor\$ vladboralex@mail.ru

Is it Possible to Successfully Combat Corruption by Scanning Old Rosaries?

Tsatsulin A. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The article is dedicated to the International Day against Corruption, which is celebrated annually on December 9. Corruption as a complex socio-economic phenomenon is generated by a variety of reasons, most of which have already been identified and subjected to comprehensive analysis. But in Russia, corruption has become monstrous, extremely corrupt local, regional and federal officials mock openly over helpless legislation, the consequences of which are seen in the flight of capital from the country, and in the recession / stagnation of the national economy, and in the tragic events of recent times. In the end, corruption undermines the basis for the economic security of the Russian state and undermines the emerging clusters of the national idea. The author of the material continues to understand the causes of corruption and considers the vital issues of this so far insufficiently successful struggle and inefficient counteraction to corruption phenomena that are found in various areas of life and not only our society but also many other countries. The author also tries to find out how corruption is interpreted in the views of the main world religions — Christianity (partly), Islam and national religion — Judaism. The article gives historical reminiscences and authorial comments on the text fragments of the main written sources of these religions. Judgments about the origins, roots and main causes, of course, of an immoral, harmful and destructive phenomenon — corruption, which deeply impressed the national economies of many developed and most developing countries of the planet, are being voiced. The author cites episodes of corruption from the Scriptures of the world religions, gives his own, sometimes controversial or controversial interpretation. At the end of the article, the author expresses his opinion on measures to combat corruption in the form of three independent conclusions. The author's attempt to express his attitude to the accumulated experience of the sacred struggle against corruption, which is very contradictory in its quality, boils down to the following: instead of solving a concrete, fixed and described problem, it is attempted to reformulate and belittle its danger through sophisticated connotations.

Keywords: corruption, bribery, embezzlement of budgetary funds, money laundering, world religions, apostles, prophets, saints, shepherds, corruptionism, confessions

Можно ли успешно сражаться с коррупцией, перебирая старые четки?

Цацулин А. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена Международному дню борьбы с коррупцией, который отмечается ежегодно 9 декабря. Коррупция как сложное социально-экономическое явление порождается множеством причин, большинство которых уже выявлено и подверглось всестороннему анализу. Но в России коррупция приобрела чудовищные масштабы, предельно коррумпированные чиновники местного, регионального и федерального уровней глумятся открыто над беспомощным законодательством, последствия чего просматриваются и в бегстве капиталов из страны, и в рецессии/стагнации национальной экономики, и в трагических событиях последнего времени. В конце концов, коррупция подрывает основы экономической безопасности российской державы и подтачивает намечающиеся скрепы национальной идеи. Автор материала продолжает разбираться в причинах коррупции и рассматривает жизненно важные вопросы этой

пока недостаточно успешной борьбы и неэффективного противодействия коррупционным явлениям, которые обнаруживаются в различных областях жизни и не только нашего общества, но и многих других стран. Автор пытается также выяснить, как коррупция трактуется в воззрениях основных мировых религий — христианства (частично), ислама и национальной религии — иудаизма. В статье даются исторические реминисценции и авторские комментарии к текстовым фрагментам главных письменных источников названных религий. Высказываются суждения об истоках, корнях и главных причинах, безусловно, аморального, вредоносного и разрушительного явления — коррупции, которое глубоко поразило национальные экономики многих развитых и большинства развивающихся стран планеты. Автор приводит эпизоды коррупции из Священных писаний мировых религий, дает свое, подчас спорное или дискуссионное толкование. В завершение статьи автор высказывает свое мнение о мерах борьбы с коррупцией в виде трех самостоятельных выводов. Попытка же автора выразить свое отношение к накопленному отечественному, весьма противоречивого по своему качеству, опыту священной борьбы с коррупцией сводится к следующему: вместо решения конкретной, зафиксированной и описанной проблемы, ее пытаются переформулировать и принизить ее опасность с помощью изощренных коннотаций.

Ключевые слова: коррупция, взятки, хищение бюджетных средств, отмывание коррупционных доходов, мировые религии, апостолы, пророки, святые, пастыри, коррупционность, конфессии

The more corruption in the state, the more laws.

Publius Cornelius Tacitus (Annals, Book III)

Introduction

This article is based on the report of the author at the inter-university scientific-practical conference “Corruption as a threat to the security of the individual, society, state”, which was held December 8, 2017 by the first border military cadet corps of the Federal Security Service of the Russian Federation and where staff were invited and the teachers of the NWIM RANEPa under the President of the Russian Federation (St. Petersburg) [3]. The unusual theme of the report and the possible subsequent article was asked directly by the organizers of the last Conference.

The International Day against Corruption was proclaimed by the UN General Assembly and is now officially celebrated annually in Russia on December 9 as the date of summing up the results of the anti-corruption package. On this day in 2003, the United Nations Convention against Corruption was proposed for signature as a fundamental document that obliges the signatory countries to criminalize bribery, embezzlement of budgetary funds and laundering of corruption proceeds. According to one of the provisions of the Convention, it is necessary to return funds to the country where they came from as a result of corruption. Russia was among the first countries to sign and ratify the document in 2006. Nevertheless, Art. 20 of the UN Convention in Russia is not directly applied because of the absence of legal grounds in the form of normative acts. The level of corruption in the world for 2017 is shown in Fig. 1.

Strengthening the position of populist politicians in many countries is an alarming signal, and in 2017 it was clearly demonstrated that systemic corruption and social inequality around the world go hand in hand, leading to disenchantment with the activities of the top political leadership and creating fertile ground for the growth of the influence of these marginal and extremists from politics. A share in almost 70% of the countries out of 180 this year was made up by those states that received less than 50 points on a scale from 0 (perceived level of corruption is extremely high) to 100 (perceived level of corruption is extremely low). Such results (see the color graph of Fig. 1) clearly demonstrate the magnitude and ubiquity of corruption in the public sector everywhere in the

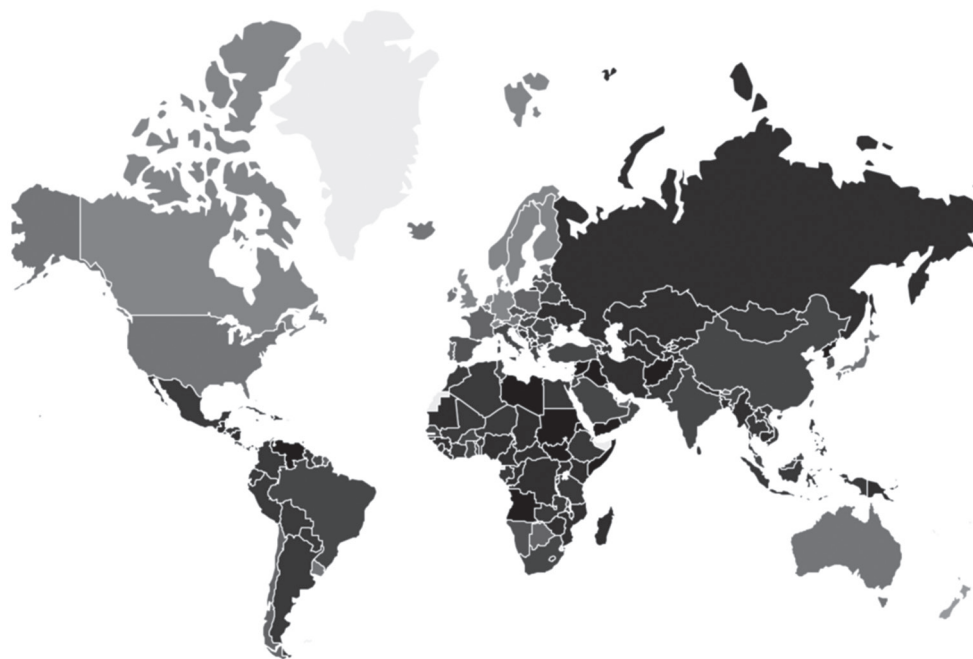

Fig. 1. Corruption Perceptions Index 2017

(the analysis of the source "Transparency International Secretariat Translation of: Corruption Perceptions Index 2017: Vicious circle of corruption and inequality must be tackled" (https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017) included surveys on 180 countries of the world)

world (except for the territory of Greenland). In the past year, the number of states whose indexes in the Index have worsened has exceeded the number of countries that have taken higher rating positions, which indicates the need to take immediate action.

Corruption is seen as a very significant factor that actually threatens the national security of the Russian Federation, and the problem of countering corruption is extremely topical and extremely important. A direct consequence of the institutionalized in our country education called "corruption" was the departure into the shadow (with shades of black and gray) of a part of the national economy operating in the "garage economy" mode and pulling up to 23.6% of the officially created of GDP in current prices.

The fight against corruption and economic crime is one of the priority activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation¹. Measures aimed at preventing, detecting, suppressing and uncovering offenses in this sphere are carried out continuously. In 2016 the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in this direction carried out a large-scale work with impressive results.

According to the information of the Main Directorate for Economic Security and Combating Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in January–October of the past year 2017, law enforcement agencies detected 25.7 thousand crimes of corruption, of which 5,300 — in a large and very large amount. More than 12,000 people who com-

¹ Normative acts: Decree of the President of the Russian Federation "On measures to counter-act corruption" of May 19, 2008, N 815; Federal Law of the Russian Federation N 273-FZ of 25. 12. 2008 "On Combating Corruption".

mitted crimes were identified, of which more than 10,000 people were prosecuted, including more than 9,000 detained by police officers. The 22.1 thousand crimes of this type were investigated. And 19.3 thousand of them were sent to court.

The economic damage from corruption is enormous. Thus, the Prosecutor General of Russia Yu. Ya. Chaika determined the total amount of damage from corruption-related crimes in Russia in 2016 at a rate of 43.8 billion rubles, which is equivalent to 10% of the total damage value for all types of crimes in the whole country. Moreover, compared to the previous year, this estimate has grown by about 3 billion rubles¹. But these estimates concern fixed facts of the economic life of the country, and they are obviously understated. Corruption penetrated all the pores of the national economy and in the regulation of market economy. L. G. Byzov sums up: "Corruption in Russia is a way of life in which neither the authorities, nor business, nor society want to live by the law" [1].

And the head of the FAS of Russia I.Yu. Artemyev sees the problem of the unfavorable state of the Russian market in the fact that "... the antimonopoly legislation, and without a criminal component, has a clear punitive and corruptive bias. Annually FAS raises more than 10 thousand cases, of which 2,600 — for abusing a dominant position and about 300 — for agreements and concerted actions. This is one or two orders of magnitude greater than in developed countries"².

Identify the problem

The concept of "corruption", as well as the phenomenon itself, is extremely complex, multidimensional, structural, comprehensive and, of course, not fully explored. The variety of manifestations of corruption in society as a systemic phenomenon is striking: many examples of economic and political corruption, domestic, and, of course, disgusting, in essence, the content of corruption morality and a corrupt worldview. All this represents a significant danger for Russian statehood [6]. From the point of view of the organization of Transparency International³, the World Bank and other international institutions, corruption is the abuse of trusted power for personal gain.

Lawyers also prefer stricter definitions, an extremely clear codification with corresponding penalties according to, for example, part of Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation "Taking bribes", "Abuse of powers" (Article 201), "Commercial bribery" (Article 204), "Legalization (laundering) of funds or other property acquired by other persons by criminal means" (part 174). In addition, despite the fact that, strictly speaking, the legal and technical fact of corruption is almost everywhere a criminal offense, the very concept includes unethical, though criminally punishable acts from the series of so-called. "Soft corruption", for example, nepotism, nepotism, greed, kronizm, clientelism [7], favoritism, manifestations of conflicts of interest, etc.

In a number of cases, it is difficult to assess the economic consequences of corruption facts for the following reasons: significant latency of the phenomenon; non-materiality / non-materiality of individual corruptional manifestations. But in some cases the consequences are more than obvious; for example, in the Middle Ages, The Popes of

¹ The general damage from corruption in Russia in 2016 [An electronic resource]. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/situation/252183-corruption-russia-2016/> (In rus)

² Skorobogaty P. FAS is authorized to forbid/"Expert", on October 28 — November 3, 2013 N 43 (873). P. 26. (In rus)

³ *Transparency International* is a non-governmental international organization for combating corruption and investigating the level of corruption around the world. It is in her index of perception of corruption (SPI 2017) in various countries for 2017 that Russia is in 135th place with 29 points out of 180 possible (Transparency International Secretariat Translation of: Corruption Perceptions Index 2017: Vicious circle of corruption and inequality must be tackled / https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2017).

Rome, since the time of Avignon (the temporary headquarters of the pontiff), were distributing higher ecclesiastical, highly profitable posts to their relatives, which did little to damage the reputation of the Catholic Church. Chronologically, the genesis of the term nepotism goes back exactly to those historical plots.

Thus, the appointment of a relative of an official who does not have the necessary professional competences and regardless of personal qualities to a highly paid public office, even in the absence of a bribe, is capable of inflicting material and moral damage to the state interests and the institution of the state / municipal service itself in connection with unprofessionalism mistakenly accepted solutions. Although the measurement of such damage is always problematic. So, a fresh plot with a sentence of 09.02.2018 to the former governor of the Sakhalin region. A. V. Horashavin as the leader of a stable organized crime group who received a severe sentence of 13 years in prison and a fine of 500 million rubles. The verdict contained among other charges brought against the former official also criminal episodes that were directly related to nepotism and nepotism.

But attempts to assess the objective opinion of businesses of different formats and sizes on the most corruptive spheres, as well as on any changes in the field of unceasing struggle against corruption and abuses, have been conducted for a long time, everywhere and with a changing intensity. The illustration of such an attempt is reflected in the table below. In the sample statistical survey and on limited business and entrepreneurship spheres, 643 companies took part, structurally related to 46.7% of small business; 47.1% to the average and 6.2% (according to the graduation in 2013) to large businesses. Of course, in the lacquered results of the study, there is some slyness in the respondents' answers, albeit anonymous, depending on the scale and capabilities of the interviewed business. Studies of this kind on the evaluation of subjective opinions among separate masses of entrepreneurs — believers and atheists, as well as respondents in confessional aspects, as far as the author of the article is known, were not conducted in Russia at all.

A somewhat different result is provided by operational polls by All-Russian Center for the Study of Public Opinion, where bribes are received most often by tax inspectors (21% of respondents), judges and other law enforcement officers (16.25%), firemen and construction inspectors (13.9%). The most widespread bribes are officials distributing state contracts (13.40%), customs officers (12.50%) and employees of legislative bodies (4.10%)¹.

In this regard, there is a curious statistics about the growth of the size of a bribe². Thus, the average amount of a bribe in the Russian Federation per capita for the period from September 1, 2014 to August 31, 2015 was 613.7 thousand rubles or \$ 9,440 and grew almost three times during this period, as insisted by the chairman of the Bar Association of Russia for human rights M. Bast. These data were presented in the Independent Annual Report of the All-Russian Anti-Corruption Public Reception "Clean Hands", which was sent to the country's leadership, State Duma deputies, as well as to law enforcement agencies. The average bribe for the year 2017 grew even more and amounted to 846.5 thousand rubles.

Specialists of this organization, based on their calculations, proceeded from the division of the total number of complaints into certain types of corruption: entrepreneurs, interaction of ordinary citizens with officials in criminal, administrative and civil proceedings for complaints about domestic corruption. The calculations used the total number of requests, the average size of bribes in individual groups according to the information received from appeals, and their percentage ratio by types of bribes.

¹ Report of Russian Public Opinion Research Centre [An electronic resource]. URL: <http://www.bkg.ru/library/articles/?ELEMENT-ID=3195>. (In rus)

² The average size of a bribe has grown in Russia during a year almost three times. Interfax, 9/3/2015; ©ПИА «News». URL: https://ria.ru/lenta/organization_Interfaks/ (In rus)

Table

The results of the St. Petersburg business community's assessment of the level of corruption and anticorruption initiatives of city authorities for 2013, %

N in order	Name structures	Absolutely not corrupt	Several corrupt	Extremely corrupt	Difficult to answer	Total
1	Governor of St. Petersburg	35	19	9	37	100
2	Government of St. Petersburg	15	35	29	21	100
3	ZakS of St. Petersburg	18	27	30	25	100
4	The Prosecutor's Office of St. Petersburg	7	29	38	26	100
5	Courts of St. Petersburg	6	35	48	11	100
6	Tax authorities of St. Petersburg	30	16	21	33	100
7	Police of St. Petersburg	3	23	55	19	100
8	Customs authorities of St. Petersburg	17	30	27	26	100
9	Business-companies of St. Petersburg with state participation	11	29	47	13	100

Source of information: anonymous surveys and questionnaires of the Regional Business Journal [2, p. 5].

According to the information of the Association, the leading positions are still occupied by complaints about corruption in the judicial authorities – their number was more than 61%. At the same time, the average size of a bribe for issuing a decision on criminal cases increased to 3 million rubles; in civil cases there is no information on changes in the value of the decisions made for the decisions, still the amount remains within 650 thousand rubles.

The second place in the number of complaints, according to the Report, is held by the internal affairs bodies — the share of appeals was 39.3%, with growth of 18.5%. Here the average size of bribes was 5 thousand rubles. There were reports of bribes for the police's refusal to institute criminal proceedings: the minimum size of which amounted to 500 thousand rubles. Significantly, the number of complaints against the prosecutor's office increased by 16.3%, the total number of complaints was 33.75%. At the same time, the overwhelming majority of complaints do not have reasonable suspicions of corruption, and the prosecutor's refusals to complaints and complaints from citizens are most often related to the fact that the issues proposed for verification and review are not within the purview of the prosecutor's office.

Significantly less often — by 4.45% — complaints began to be received against the bodies of the Investigative Committee of Russia — the number of applications was 11.2%. Appeals of citizens to corruption in the bodies of regional executive power and local self-government come from almost all regions of the Russian Federation; the total number of complaints is 12.5%, which indicates an increase over the previous reporting period, when the total number of complaints was 7.1%. In general, complaints on regional authorities concern frauds and corruption schemes in the allocation of budgetary funds, when, according to reports, funds allocated from the federal budget for regional needs do not reach the final addressee, and various mechanisms aimed at personal enrichment of regional officials. Moreover, the Investigative Committee is campaigning

to attract ordinary officials to account for corruption, the tendency has shown that the level of corruption among middle-level officials has changed — they have become more cautious, the number of corruption schemes has decreased, but they have appeared fundamentally fresh.

According to the Independent Report, at the level of domestic corruption, the economic crisis, the aggravation of international relations, the “intensification of the bureaucracy of the authorities” affected the adoption of a number of laws aimed at controlling the economy, limiting freedom of speech and the activities of civil organizations. When a corrupt person in a crisis was able to escape responsibility to society, and the society significantly reduced the mechanisms of control of state institutions, this created additional conditions for a new round of corruption spiral¹.

History of the problem

The roots of corruption go to the deep past of human civilizations, are fixed in the annals of history, and relevant references, historical facts and instructions have already been found in various reliable sources identified. The first known reading public, an unselfish fighter against corruption, appears to be the Sumerian Urukagina (also known as Urukagin), the king of Lagash, who lived and heroically battled the economic abuses of his officials back in the 24th century BC era.

Corruption was pursued, however, hopelessly Mesopotamian, Indian Maharajas, Egyptian pharaohs and Chinese emperors, which is fixed in the religious and legal literature of those times. The very word corruption is Latin, it comes from ancient Rome (*corruptio*, *corrumpere* — lat.). That is, the problem of corruption itself is the oldest and, as the UN Convention confirms, is still not fully resolved. The modern “English-Russian dictionary of general vocabulary” gives a whole gamut of synonyms, characterizing the disgusting phenomenon of corruption from all conceivable aspects: corruption, decay, decay, decay, decay, depravity, depravity². But where did so many repulsive “shades of black” accumulate?

Thus, the process of strengthening state centralization during the European Middle Ages led not only to the expansion of corruption in breadth and depth, but even promoted the renewal of the legal lexicon due to such an amazing and special term as the “tolerable norm” of corruption. Urgent recommendations to refrain from bribing judges are contained in The Talmud, The Bible, The Qur’an, in the texts of The Buddhist Tripitaka (The Dharma account) and in other surviving ancient religious texts. The open rejection of corruption motives is traced in all the Abrahamic religions (Judaism, Christianity, Islam), as well as in other world religions of revelation (Buddhism, Hinduism) — in them God reveals himself to people, communicating to them his will and prescribing to them a certain type of behavior.

Religion as a form of spiritual culture, and not only of believers, is studied through theological tools (and, for example, recently at the Department of Theology at the Moscow Institute of Physics and Technology) fundamental questions of life, being in the regime of “seeing to the root” (a very successful expression from The Bible³). That is, religion affects virtually all aspects of this life and seriously affects the sphere of human

¹ All-Russian anti-corruption public reception «Clean Hands» is a project created in 2008 within the framework of the Russian Bar Association for Human Rights. To work with complaints of corruption, a 24-hour hotline was opened. Every day specialists process up to 50 calls coming from all regions of Russia.

² *Palazhchenko P.* English-Russian dictionary of the general lexicon (Not systematic Dictionary). M.: ABBYY, 2008. (In rus)

³ Bible. Old Testament [An electronic resource]. URL: <http://duhpage.sed.lg.ua/Azy/Bible/Old/vtorozakonie.htm> (In rus)

consciousness. A society without religion (not to be confused with the national idea) or with a distorted religion (not to be confused with political doctrine) is wild, degrading, which, unfortunately, can be observed in practice everywhere. And here arises a purely legal and technical question: does the current Constitution of the Russian Federation allow the development and establishment of any ideology as state and / or mandatory?

As for the corrupt clergy representing the caste world and demonstrating class solidarity, this situation is born, as it would not seem strange, also the passivity of the believing part of the population, its unwillingness to study deeply the canons of dogmatic theology with the help of enlightened shepherds who adhere to the principles of asceticism. Since, knowing the subject thoroughly, it is much more effective to fight corruption among the clergy, which even Jesus Christ did; His preaching was directed mainly against the clergy in the person of the Pharisees, scribes (sopherim), crafty rabbis and compradors, as well as robber terrorists from Judea (2 tribes of Abraham) and Israel (10 tribes) — Zealots.

Religion is traditionally an interesting and complex subject for study. In fact, for many true believers, religion is the largest, most important theme in their life, a kind of institutional bond. And to reduce this subject to the adaptation of a couple of three-way stamps, rejecting the ambiguities of the content of a religious source, the difficulties of understanding it, and trying to get a thorough understanding of its provisions, this is at least the approach of a rather superficial person, surreptitiously professing agnosticism¹.

The truth is that if the people do not want to study religion, the rulers of the church and the clergy monopolize this sphere, beginning to come up with their own variants of interpretation “in the name of God.” In the Gospel of John, the Son of God says: “I am the Way, and the Truth and the Life” (John 14:6). According to P.A. Florensky, “Truth for a Jew, indeed, is “the right word”, “faithfulness”, “a reliable promise” [6, p. 22–23]. But understanding what and where it is written, piously checking with the examples shown in the Scriptures, you can correct the admitted abuses in the field of the dogmas of religion, improving its interpretation canvas very significantly.

By the way, I.V. Stalin, after dispersing finally in 1943 a well-pinned, fairly loyal group of “revivalists”² — a group, that included many agents of the State Security Committee of the USSR, seized the leadership of the Russian Orthodox Church (ROC), and placing a bet on “marginals” among the clergy, representing the so-called. Tikhon Church³, taking away from the church clergy privileges in the course of targeted repression, to a certain extent thereby contributed, in general, to the improvement of the domestic institution of the country’s main religion. God’s providence acted in this matter through the Leader of all peoples, with his hands. Nevertheless, in the heart of the ROC remained the most sincere, serving for the sake of a high idea, and not for the sake of money, worldly glory and quickly, quite deservedly disappearing from the memory of his human name.

¹ Agnosticism is a term introduced into the philosophical turn of TG. Huxley and G. Spencer, denoting the unknowability of the essence of things and the root causes of existence.

² In occasion of “renovators” (supporters of the “Living Church”), M.A. Bulgakov in the 7th (out of 8 surviving) re-publications of his novel “The Master and Margarita”, which the ROC has, described in chapter 18 such an interesting episode in the behavior of the barman A. F. Skokova after visiting the “bad apartment” N 50 — he goes to the temple for spiritual support and comfort. But there the “Renovationists” organized the trade with some sort of junk of non-religious content (as here we can’t recall the scene from the evangelical story of the expulsion by Jesus Christ, with a scourge of ropes, a market and money changers from the portico of the Temple of Solomon — (Bible. Old Testament. Matthew 21: 12–13, John 2: 13–16 and others), and the church services ceased, that is, the barman was “bent out of the bosom of the church,” and only after this fiasco did he go to Prof. Kuzmin for his final fatal diagnosis.

³ Dissenting opinion of Kurayev A. V. [Electronic resource]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2109446-echo/mmread/> (In rus)

In general, during the USSR, the qualification level of the clergy was very high, the priests were quite ascetic, their way of life and quality of service more in line with biblical ideals, and this was attractive to true believers, and suffering spiritual and moral healing by true faith. Here it should be correctly understood, that asceticism is a set of physical, moral exercises aimed at the liberation of the spirit. In other words, it is the way of life that meets the requirements of asceticism. And the Primate of the Russian Orthodox Church, His Holiness Patriarch Kirill (V. M. Gundyayev) clarifies: "There is no greater austerity than restraining the mind... there is no worse disease than being greedy..."¹.

In the Easter week of 2018, the Patriarch of the Russian Orthodox Church developed this idea more expansively: «Greed is a dangerous spiritual illness, when money and material values become the most important goal in life. And not so much a waste of money, as their acquisition. Man is captivated by the opportunity to gain some kind of the material power. The main goal is the acquisition of material means. A man who is a robust man can't have other ideals, because the ideal of avarice obscures other ideals and human values»².

These clarifications are all the more relevant, because almost 2 thousand years ago the Savior of the World warned in advance: "Sown in thorns means those who hear the word, but in which the cares of this century, the deceitfulness of wealth and other desires, entering them, muffle the word, and it happens without fruit" (Mark 4: 18–19). The author of this article undertook at his own risk the attempt to find in the texts of the Scriptures examples of the efforts of the Righteous to prevent corrupt practices in the time of the birth of world religions [8].

The struggle for survival for religion is quite natural. It should be like this — "You will be persecuted for my name." The first sign of an internally healthy religion is that it is practically independent of state institutions. True religion is always selflessness and free-thinking about worldly laws and rules. No king or president is superior to the truth [4]. But, of course, the interests of religion and state policy are densely and closely interwoven at all times and everywhere.

"In the government of the state, we will create confusion... We will unequivocally promote the tyranny of officials, bribe takers, and lack of principle. Bureaucratism and red tape will be elevated to virtue ... Honesty and decency will be mocked and nobody will be needed, will become a vestige of the past. Rudeness and arrogance, lies and deceit, drunkenness and drug addiction, animal fear of each other and shamelessness, betrayal, nationalism and enmity of peoples and, above all, enmity and hatred of the Russian people, all this we will skillfully and inconspicuously cultivate, all this will flourish terry color" (1948) [5, p. 16].

Such a lengthy quote, drawing terrible pictures of the coming apocalypse for Russia, — to which author, obviously with a sick imagination, could it belongs? The answer can surprise the reader: the author of the text is A. U. Dulles (1893–1969), who in the period 1942–1961 worked, and then headed the CIA of the United States, who was, by the way, a religious man who, by the way, professed Judaism and was one of the leaders of American freemasonry.

The author of the quotation cited is credited (and in recent years, this fact has been confirmed more and more often) a document such as the Dulles Plan, or the Harvard project, or the Anaconda project, or the "Committee of 300", etc. for our country. These documents, which had the status of state doctrines, contained detailed plans for planting sophisticated corrupt schemes in the USSR, and then in Russia. The plan is a mold from the "Protocols of the Meetings of the Elders of Zion", the authenticity of which is

¹ [Electronic resource] URL: <http://vita-schola.ru/duhovnye-praktiki/sila-askezy.html/> (reference date: 01/01/2018).

² More information on TASS 04/04/2018: <http://tass.ru/obshchestvo/5094710> (reference date: 04/07/2018).

universally rejected, and the document, historians for a long time considered “fake”, turned out to be quite tenacious in practice and effective in the strength of its impact.

To be continued in our next.

References

1. Byzov L. G., Semyonova T. A. Voices of Past: in 2 v. V. 2 / collection of L. G. Byzov, T. A. Semenova M. : New chronograph. 2017. (In rus)
2. Makurova T. [etc.]. The St. Petersburg business asks for control // The Regional business journal “Expert North-West” [Regional'nyi delovoi zhurnal «Ekspert Severo-Zapad»], November, 2013. P. 4–13. (In rus)
3. The program and Materials of the Interuniversity scientific and practical conference “Corruption as Threat to Security of the Personality, Society, State” Pushkin — on December 8, 2017 // Collection of scientific articles. P. 1. SPb. : Publishing house of the First boundary military school FSB of the Russian Federation, 2017. (In rus)
4. Meshcheryakov D. V. Emergence and development of corruption // Humanitarian scientific research [Gumanitarnye nauchnye issledovaniya]. 2016. N 10 [An electronic resource]. URL:/http://human.snauka.ru/2016/10/16705. (date of the address: 11/28/2017).
5. Sebov G. F. Accident final. M. : Hero, 2000. (In rus)
6. Florensky P. A. Pillar and statement of the Truth. Experience of orthodox theodicy in twelve letters. V. 1. M., 1990. P. 22–23. (In rus)
7. Kharitonova V. N. Clientelism in public service. Dissertation abstract. M., 2013. (In rus)
8. Tsatsulin A. N. Content of the leading religions as anti-corruption source // Vestnik of National Tourism Academy [Vestnik Natsional'noi akademii turizma]. 2017. N 4 (44), October-December. P. 103–106. (In rus)

About the author:

Alexander N. Tsatsulin, Professor of the Chair of Management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Sciences (Economy), Professor; vash_64@mail.ru

Литература

1. Бызов Л. Г., Семенова Т. А. Голоса прошлого: в 2 т. Т. 2 / сост. Л. Г. Бызов, Т. А. Семенова. М. : Новый хронограф. 2017.
2. Макурова Т. [и др.]. Петербургский бизнес просит контроля // Региональный деловой журнал «Эксперт Северо-Запад», ноябрь 2013. С. 4–13.
3. Программа и Материалы межвузовской научно-практической конференции «Коррупция как угроза безопасности личности, общества, государства» г. Пушкин, 8 декабря 2017 г. // Сб. науч. статей. Ч. 1. СПб. : Изд-во Первого пограничного кадетского военного корпуса ФСБ РФ, 2017.
4. Мещеряков Д. В. Возникновение и развитие коррупции // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 10 [Электронный ресурс]. URL:/http://human.snauka.ru/2016/10/ 16705. (дата обращения: 28.11.2017).
5. Себов Г. Ф. Финал катастрофы. М. : Витязь, 2000.
6. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. Т. 1. М., 1990. С. 22–23.
7. Харитонова В. Н. Клиентелизм в государственной службе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2013.
8. Цацулин А. Н. Контент ведущих религий как источник противодействия коррупции // Вестник Национальной академии туризма. 2017. № 4(44), октябрь-декабрь. С. 103–106.

Об авторе:

Цацулин Александр Николаевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ; vash_64@mail.ru

Информационное обеспечение процесса управления рекламой

Ким М. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, kim-mn@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена информационному обеспечению процесса управления рекламой. Управление рекламной деятельностью осуществляется с целью оптимизации процесса взаимодействия между ее основными участниками. В этой связи анализируются субъектно-объектные отношения между ее участниками. Информация, которая обслуживает процессы производства, распределения, обмена и потребления рекламы, рассматривается в функциональном аспекте. Информационное обеспечение рекламной деятельности предполагает наличие полной информации о внутренней и внешней среде жизнедеятельности фирмы. Только на этой основе становится возможным принятие эффективных управленческих решений.

Ключевые слова: реклама, рекламодатели, рекламопроизводители, рекламораспространители, целеполагание, планирование, внутрифирменная информация, база данных, анализ среды, анализ конкурентов, рекламные средства

Information Support of Process of Advertizing Management

Kim M. N.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation, kim-mn@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

In the article the author tells of information support of advertising management process. Management of advertising activities is carried out to optimize the process of interaction between the main participants. Therefore the author analyzes the subject-objective relationship between the participants. Information that serves the processes of production distribution, exchange and consumption of advertising is seen in functional aspect. Information support of advertising management assumes complete information about internal and external environment of firm. On this basis, it is possible to pass effective management resolutions.

Keywords: advertising, advertisers, advertisement producers, advertising distributors, goal-setting, planning, intra-corporate information, database, analysis of the environment, analysis of competitors, advertising means

На сегодня реклама представляет собой одну из развитых отраслей экономики. В данном бизнесе трудятся сотни тысяч людей, занятых производством, размещением и распространением рекламных посланий и сообщений. Работа данной системы, в которую входят рекламные агентства и бюро, рекламодатели и рекламопроизводители, рекламораспространители и представители различных средств массовой информации, нуждается не только в определенной координации действий, но и в эффективном управлении.

Управление рекламной деятельностью представляет собой сложный процесс выработки и принятия управленческих решений, связанных с успешным продвижением товаров и услуг посредством рекламы. При этом управление рекламой необхо-

димо рассматривать лишь как один из элементов системы управления маркетингом. Действительно, вне взаимосвязи с товарной, ценовой или сбытовой политикой фирмы невозможно наладить успешное управление рекламной деятельностью. Поэтому без учета особенностей управления маркетингом сложно организовать работу и в области рекламы. «Успех рекламы как элемента маркетингового набора в настоящее время обусловлен двумя обстоятельствами: целенаправленностью и систематическим характером, и также ее тесной связью с процессом планирования, разработки и производством товара, изучением спроса на него, ценообразованием, сбытом» [1, с. 47].

Как отмечает Ф. Котлер, «управление маркетингом — это анализ, планирование, претворение в жизнь и контроль за проведением мероприятий, рассчитанных на установление, укрепление и поддержание выгодных обменов с целевыми покупателями ради достижения определенных задач организации, таких, как получение прибыли, рост объема сбыта, увеличение доли рынка и т. п.» [2, с. 56]. И далее он пишет, что основная «задача управления маркетингом заключается в воздействии на уровень, время и характер спроса таким образом, чтобы это помогало организации в достижении стоящих перед ней целей» [2, с. 57]. Как видим, классик маркетинга сводит управление маркетингом к управлению спросом.

В данном определении для нас особенно важным является функциональная сторона управления маркетингом, связанная с планированием, претворением в жизнь и контролем за проведением соответствующих мероприятий. Если рекламную деятельность рассматривать именно с этой точки зрения, то и здесь без четкого планирования, организации и руководства в достижении определенных целей не обойтись. Поэтому большинство теоретиков в анализе управления рекламой в первую очередь выделяют функциональный аспект.

Среди основных функций управления, определенных еще классиком менеджмента Анри Файолем, называют следующие: 1) информационное обеспечение процесса управления; 2) целеполагание или планирование; 3) организация и руководство практической реализацией поставленных целей; 4) контроль [3, с. 123]. Управление рекламной деятельностью осуществляется с целью оптимизации процесса взаимодействия между ее основными участниками. В данном случае необходимо выделить тех, кто принимает управленческие решения, и тех, на кого эти решения направлены. Таким образом, речь идет о субъектно-объектных отношениях между участниками рекламного процесса.

Субъектами управления рекламой, как правило, выступают должностные лица фирмы, которые непосредственно определяют объекты рекламы, вырабатывают основные подходы в рекламировании выбранного объекта (имеются в виду виды рекламы, подготовка рекламных материалов и т. д.), планируют затраты на рекламу, формулируют цели и задачи рекламы с учетом целевых групп потребителей, готовят договор с рекламными агентствами о создании и размещении рекламных материалов в СМИ, утверждают эскизы, тексты, сценарии созданных рекламных средств и оригиналов продукции и др.

В числе субъектов управления, помимо руководства фирмы-рекламодателя, могут быть и ведущие сотрудники маркетинговых служб, представители рекламных агентств и служб и др. юридические и физические лица, так как им приходится на своем уровне принимать управленческие решения. Например, крупное рекламное агентство может взять под свое непосредственное руководство все, что связано с организацией маркетингового исследования, с производством рекламных средств, с разработкой творческих идей, организацией выставок-продаж, презентаций и т. п. Данными вопросами в рекламном агентстве занимаются руководители отдельных рекламных служб, сотрудники рекламных подразделений, т. е. те люди, которые принимают и реализуют решения в области рекламы.

Руководители отделов рекламы разделяются на две группы: «системщики», стремящиеся выстроить систему рекламы, которая бы работала в любых ситуациях жизненного цикла организации; «ситуационщики» — руководители, ориентирующие на конкретную ситуацию» [4, с. 116]. Но это, конечно, не значит, что между так называемыми «системщиками» и «ситуационщиками» нет взаимодействия. Просто в реальности, кто-то призван заниматься стратегическими вопросами, а кто-то тактическими.

Объект управления в рекламной деятельности определяется «сферой приложения активности субъекта, т. е. это явления, сущности, законы и случайности, а также экономика рекламы, коммерческое дело, рекламный процесс» [4, с. 116]. Если говорить более конкретно, то в качестве объекта управления выступают те юридические и физические лица, на кого направлены управленческие решения с целью достижения определенных целей. Среди них могут быть потребители товаров или услуг, оптовые и розничные продавцы, торговые посредники, акционеры и т. п.

Отметим, что взаимодействие между участниками рекламного процесса имеет, как правило, односторонний характер. Субъекты рекламного управления выступают в качестве коммуникатора. Именно они вырабатывают не только коммуникативную стратегию в целом, но и определяют комплекс рекламных мероприятий, с помощью которых стремятся воздействовать на объекты управления. Но для того, чтобы достичь определенной эффективности в подобного рода взаимодействии, субъектам рекламного управления необходимо решить ряд управленческих задач.

Для принятия эффективных управленческих решений в сфере планирования рекламы необходима объективная, максимально полная и репрезентативная информация как о внутренней, так и о внешней среде жизнедеятельности фирмы.

Информация, которая обслуживает процессы производства, распределения, обмена и потребления рекламы и обеспечивает решение задач организационно-экономического управления рекламной детальности и ее звенья, называется управленческой [4, с. 132]. По мнению В. А. Полякова и А. А. Романова, «подсистема информационного обеспечения рекламной деятельности является структурной составляющей системы маркетинговой информации фирмы. Основные требования к организации информационного обеспечения рекламы заключаются в полноте, достоверности и объективности информации, ее разумной достаточности для принятия эффективных управленческих решений, а также ее систематизации с целью удобства поиска и использования отдельных данных» [4, с. 132].

Именно с этой целью собирается, систематизируется и обобщается маркетинговая информация для того, чтобы на ее основе адекватно оценить и проанализировать сложившуюся ситуацию на том или ином сегменте рынка; выявить слабые и сильные стороны конкурентов; выяснить отношение потребителей к фирме или товару; определить уровень спроса на выводимый на рынок продукт; исследовать новые сегменты рынка и т. п. Например, при анализе конъюнктуры рынка рассматриваются такие показатели, как соотношение между спросом и предложением, движение цен и товарных запасов, каналы распределения и товародвижение и т. п. Сбор и анализ маркетинговой информации необходим для того, чтобы выявить различные тенденции в развитии того или иного сегмента экономики, определить приоритетные направления в развитии частного бизнеса, наконец, сформировать прогнозы.

Всю маркетинговую информацию, как правило, условно делят на следующие виды: внутрифирменная информация; вторичная информация; первичная информация, для получения которой требуется провести специальное исследование.

Внутрифирменная информация, иначе называемая иногда системой внутренней отчетности, объединяет, по мнению Е. В. Ромата, информацию, источником которой является сама фирма, ее подразделения и сотрудники. Сюда, отмечает исследователь, относятся вся бухгалтерско-финансовая отчетность; данные о показателях текущего сбыта, объемах затрат и получаемых доходах сведения о движении денежной наличности и средств на различных счетах; показатели объемов товарных запасов; уровни цен фирмы и т. д. Как правило, данная информация носит оперативный характер и используется в качестве основы для принятия управленческих решений тактического плана [3, с. 125].

К вторичным данным относят статистическую информацию, которая уже когда-то использовалась. Как правило, это данные предыдущих исследований. Здесь могут быть представлены отчеты фирмы о прибылях и убытках, балансовые отчеты, счета-фактуры, учетные ведомости товарно-материальных ценностей, статистические обзоры, содержащие обобщенные данные о демографических, экономических, социальных и прочих аспектах экономики, показатели общего и среднего уровня доходов, жилищного хозяйства, банковских вкладов, розничного товарооборота, коммерческая информация, сведения о предпочтениях публики к тем или иным товарам и т. п.

На основе вторичной информации может быть подготовлена база данных, т. е. совокупность специальным образом структурированных и взаимосвязанных данных, относящихся к определенной предметной области или прикладной задаче, предназначенная для хранения и выдачи пользователям по их запросам. В базе данных В. А. Поляков и А. А. Романов советуют различать четыре основные категории данных:

- 1) основные данные — это адреса покупателей, а также так называемые постоянные данные о покупателях, которые не зависят от предлагаемого формой товара и потребительских предпочтений покупателя;
- 2) данные об акциях, которые содержат информацию о мероприятиях, направленных на привлечение клиентов и адресованных соответствующей аудитории;
- 3) данные об ответе — содержат окончательную информацию о реакции целевой аудитории (например, заказы, запросы);
- 4) данные о потенциальных возможностях, которые ориентированы на будущее и содержат информацию, определяющую возможный спрос на определенную продукцию в определенный момент времени в будущем. Эти данные дают фирме основания прогнозировать ценность покупателей [4, с. 133].

Обращение к подобного рода информации позволяет и исследователям, и рекламистам дать сопоставительный анализ рассматриваемого ими вопроса. С помощью вторичных данных они могут проследить динамику роста цен, спроса на те или иные товары, создать целостную картину, описать сложившуюся на рынке ситуацию. Вся эта информация, безусловно, влияет на более углубленный взгляд на проблему.

Но не всегда, как выясняется на практике, с помощью вторичных данных можно обрисовать экономическую ситуацию, складывающуюся на рынке. Для этих целей предпринимается сбор первичных данных для прояснения той или иной проблемы.

Материалы, основанные на первичных данных, имеют четко заданную структуру. Во-первых, маркетологи знакомят рекламистов с целями и задачами исследования, описывают выборку и методику исследования — все это нужно для того, чтобы не только ввести рекламистов в проблему, но и продемонстрировать им репрезентативность данных. Во-вторых, в структуре подобного рода материалов значительное место занимает анализ полученных результатов. Данная часть наиболее сложная, так как требует от исследователей не только пред-

ставления количественных и качественных характеристик изученного объекта, но и показа наметившихся тенденций и закономерностей. В-третьих, в заключительной части маркетингового продукта, как правило, даются выводы и практические рекомендации в проведении рекламной кампании. Только в этом случае на основе проведенного исследования становится возможным принятие определенных управленческих решений.

Полезность подобного рода материалов видится нам в том, что они: дают четкую картину положения дел на том или ином сегменте рынка; помогают производителям и рекламистам ориентироваться в быстроменяющейся экономической ситуации; помогают руководителям организаций в принятии управленческих решений; позволяют спрогнозировать положение дел после реализации тех или иных маркетинговых мероприятий.

Обратившись к маркетинговым продуктам, рекламисты могут: определить круг реальных и потенциальных потребителей; провести сегментацию реальных и потенциальных потребителей по различным параметрам (платежеспособности, типам потенциальных потребителей); узнать о потенциале рынка; узнать о различных прогнозах в краткосрочной и долгосрочной перспективе; узнать об особенностях покупательского поведения потенциальных потребителей; узнать о прогнозных оценках экспертов о предполагаемых объемах сбыта, о складывающихся конкурентных отношениях в том или ином сегменте рынка, о маркетинговой стратегии той или иной фирмы на рынке;

Таким образом, маркетинговый продукт, являясь итогом исследовательской работы по выяснению той или иной рыночной ситуации, активно может использоваться руководителями и менеджерами различных рангов и уровней в принятии управленческих решений. В этом его практическая значимость.

Следующий этап работы связан с планированием рекламной деятельности. Профессионалы отмечают, что хорошо организованная реклама — это уже половина успеха. Что дает план? Во-первых, с помощью плана можно определить приоритетные направления деятельности фирмы на постоянно изменяющемся рынке. Во-вторых, сконцентрировать все рекламные усилия на главном направлении. В-третьих, четко увязать рекламную деятельность с товарной, сбытовой и ценовой стратегией фирмы. В-четвертых, с помощью подобного рода действий легче осуществлять контроль не только за сроками проведения того или иного рекламного мероприятия, но и за расходом рекламного бюджета.

При определении наиболее приоритетных направлений деятельности фирмы очень важно четко и ясно сформулировать основные цели и задачи фирмы. Это только на первый взгляд кажется, что сделать это легко и просто. Ведь цели могут быть краткосрочными, рассчитанными на немедленный эффект; среднесрочными, не предполагающими долгой (более года) отсрочки результата; долгосрочными, рассчитанными не на сиюминутный, а на будущий результат. При этом любую цель мы будем трактовать не только как некое предвосхищение будущих действий, но и как зримую ориентацию на достижение определенного результата.

В принципе цель — это и есть предвосхищенный в сознании человека результат. В данном случае, исходя из реальной ситуации, важно не только сформулировать цель, но и показать способы ее достижения посредством определенных средств. Таким образом, цель в плане выступает в качестве главного ориентира всей рекламной деятельности.

После определения целей рекламной деятельности следует на их основе наметить основные пути их достижения. При этом данный выбор зависит от многочисленных факторов, влияющих на жизнедеятельность фирмы. Изучение этих факторов приводит к ситуационному анализу, который, по мнению Е. В. Ромата, ведется по следующим направлениям: анализ внешней среды фирмы, изучение ее

основных факторов, опасностей и возможностей; анализ внутренней среды фирмы, изучение сильных и слабых сторон ее деятельности; анализ стратегических альтернатив дальнейшего функционирования фирмы [2, 140]. Анализ ситуации — это всегда выявление и анализ проблемных зон, с которыми может столкнуться фирма в процессе рекламной деятельности.

При анализе рынка важно обратить внимание на состав покупателей, на уровень их осведомленности о товаре, о его свойствах и качественных характеристиках; об изменении сегментации рынка, приводящих к возникновению потребности в более специализированных товарах. При анализе конкурентов надо отслеживать все изменения, происходящие в конкурентной среде, оценивать рекламную политику конкурентов, долю рынка, занимаемую конкурентами.

Анализ товара предполагает ответы на вопросы: кто изготовитель, является ли товар единственным или одним из ряда ему подобных, известен ли товар или он впервые появляется на рынке, товар сезонный или может быть использован круглый год, какой должна быть рекламная поддержка, что должно являться основным в рекламном обращении — сам товар или качество и т. д. При анализе рекламных средств наиболее важным является ответ на вопрос об эффективности того или иного средства распространения рекламы. Среди них мы можем выделить: газетную и журнальную рекламу; печатную (листовку, вкладыш, вкладной лист, буклет, проспект, каталог, плакат); наружную (надписи на автомашинах, рекламные щиты, транспаранты, афиши) и т. д. Анализ коммуникационной политики предполагает оценку эффективности рекламных мероприятий по стимулированию сбыта, обзор рекламных стратегий, характер обратной связи и мн. др.

Таким образом, анализ такого рода позволит лучше ориентироваться в сложившейся ситуации, более четко наметить приоритеты, наконец, более детально разработать программу будущих рекламных действий. После определения целей и анализа ситуации руководителям предприятия необходимо выделить те товары или услуги, продвижение которых полностью зависит от рекламы. Далее им необходимо решить, какие средства массовой информации будут для этого задействованы, и определить сроки размещения в них рекламы. С этой целью создается специальный медиаплан.

Процесс медиапланирования включает в себя следующие моменты: выбор медиасредства определяется исходя из его ориентации на ту или иную целевую аудиторию; выяснение стоимости пространства и времени при размещении рекламы в СМИ позволит в дальнейшем составить бюджет рекламы; выявление конкурирующей рекламы, которая может заглушить «голос» рекламируемого товара и т. д.

Цели медиапланирования можно определить, если ответить на следующие вопросы: на охват какой целевой аудитории рассчитывает фирма; на какую территорию нацелено то ли иное медиасредство; какой предполагается длительность рекламной кампании; на какие рекламные площади или рекламное эфирное время могут рассчитывать рекламисты и т. п. Далее проводится определение целевой аудитории. Это, прежде всего, выявление значимых для фирмы клиентов, а также «обрисовка» их социального портрета.

Отметим, что в реальности рекламодатели, как правило, имеют дело с очень разнородными типами аудиторий. Например, можно говорить о совокупной аудитории СМИ, об аудитории каналов информации, об аудитории различных типов изданий, об аудитории конкретных СМИ, о потенциальной и реальной аудитории, о сельской и городской аудитории и т. д. Разнообразие типов аудиторий, информационных потребностей и интересов людей, появление и развитие новых средств массовой информации вызывает необходимость отдельного изучения рынка СМИ и оценки эффективности каналов массмедиа. Знание аудитории позволяет опре-

делить стратегию и тактику рекламной деятельности фирмы, более четко нацелить рекламную кампанию на удовлетворение потребности людей с учетом их торговых ожиданий и интересов, обеспечить спрос на выпускаемую фирмой продукцию.

При медиапланировании очень важен учет количественных и качественных характеристик аудитории СМИ. К первым отнесем: объем аудитории; место СМИ в бюджете времени; социодемографическая, профессиональная, этническая и т. п. структуры. К качественным относятся психологические признаки аудитории, мировоззрение, социокультурные особенности. При этом важно выявить влияние различных факторов на характеристики аудитории, ее специализацию и дифференциацию. На основе полученных данных об аудитории того или иного канала СМИ вырабатывается стратегия ее охвата.

Далее в медиапланировании определяется медиасредство, т. е. наиболее эффективный канал доставки рекламной информации до потребителя. Во многих случаях фирмы идут по пути комбинирования и сочетания разных каналов СМИ. Данный метод называется медиамикс. Современные СМИ представляют собой систему производства и распространения массовой информации по различным каналам: периодическая печать, радио, телевидение, компьютерные сети. Сегодня наряду с традиционными каналами распространения информации (изданиями, теле- и радиопрограммами) возникают сетевые каналы распространения информации, которые расширяют сложившиеся представления о типах СМИ.

При проведении рекламных кампаний организаторам необходимо быть уверенными в том, что информация, распространяемая ими, достигнет именно тех, для кого она предназначена. На какие параметры необходимо ориентироваться, чтобы осуществить правильный выбор канала СМИ? Прежде всего надо ориентироваться на выявленный в ходе исследования коэффициент эффективности воздействия того или иного канала распространения массовой информации на население выбранного территориального объекта. Коэффициент эффективности складывается из ответов на следующие вопросы: насколько быстро можно разместить ту или иную информацию на том или ином канале СМИ; какой (какие) каналы СМИ донесет рекламную информацию до максимального количества населения; насколько велик уровень восприятия информации (какие элементы текста (изображения) запомнились).

Следующим этапом медиапланирования является определение продолжительности рекламирования товара или услуги, а также выбор оптимального времени. Вопрос о продолжительности рекламной кампании полностью зависит от следующих факторов: от объема рекламного бюджета, от цикла потребления продукта и стратегии конкурентов. Если объем рекламного бюджета невелик, то лучше всего рекламную кампанию не «размазывать» на большой промежуток времени, а сконцентрировать в определенный период времени. В зависимости от протяженности циклов потребления (имеется в виду промежуток времени между первой и повторной покупкой) определяется интенсивность размещения рекламы.

Например, для таких товаров, как моющие средства, рекламное воздействие должно быть непрерывным, а для товаров сезонного спроса (например, зимняя и летняя обувь) — зависеть от времени года и т. п. Учет конкурирующей рекламы имеет не менее важное значение, так как от этого во многом зависит график интенсивности размещения рекламы. Нецелесообразно начинать рекламную кампанию в тот период, когда конкурирующая реклама имеет наибольшую интенсивность и силу воздействия на потребителей.

Выбор оптимального времени рекламирования товара необходимо соотносить с двумя состояниями людей. В первом случае необходимо выяснить, в какое время потенциальные потребители могут войти в состояние поиска товара, а во втором — в какое время суток, месяца, года они предпочитают делать те или иные

покупки. Именно исходя из этого идеального времени необходимо рекламировать товар.

Планирование рекламного бюджета предполагает определение общего количества выделяемых на цели рекламы денежных средств, т. е. постатейное указание того, каким образом и в каком объеме они будут использованы. Отметим, что разработка бюджета способствует более точному планированию рекламных мероприятий, а также способствует наиболее выгодному распределению финансовых ресурсов.

Рекламный бюджет — главный инструмент в управлении всем процессом рекламы. На основе рекламного бюджета принимаются решения, связанные, с одной стороны, с определением общего количества средств, выделяемых на рекламу, а с другой — с использованием этих средств по конкретным направлениям. В рекламе определение суммы затрат на рекламу основывается на анализе множества факторов. К ним можно отнести:

1. Объем и размер рынка (в данном случае объем бюджета определяется в зависимости от того, какое количество людей необходимо охватить. Вывод товара на общенациональный рынок, естественно, обойдется дороже, чем на местный).
2. Этапы жизненного цикла товара (формирование осведомленности о новом товаре потребует больших финансовых затрат, нежели стимулирование сбыта уже «раскрученного» товарного предложения).
3. Дифференциация товара (объем рекламы будет больше, если различия между однородными товарами очень незначительны. И наоборот. Товар, обладающий уникальными характеристиками, будет меньше нуждаться в рекламировании);
4. Размер прибыли и объем сбыта (чем выше сбыт, тем больше прибыль, а значит, больше следует тратить на рекламу).
5. Затраты конкурентов (уровень затрат конкурентов не следует рассматривать в качестве единственного определяющего фактора, но и не учитывать этого момента нельзя, так как конкурентная борьба за внимание потребителей соотносима с долей рынка).
6. Финансовые ресурсы фирмы (всегда зависят от фондов финансирования).

Таким образом, успешное управление рекламной деятельностью представляет комплекс мероприятий, связанных с планированием, претворением в жизнь и контролем за проведением соответствующих мероприятий, связанных с достижением рекламных целей и оптимизацией процесса взаимодействия между ее основными участниками. С функциональной точки зрения в управлении рекламными процессами особое значение имеет информационное обеспечение рекламной деятельности, которое играет значимую роль в принятии эффективных управленческих решений. На основе собранных первичных и вторичных данных становится возможным не только создание базы данных, но и планирование и анализ дальнейших мероприятий.

Литература

1. Панкратов Ф. Г., Баженов Ю. К., Шахуриин В. Г. Основы рекламы. 14-е изд. М., 2012.
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1992.
3. Ромат Е. Реклама в системе маркетинга. Харьков, 1995.
4. Поляков В. А., Романов А. А. Рекламный менеджмент. М., 2012.

Об авторе:

Ким Максим Николаевич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук, kim-mn@sziu.ranepa.ru

References

1. Pankratov F.G., Bazhenov Yu.K., Shakhuriin V.G. Advertising bases. 14th ed., M., 2012. (In rus)
2. Ph. Kotler. Marketing essentials. M., 1992. (In rus)
3. Romat E. Advertising in the system of marketing. Kharkov, 1995. (In rus)
4. Polyakov V.A., Romanov A.A. Advertising management. M., 2012. (In rus)

About the author:

Maksim N. Kim, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), kim-mn@szu.ranepa.ru

Влияние научно-технического прогресса на трансформацию ресурсов власти и общества*

Попов Д. Г.^{1*}, Фокина В. В.¹

¹Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

*klacik_p2@list.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена ресурсам власти и общества, их основным видам и ограничениям по их использованию. Авторы рассматривают приоритет и принципы использования разных видов ресурсов в зависимости от этапа научно-технического прогресса, типа общества, уровня развития институтов гражданского общества и общественного контроля, демократичности политического режима. Отмечается, что в условиях перехода к постинформационному (коммуникационному или сетевому) обществу первостепенное значение приобретают нематериальные ресурсы власти и общества. Особое внимание уделяется коммуникационно-технологическим ресурсам власти и общества. Исследуются разные подходы к пониманию сетевых ресурсов, отмечается, что это — не только средства интернет-коммуникации, и они не являются атрибутом исключительно современного общества.

Ключевые слова: ресурсы власти и общества, постинформационное (коммуникационное или сетевое) общество, коммуникационно-технологические ресурсы, сетевые ресурсы

The Influence of Scientific and Technical Progress on the Transformation of Power and Society Resources

Popov D. G.^{a*}, Fokina V. V.^a

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

*klacik_p2@list.ru

ABSTRACT

The article is devoted to resources of the power and society, their main types and limits on their use. The authors consider the priority and the principles of use of different types resources depending on a stage of scientific and technical progress, a type of society, the level of development of civil society and public control institutes, the character of a political regime. It is noted that in the conditions of transition to post-information (communication) society the main value is gained by non-material resources of the power and society. Special attention is paid to communication and technological resources of the power and society. The authors investigate also different approaches to understanding of network resources, it is noted that they are not only the means of Internet communication and they are not the attribute of exclusively modern society.

Keywords: resources of the power and society, post-information (communication) society, communication and technological resources, network resources

Фактор ресурсов имеет определяющее значение при постановке целей и задач политических партий и движений, функционировании политических режимов и оценке эффективности деятельности власти в целом. Еще более определяющее значение фактор ресурсов играет при осуществлении внешней и внутренней политики, преодолении политических кризисов и получении односторонних преимуществ при взаимодействии сторон в политических конфликтах. При этом в начале XXI в. все

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-0300799.

большее значение придается нематериальным ресурсам и ресурсам, созданным информационной революцией конца XX в., а также повышению роли общественных групп и негосударственных институтов. Классические формулировки, основанные на экономических, социальных, демографических, территориальных аспектах власти, воспроизводятся уже с учетом роли технологий, информации, желаемых образов будущего. В этой связи мы постараемся проанализировать ключевые аспекты категории «ресурсы власти» и особое внимание уделим сетевому подходу.

Важно отметить, что на современном этапе воспроизводства власти существуют две основные модели властных отношений. Первая из них основана на концепте господства — подчинения, вторая говорит о важности двухсторонней коммуникации и диалога. Авторы исходят из гипотезы, что если в исторический период власть оказывала преимущественное влияние на общество, то теперь в современных западных демократиях общественные группы получили ресурсы и инструменты для влияния на институты власти [8, с. 40–47]. Это позволило современным высокоразвитым государствам с соревновательными политическими режимами создать высокоэффективные сети, позволяющие достигать синергетического эффекта и повышать эффективность общей деятельности.

Ресурсы власти являют собой материальные и нематериальные средства, используемые институтами власти и лицами, облеченными властью, в целях реализации своей воли. В зависимости от того, является ли эта воля направленной на достижение собственных интересов или общественных благ, развиты ли институты гражданского общества и общественный контроль, на какой стадии развития находится общество, в целом, существуют разные принципы использования этих ресурсов, а также приоритет и значимость разных ресурсов. Так, например, Роберт Даль отмечал, что политические ресурсы имеют определяющее значение для внутрисполитического взаимодействия. Среди ключевых ресурсов он отмечал силовые методы принуждения, убеждения и поощрения и несиловые методы принуждения, убеждения и поощрения (социально-экономические санкции) в форме контроля над экономическими ресурсами, информационными процессами, образованием и политической социализацией [4, с. 59–60].

Во внешнеполитической сфере и геополитике ресурсы государственных и негосударственных субъектов международных отношений и мировой политики выступают как основа достижения ими поставленных целей, национальных и корпоративных интересов, конкурентных преимуществ. Говоря о государстве, обычно выделяют социальные, экономические, политические, административно-правовые, географические (геополитические) и информационные ресурсы. Ресурсы могут носить как глобальный характер, так и обладать национальной, региональной и локальной спецификой. Сетевая модель общества, перенесенная на глобальный уровень, позволяет говорить о возможности применения сетевого подхода к международному взаимодействию, что позволяет выдвинуть гипотезу как о наличии сетевых конфликтов, так и о наличии сетевой дипломатии.

Классические виды власти, в том числе и в рамках институциональных форм семьи и государства, традиционно опирались на принуждение, насилие, убеждение, право, традиции, страх и мифы. Усложнение форм социального взаимодействия усложнило подход к ресурсному фактору, а переход к новым моделям взаимодействия на основе информационной революции поставил вопрос о необходимости изменения подходов к ресурсному фактору. Политическая власть опирается на ресурсы, определяется ими, контролирует их и определяет характер распределения. Правящие элиты и общественно-политические группы не могут оказывать воздействие на институты, группы и индивидов, не имея ресурсов. Наличие или отсутствие ресурсов, потенциальная возможность доступа к ресурсам во многом определяют политические конфликты современности.

Ресурсы власти представляют собой важнейший фактор, способный оказывать влияние на политическую ситуацию внутри и за пределами страны, обеспечивать сменяемость или самовоспроизводство правящей элиты, способствовать (или препятствовать) научно-техническому и общественному прогрессу и политической модернизации и т. п. В то же время социальные ресурсы выступают как ключевой фактор, регламентирующий предел использования ресурсов власти и обеспечивающий контроль за элитами. По сфере возникновения ресурсы можно классифицировать на следующие группы:

- **персонифицированные ресурсы власти:** личностные; командные; кадровые;
- **инструменталистские ресурсы власти:** организационные; административные; финансовые; материально-технические;
- **аксиологические ресурсы власти:** концептуально-идеологические; ресурсы социальной поддержки; коммуникационно-технологические.

Прежде чем рассмотреть сущность данных ресурсов, отметим, что общество, из всего представленного, располагает для легального влияния на власть ресурсами социальной поддержки и коммуникационно-технологическими ресурсами. Вместе с тем этого может оказаться достаточно для формирования общественного мнения, способного не только контролировать и ограничивать ресурсы власти, но также выступать инициатором политических решений и действий. Сразу оговоримся: если члены общества на любом этапе его развития объединяются в группу и пытаются использовать другие виды ресурсов (например, командные, организационные и др.), они тем самым отделяют себя от общества и претендуют на статус контрэлиты и, если смогут, правящей элиты.

Теперь рассмотрим сущность, а также проблемы, связанные с управлением ресурсами власти и накладываемыми ограничениями на их использование.

Персонифицированные ресурсы власти основаны на использовании физических и поведенческих факторов, определяющих выбор населения среди политических лидеров и партий.

Личностные ресурсы: моральные качества лидера, степень известности и уровень авторитета в обществе, общественно значимые достижения политика, привлекательность биографии, физические данные лидера, умение нравиться, опыт и профессионализм, умение выступать публично, ораторские способности, организационные способности, признание политика общественностью, способность соответствовать ожиданиям, самостоятельность при принятии решений и др. Эти качества полностью или частично позволяют сформировать позитивный имидж политика.

Учитывая высокий профессионализм современных специалистов-консультантов, с легкостью управляющих изменением образа лидера под запросы аудитории и любые имиджевые характеристики (ограничения могут быть наложены только убеждениями самих заказчиков имиджа), начиная от внешних данных и заканчивая искусством публичных выступлений, ограничения могут быть связаны скорее с бэкграундом политиков, возможно, ранее не планировавших идти в политику.

Командные ресурсы — наличие у группы контролируемой и эффективной структуры, способной оказывать влияние на элиту и население, грамотный подбор кадров, в основе которого лежит сочетание разных систем политического рекрутирования. Целью выступает сочетание личной преданности лидеру (что обеспечивает слаженность работы и отсутствие конкуренции внутри команды) с высокими профессиональными качествами других членов группы, что обеспечивает эффективность управленческих решений.

Привлекательность поведения членов команды, особенно публичных, так же важна, как и поведение политического лидера в глазах населения, при этом одним из свидетельств легитимности власти является ситуация, когда правящую элиту рассматривают как референтную группу. В качестве ограничений при использова-

нии данного вида ресурсов можно выделить: проблемы в сочетаемости профессиональных и командных качеств; проблемы, связанные с поведением одного из членов команды, приводят к негативному мнению обо всех членах группы.

Кадровые ресурсы — публичная или скрытая поддержка группы со стороны видных политических деятелей, представителей бизнеса, политических консультантов и экспертов, лидеров мнений, а также известных и авторитетных лиц, способных своим именем привлечь внимание и общественное одобрение. Проблемы связаны с определением круга таких лиц, их заинтересованностью в поддержке текущей политики или политика, позитивным восприятием этих лиц целевой аудиторией и т. п.

Инструменталистские ресурсы власти связаны с возможностью использования определенных средств для достижения политических целей.

Организационные ресурсы — поддержка со стороны политических, общественных, коммерческих и других организаций; возможность результативного привлечения человеческих, финансовых, материально-технических, научно-культурных и иных ресурсов для реализации своих управленческих задач. Возможные ограничения — отсутствие ресурсов для привлечения, отсутствие организационных навыков и способностей.

Административные ресурсы, в том числе административно-регламентирующие и административно-силовые, — право на расстановку своих кадров на властные посты в государстве и, как следствие, поддержка со стороны властей разных уровней (федеральных, региональных, местных), включая административное и силовое воздействие на субъектов общественно-политических отношений, право на первоочередной доступ к информации, право на цензуру и контроль за информационными потоками (не только государственных, но также общественных и частных СМИ) [10, с. 61–65]. Главное ограничение связано с нелегальностью использования многих видов административных ресурсов, что может угрожать демократическим институтам и принципу соревновательности элит.

Финансовые ресурсы — право распоряжаться денежными средствами, поступающими в результате налоговых отчислений, государственных займов, международных кредитов и инвестиций; а также способность к привлечению денежных средств хозяйствующих субъектов для реализации совместных проектов и т. п. Ограничения связаны с дефицитом бюджета и необходимостью выбора приоритетных статей финансирования.

Материально-технические ресурсы — право распоряжаться зданиями, помещениями, транспортом, средствами связи и т. п., находящими во владении государства. Ограничения обусловлены, в ряде случаев, значительными тратами на обслуживание, нерациональным использованием, амортизацией и устареванием, в ряде случаев — запретами властей иностранных государств на использование и т. п.

Аксиологические ресурсы власти формируют символический капитал, на основе которого обеспечивается готовность граждан и общественно-политических групп признавать решения и действия властей.

Концептуально-идеологические ресурсы включают в себя: ясность политических идей, наличие уникального или актуального политического или социального предложения, соответствие основных идей, продвигаемых властями, ожиданиям населения и элит, наличие понятных обществу идеологических символов, включая так называемую «символическую» идентификацию.

В качестве ограничений, связанных с использованием данного вида ресурсов, можно назвать вторичность политического или социального предложения, распыление сегмента электората со схожими ценностными ориентациями между двумя и более партиями, политиками; несоответствие основных идей, выдвигаемых властью, ожиданиям населения и общественно-политических групп; непонятность идей власти, политических решений и требований обществу в целом и т. п.

Ресурсы социальной поддержки представляют собой способность к мобилизации человеческих ресурсов в поддержку общественно-политических инициатив, поддержку действий властей другими субъектами политического процесса в отношении осуществляемой политики и политического курса и т. п.

Основанием для формирования данного вида ресурсов выступает умение власти формировать общую социокультурную и политико-культурную систему ценностей в сознании и поведении граждан государства, которая будет идентифицировать и объединять членов общества на основе общего образа жизни, форм общения, совместной деятельности, видения будущего, общих представлений, верований и мечтаний в разных областях. Ограничивает использование данного вида ресурсов отсутствие культурной идентичности у населения и, как следствие, невозможность предложить единую для всех национальную идею для собирания разрозненных групп.

Особое место в эпоху постинформационного или коммуникационного общества занимают коммуникационно-технологические ресурсы, активно используемые институтами власти, политическими партиями, общественно-политическими группами, а также многочисленными индивидуальными пользователями в статусе создателей и потребителей информационного контента. Можно выявить следующие тенденции, связанные с возрастанием роли коммуникационно-технологических ресурсов:

1. На коммуникационные ресурсы завязаны напрямую такие ресурсы, как: организационные, командные, кадровые, личностные, концептуально-идеологические и ресурсы социальной поддержки, а также, косвенно, все остальные.
2. В демократическом обществе свести на нет усилия своего конкурента или дискредитировать его возможно, по правилам цивилизованной борьбы, только посредством коммуникационных ресурсов.
3. Невозможность полного контроля над коммуникационными ресурсами со стороны правящих элит, что позволяет их использовать оппозиционным политическим силам и общественным организациям.
4. Коммуникационные ресурсы приходится реализовывать в условиях публичности и открытости, что обуславливает апелляцию сторон к социальным группам, группам интересов и в целом к общественности. Кроме того, привлечение повышенного внимания к решаемым проблемам придает субъектам политических отношений дополнительную значимость при условии благоприятного разрешения конфликтов и кризисов, либо способствует уменьшению политического капитала власти при условии поражения в информационной кампании.

Вместе с тем появляются и новые задачи и возможности, открываемые научно-техническим прогрессом и новыми социальными и конвергентными технологиями. Это обуславливает ситуацию, когда сведение коммуникационных процессов к информационно-коммуникативным не вполне оправдано, в данной связи становится актуальным более сфокусированное наименование такого рода ресурсов, завязанных на технологии пропаганды, имиджологии и PR, а именно использование термина «коммуникационно-технологические ресурсы».

Коммуникационно-технологические ресурсы обеспечивают способность вести эффективную деятельность по идеологическому и имиджевому PR-сопровождению деятельности политических субъектов в новой социотехнической реальности. Можно выделить внешние и внутренние коммуникационно-технологические ресурсы.

Внешние ресурсы: создание журналистского пула и установление связей со СМИ, главными редакторами и отдельными журналистами; формирование благожелательного отношения независимых СМИ к власти. Внутренние ресурсы: контроль над государственными СМИ; создание собственных сетевых ресурсов (ведение собственных аккаунтов, блогов, твитов и т. п.). Благодаря этому реализуются такие задачи, как: обеспечивается привлекательность публикуемых материалов о деятель-

ности власти в глазах целевых аудиторий (электората, СМИ, бизнес-сообщества, политических союзников — реальных и потенциальных); формируется привлекательный образ власти посредством телевизионных и радиопередач и сюжетов; поддерживается диалог власти и общества «без посредников» посредством сетевых ресурсов; достигается принятие и признание предлагаемых и реализуемых властью социальных, политических и экономических программ и др.

Наряду с традиционными каналами пропаганды и PR, в настоящее время активно формируется такой вид PR, как Интернет-PR (или e-PR), в рамках которого выделяют следующие методы продвижения в сети Интернет: Web-PR, Net-PR, Online-PR. Такого рода технологии позволяют формировать общественное мнение, непосредственно осуществляя функцию обратной связи и оперативно реагируя на новые вызовы и запросы аудитории. Итак, как внешние, так и внутренние коммуникационно-технологические ресурсы включают информационные (СМИ) и сетевые ресурсы — Интернет, социальные сети, электронные базы данных и поисковики.

По мнению Жана-Мари Гуэнно, основой политической силы и успеха становится уже не полный контроль над территорией, а участие в «сетях» — международных экономических, финансовых, научных или технологических [1, с. 224–225]. Этим не исчерпывается перечень сетей. Можно также говорить об образовательных, культурных, экспертных сетях и т. д. Сеть состоит из множества индивидов или корпораций, которые преуспели в подчинении и даже монополизации некоей области гражданского общества в форме неиерархической кооперации благодаря своей превосходящей и неоспоримой компетенции в данной конкретной области.

И хотя сеть всегда стремится к эксклюзивности, она полностью открыта для участия: любой человек, обладающий требуемым экспертным знанием, может присоединиться к ней либо даже поощряется к этому. Сеть производит и распространяет власть, возможно, эффективнее, чем политические институты, и тем самым вступает в конфликт со всеми политическими, институциональными и организационными структурами традиционной демократии. Если национальное государство вмешивается в деятельность сети, то во многих случаях оно причиняет больший ущерб себе, чем сети. Однако проблема любой сети состоит в ее ориентации только на собственные проблемы и нечувствительность к проблемам других сетей [1, с. 225–229].

Коммуникативные технологии и инструменты, которые активно внедрялись бизнесом, чутко отслеживающим все достижения научно-технического прогресса, теперь активно внедряются в социальную сферу, культуру и политику. Н. Винер отмечает, что коммуникация становится одной из ключевых ценностей постинформационного (коммуникационного) общества [2]. По мнению М. Кастельса, не информация, а коммуникативные сети становятся главной политической и экономической ценностью, в условиях которых любой индивид, имеющий доступ к глобальной сети, может построить свою собственную информационную систему, используя продукты интернета и мобильной связи. Сетевая структура современного общества приводит к формированию массовых самокоммуникаций, и любой индивид, имеющий доступ к глобальной сети, может построить свою собственную информационную систему [6].

Пользоваться достижениями научно-технического прогресса могут уже не только институты власти и крупные корпорации, речь идет уже о доступности для простых граждан, несмотря на предпринимающиеся попытки ограничить доступ или фильтровать контент. Предпринимается этот контроль с разными целями, среди которых обеспечение национальной безопасности суверенного государства [7, с. 8–14].

В условиях постинформационного общества возникает возможность реализовать один из базовых признаков демократии — неограниченная свобода политических группировок пропагандировать свои кандидатуры средствами политической про-

паганды и коммуникации, в недемократических обществах, в свою очередь, граждане, по сути, не имеют возможности выбирать между альтернативными источниками информации и власть подчиняется народу только формально [5, с. 258].

Однако такие ограничения накладываются не только органами власти, но и самими гражданами. Значительная часть общественных групп и индивидов либо не встроена в сетевые коммуникации, либо не в состоянии предвидеть для себя, какие краткосрочные или среднесрочные выгоды или потери несет совершенствование коммуникационно-технологических ресурсов и какое влияние они оказывают на изменение политического пространства.

Глобализационные процессы, охватившие весь мир, поставили перед множеством современных государств важный вопрос о суверенитете государств, который напрямую связан с вопросом об участии в глобальном обмене ресурсами, ценностями и выборе будущего. Подходы к суверенитету и его роли на современном этапе напрямую связаны с контролем над каналами информации и возможности создания и продвижения своего контента [9, с. 102–108]. Система современного политического управления столкнулась с таким вызовом, как формирование структур сетевого давления на органы власти и на представителей политической элиты под видом осуществления общественного контроля за деятельностью политиков и чиновников, а также необходимости организации эффективной взаимодействия государства и общества [3, с. 113].

Вместе с тем, сочетание ИКТ и конвергентных NBICS-технологий открывает новые возможности для присутствия власти в интернет-пространстве с выходом в реальное социально-политическое пространство. В настоящее время выделяет такие сетевые технологии, как: «mass collaboration» (массовая коллаборация, или массовое сотрудничество), «crowdsourcing» (краудсорсинг) и «communities of practice» (деятельные сообщества). Трудность управления коммуникационно-технологическими ресурсами заключается в следующем:

- экстерриториальность коммуникационных технологий в интернет-пространстве, в результате чего универсальные модели интернет-коммуникации разрушают национальные особенности политического управления, возникает опасность потери контроля над национальным политическим пространством [3, с. 112–113];
- неуправляемость информационных потоков;
- полисубъектность политико-коммуникационного пространства (или наличие многих субъектов в информационно-коммуникационном пространстве, которые одновременно являются создателями и потребителями информации, так называемыми «про-ребителями»);
- поливариантность политико-коммуникационного пространства (наличие разных вариантов действительности, формируемых посредством ИКТ);
- поликанальность (политическую повестку дня может формировать не только власть, а также владельцы СМИ или пользователи сетей) и т. п.

Следующий важный момент заключается в том, что рассматриваемые активы власти и общества имеют прикладное использование, посредством которых заинтересованные субъекты стремятся действовать в политическом пространстве. Однако у государства существуют фундаментальные ценности, которые представляют собой пассивную ресурсную базу, нуждающуюся в трансформации в активы власти (табл. 1).

Ресурсная база может переходить в ресурсы разного вида, нередко, для формирования ресурса власти требуется не одна такая база. Главная проблема, стоящая перед властью, состоит в преобразовании пассивной ресурсной базы в активные или актуализированные ресурсы. Для решения данной проблемы следует реализовать следующие задачи: собрать информационный массив материалов и составить базу данных; осуществить аналитическую обработку информации; определить причинно-следственные связи и закономерности политического раз-

Пассивные и активные ресурсы власти
 Table 1. Passive and active resources of the power

Ресурсная база	Ресурсы власти
Демографический потенциал	Личностные
	Командные
	Кадровые
Природно-климатические и территориальные условия	Административные
Экономический потенциал	Финансовые
	Материально-технические
Научно-технический прогресс	Материально-технические
	Коммуникационно-технологические
Наука и образование	Личностные
	Организационные
	Административные
	Коммуникационно-технологические
Культура и религия	Концептуально-идеологические
	Ресурсы социальной поддержки

вития; выделить этапы развития политической ситуации и оценить новое состояние и тип общества; осуществить интерпретацию полученных данных; построить многовариантные сценарии и стратегические прогнозы; принять политические решения и инициировать политические действия; проанализировать последствия этих решений и действий, отслеживая состояние политического пространства и обратную связь с обществом и группами влияния; осуществить коррекцию используемых ресурсов; преобразовать политическую действительность как результат социотехнической модернизации.

Еще одним важным вопросом является проблема доминирования ресурсов в зависимости от типа общества (табл. 2). Следуя уже ставшей классической традиции, выделяются общества аграрного, индустриального, информационного и коммуникационного (другие названия — постинформационное или сетевое общество) типов. На каждом этапе развития общества возможно свое сочетание ресурсов и своя специфика их использования.

Здесь мы можем наблюдать следующее:

- происходит не полное смещение акцентов и вытеснение одних ресурсов другими, а скорее иное наполнение содержания ресурсной базы власти, основанной на ключевых характеристиках общества, например, физическая сила членов племени; лица, обладающие специальными техническими знаниями; лица, создающие новые технологии; лица, порождающие новые знания, и т. п.;
- современное общество знаменуется сокращением числа ресурсных групп по сравнению с обществом индустриального и информационного типа, что сравнимо с обществом аграрного типа;
- постинформационное общество характеризуется смещением акцентов и возрастанием значимости аксиологических ресурсов власти и общества;
- граждане получают свои ресурсы и возможность оказывать легальное влияние на власть с развитием информационного общества.

Тип общества и доминирующие ресурсы
 Table 2. Type of society and the dominating resources

Аграрное общество	Индустриальное общество	Информационное общество	Постинформационное (коммуникационное) общество
Ключевая характеристика общества, на которую ориентированы ресурсы			
Сила	Техника	Технологии	Самокоммуникация
Ресурсы власти			
	Личностные ресурсы		
Командные ресурсы			
	Кадровые ресурсы		
Организационные ресурсы			
Административные ресурсы			
Финансовые ресурсы			
Материально-технические ресурсы			
	Концептуально-идеологические ресурсы		
			Ресурсы социальной поддержки
		Коммуникационно-технологические ресурсы	

В заключение ответим на вопрос: что же представляют собой сетевые ресурсы? Можно выделить разные подходы к пониманию сетевых ресурсов.

1. Сетевые ресурсы — это процесс коммуникации власти и общества в сети Интернет, т. е. социальные сети. С. В. Володенков выделяет следующие содержательные, структурные и технологические особенности, отличающие сетевые ресурсы от традиционных медиаресурсов: структурированность аудитории; «горизонтальность» коммуникации; пользовательская генерация контента; влияние пользовательских оценок на восприятие сообщений; экстерриториальность; высокий мобилизационный потенциал; влияние интернета на традиционное политическое коммуникационное пространство; нелимитированность; таргетированность; мультимедийность; экстемпоральность; оперативность; интерактивность [3, с. 65–85].
2. Сетевые ресурсы власти, как синоним коммуникационно-технологических ресурсов, включая сети СМИ и сети Интернет.
3. Все ресурсы власти — коммуникационные и сетевые, в частности, межличностные коммуникации (межличностные сети), внутрикорпоративные коммуникации и сети, групповые коммуникации и сети, организационные коммуникации и сети, административные коммуникации и сети, финансовые коммуникации и сети, материально-технические сети, концептуально-идеологические коммуникации и сети, социальные коммуникации и сети, информационно-технологические коммуникации (коммуникационно-технологические сети). Каждый ресурс организует собственные коммуникационные потоки, которые взаимно пересекаются в политическом пространстве и накладываются друг на друга в разных сочетаниях.

Согласно данным подходам, сетевые ресурсы власти и общества могут как совпадать (1), так и отличаться (2, 3). Вместе с тем сетевые ресурсы третьего вида, на наш взгляд, не есть атрибут исключительно современного общества, сети пронизывали политическое пространство всех типов общества, располагая при этом разными средствами обмена ресурсами.

Однако различия заключались в следующем: наличие технических средств для передачи ресурсов (электронные платежи, электронный документооборот и т. п.); полисубъектность политических отношений (наряду с элитами в политическом пространстве начинают действовать общественно-политические группы, корпорации, НКО и граждане); отсутствие монополии власти над информацией; многоканальность и возможность выбора коммуникативных средств, как учреждениями власти, так и институтами гражданского общества; массовость технически опосредованных контактов; обмен ресурсами на значительных расстояниях.

Данные положения применимы только при условии равного доступа к информационно-коммуникационным технологиям, что не реализовано в полной мере даже в информационном обществе. Вместе с тем новое общество коммуникационного типа может обладать необходимыми научно-техническими знаниями и технологиями для построения сетей принципиально нового вида, где на первый план выступают ресурсы двусторонней коммуникации для совместного решения общественно значимых проблем.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация / пер. с англ. А. Глухова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Винер Н. Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Н. Винер. Человек управляющий. СПб., 2001.
3. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. : Издательство Московского университета; Проспект, 2015.
4. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция / пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М. : Изд. дом Гос. ун-та, 2010.
5. Дзюло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ.. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010.
6. Кастельс М. Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
7. Кучерявый М. М., Косов Ю. В., Вовенда Ю. В. Деятельность органов государственной власти Северо-Западного федерального округа по обеспечению безопасности информации // Управленческое консультирование. 2017. № 10 (106). С. 8–14.
8. Попов Д. Г. Информационно-коммуникационная функция эффективной власти в современных концептах демократии // Управленческое консультирование. 2014. № 7 (67). С. 40–47.
9. Попов Д. Г. Политическая модернизация и ее технологические пределы // Контуры будущего: технологии и инновации в культурном контексте: коллективная монография / под ред. Д. И. Кузнецова, В. В. Сергеева, Н. И. Алмазовой, Н. В. Никифоровой. СПб. : Астерион, 2017. С. 102–108.
10. Фокина В. В. СМИ как акторы мировой политики // Вестник МГИМО-университета, 2013. № 1 (28). С. 61–65.

Об авторах:

Попов Дмитрий Геннадьевич, доцент кафедры рекламы и связи с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; klacik_p2@list.ru

Фокина Вероника Викторовна, доцент кафедры рекламы и связи с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; vvf.spb@mail.ru

References

1. Ankersmit F. Political Representation / transl. from English A. Glukhova. M. : Publishing house of the State University — Higher School of Economy [Izd. dom gos. un-ta — Vysshai shkoly ekonomiki], 2012. (In rus)
2. Wiener N. The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society // Wiener N. The Human Managing. SPb. : Piter, 2001. (In rus)
3. Volodenkov S. V. Internet communications in the global space of the modern political management. M. : Publishing house of the Moscow University; Prospekt, 2015. (In rus)
4. Dahl R. A. Polyarchy: Participation and Opposition / transl. from English S. Denikinoy, V. Baranova. M. : Publishing house of the State University — Higher School of Economy, 2010. (In rus)
5. Zolo D. Democracy and Complexity: A Realist Approach / transl. from English. M. : Publishing house of the State University — Higher School of Economy, 2010. (In rus)
6. Castels M. Communication Power / transl. from English. N. M. Tylevich; ed. by. A. I. Chernykh; M. : Publishing house of the State University — Higher School of Economy, 2016. (In rus)
7. Kucheryavyy M. M., Kosov Yu. V., Vovenda Yu. V. The Activities of Public Authorities of the North-West Federal District to Ensure Information Security // Administrative Consulting [Upravlencheskoye konsultirovaniye]. 2017. N 10 (106). C. 8–14. (In rus)
8. Popov D. G. Information and Communication Function of the Effective Authority in Modern Concepts of Democracy // Administrative Consulting [Upravlencheskoye konsultirovaniye]. 2014. N 7 (67). C. 40–47. (In rus)
9. Popov D. G. Political Modernization and Its Technological Limits // Contours of the Future: Technology and Innovation in a Cultural Context. The Collective monograph / Ed. by D. I. Kuznetsov, V. V. Sergeyev, N. I. Almazova, N. V. Nikiforova. SPb. : Asterion, 2017. C. 102–108. (In rus)
10. Fokina V. V. Mass media as actors of world politics // Vestnik MGIMO-University [Vestnik MGIMO-universiteta]. 2013. N 1 (28). C. 61–65. (In rus)

About the authors:

Dmitrii G. Popov, Associate Professor of the Chair of Advertising and Public Relations of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy; klacik_p2@list.ru

Veronika V. Fokina, Associate Professor of the Chair of Advertising and Public Relations of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; vvf.spb@mail.ru

Представления о капитализме в системе знаний советского школьника

Гуркина Н. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nina-gurkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В идеологических установках и школьных практиках советской системы образования одним из важнейших понятий стал «капитализм» — идеология, общественно-экономическая формация, «мировой проект», антагонистический социалистическому. В статье рассматривается, как складывались в 20-е и 30-е годы и какое место занимали представления о капитализме в системе знаний советского школьника, в его идейно-политическом воспитании. Исследуется роль этих представлений в формировании мировоззрения довоенного школьника.

Ключевые слова: советская школа, капитализм, социализм, обществоведение, история, география, литература, социалистическое Отечество

Beliefs of Capitalism in the System of Knowledge of the Soviet Pupil

Gurkina N. K.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; nina-gurkina@yandex.ru

ABSTRACT

In ideological installations and school practices of the Soviet education system one of the major concepts was “capitalism” — ideology, a social and economic structure, “the world project”, antagonistic to socialist. In the article is considered as developed in 20th and 30th and what place was taken by ideas of capitalism in the system of knowledge of the Soviet pupils, in their ideological and political education. The role of these representations in formation of outlook of the pre-war pupils is investigated.

Keywords: Soviet school, capitalism, socialism, social science, history, geography, literature, socialist Fatherland

Советская школа прошла в своем развитии несколько этапов. Реформирование школьного образования в стране началось сразу после победы Октября 1917 г. Задачи и пути развития новой школы определялись «Положением о единой трудовой школе» и «Основными принципами единой трудовой школы», принятыми в 1918 г. Советская школа создавалась как единая система совместного, бесплатного, светского общего образования с двумя ступенями. В социалистических преобразованиях школе отводилась особая роль как образовательному институту и инструменту коммунистического воспитания: «Одна из главных задач социалистической революции состояла в формировании нового человека, его духовном и моральном обновлении, изменении его социальной психологии, мировоззрения, в его всестороннем развитии» [16, с. 21]. Картина мира советского школьника должна была создаваться на основе новых социально-политических представлений и ценностей.

Проблемы воспитания в послереволюционной школе рассматривались как в обобщающих трудах, посвященных школе, культурному строительству в стране [2, 5, 11, 12, 14, 16 и др.], так и в специальных исследованиях [5, 9, 12, 20, 21]. Тема школь-

ного воспитания как важнейшего фактора формирования предвоенного поколения неоднократно звучала в работах писателей, ученых, деятелей культуры — бывших фронтовиков [1, 10, 19 и др.¹]. Обсуждение проблемы воспитания в советской школе 20–30-х годов, особенно в юбилейные годы (70 лет Победы и 100 лет Великой революции), перешагнуло за рамки исторических исследований и стало предметом дискуссий в прессе и публицистике². «Идейно-духовное превосходство» советского народа стало одним из факторов победы в Великой Отечественной войне. Какую роль в формировании мировоззрения советского школьника сыграли представления о капитализме — идеологии, общественно-экономической формации, «мировом проекте»? Как складывались эти представления, и какое место занимали в системе знаний учащегося советской школы?

Развитие школьного дела при сложившейся в первые послереволюционные годы единой системе управления (Народный комиссариат просвещения) и единой направленности образования до начала 30-х годов отличалось противоречивостью. Школа стала ареной реорганизаций и экспериментов. Отрицались или подвергались сомнению значимость классно-урочной системы, учебника, домашнего задания, оценки знаний и т. п. Предпринимались попытки внедрения нововведений западной педагогики (Дальтон-план и метод проектов), бригадно-лабораторной системы. Дискуссии и практическая деятельность по воплощению достаточно спорных новаций касались не только структуры и организации образования, форм и методов обучения, но и содержания образования.

В первые послереволюционные годы еще действовала традиционная предметная система, в которой наряду с новыми предметами идеологической направленности — история революционного движения, политическая экономия, история социализма, появились также история Запада и России, история культуры, искусство. Обучение чаще всего велось по старым дореволюционным учебникам (хотя с 1919 г. после издания соответствующего распоряжения некоторые учебники стали изымать как «несовместимые с духом советской школы») [12, с. 22].

С 1923 г. в практику школы стали внедряться так называемые «комплексные программы», подготовленные Научно-педагогической секцией Государственного ученого совета Народного Комиссариата просвещения. Содержание учебного предмета в программах концентрировалось вокруг трех тем: природа и человек, труд, общество. В школах второй ступени предметная система сохранялась, но учебный материал также стремились объединить вокруг общих комплексных тем. Идеологическим основанием новых программ были признаны мировоззренческие идеи и понятия марксизма, его интерпретации в практиках новой власти. «Задача школы в том, чтобы каждый прошедший школу не только понимал задачи нашей советской современности, но приобщился к общему сознанию целеустремленности нашего общественного развития» — провозглашалось в «Схеме ГУСа» для первой ступени школы [4, с. 31].

Значительные изменения были внесены в преподавание гуманитарных дисциплин, традиционно являвшихся основой формирования мировоззрения и соответствующей картины мира. История с появлением новых программ перестала существовать как отдельный предмет и вошла составной частью в обществоведение, которое включило также элементы политэкономии, экономической географии, экономической политики, советского права, истории социализма и пр. В качестве отдельно-

¹ См. также: Лобанов М. Память войны // Литературная газета. 2016. № 23–24.

² Проханов А., Деягин М., Ивашов Л. и др. Уроки Второй мировой. Восток и Запад. Как пожать плоды Победы? (Коллекция Изборского клуба). М., 2015; Бондарь В. Элита, за которую не стыдно // Культура. 2015. № 41; Громов С. Памяти советского десятиклассника. Русский характер // Свой (приложение к газете «Культура»). 2015, май; и др.

го предмета в некоторых школах вводилась политграмота. Одним из теоретиков, определившим методологические подходы к преподаванию обществоведения и политграмоты, и в целом к комплексным программам, был М. Н. Покровский. «От явлений природы легче всего перейти к сельскому хозяйству, а затем к возникновению капитала, эксплуатации и образованию промышленного капитала, крупному производству, бирже, финансовому капиталу и империализму... от сельского хозяйства... легко перейти к понятию социализма...». Переход от материального базиса к настройке через разоблачение религии и утверждение материалистического мировоззрения, «невыгодного эксплуататорским классам», «свяжет всю схему с пролетарской революцией, которая должна быть центром всей общественной части программы» — таким представлялось автору содержание дисциплины и последовательность его подачи в комплексах [4, с. 33].

Развитие общественных сил в России и других важнейших странах, борьба рабочего класса с капитализмом, происхождение и критика капитализма, классовая борьба в России как пролог Октябрьской революции стали важными доминантами в формировании комплексных тем. Представления о капитализме и социализме стали в программах базисными понятиями, своего рода матрицами общественно-политических и исторических знаний. «Смысл преподавания истории ...главным образом в том, чтобы воспитать классовое сознание, классовое отношение к тем или иным явлениям...страсть борьбы против эксплуататоров и страсть революционного энтузиазма в строительстве нового, — писал еще один теоретик «комплексов» [4, с. 32].

Темы «Октябрьская революция» и «Первое мая — международный праздник трудящихся» повторялись в школе первой ступени каждый год. Для четвертого года обучения в группу комплексных тем входили «География России и других стран», «Государственное хозяйство РСФСР и других стран». «Государственный строй России и других стран». В старших классах изучали темы «Обмен между городом и деревней», «Мировое хозяйство», «Империализм и борьба рабочего класса», «Советский строй как переходный от капитализма к коммунизму» [12, с. 122; 14, с. 73]. В программе 1925 г. приоритетной была тема «торгового капитала» (его зарождение, революции, государство и культура эпохи торгового капитала) и т. п.

Программы постоянно перерабатывались и совершенствовались, для каждого типа школ составлялись собственные программы. В первых по существу государственных программах 1927 г. видим уже другое наполнение обществоведения для школ 2-й ступени: история Запада, история России, политическая экономия и современность [14, с. 77]. В ШКМ (школах крестьянской молодежи) изучали по обществоведению «Мировое хозяйство», «СССР и капиталистический мир», «Социалистическая революция», «Наши очередные задачи». Главной задачей программ было «помочь учащимся понять основной факт современности — всемирную борьбу пролетариата против капитализма» [14, с. 76, 148; 4, с. 32 и др.].

К концу 20-х годов история начала приобретать самостоятельное значение, хотя и преподавалась по-прежнему в курсе обществоведения. В программах ФЗС (фабрично-заводской семилетки) 1930 г. с 5-го по 7-й год обучения изучались кроме «Современности» с изложением планов и хода выполнения пятилетки, реконструкции народного хозяйства, индустриализации, коллективизации и культурной революции темы «Капитализм и социализм» и «История классовой борьбы»¹. В программах этих тем содержались не только характеристика эволюции и основных черт капитализма и социализма, но и изложение мировой истории начиная с первобытно-общинного строя, где особое внимание уделялось важнейшим яв-

¹ Программы Фабрично-заводской семилетки. М.-Л., 1930. С. 41–42.

лениям: сменам общественно-экономического уклада. войнам, революциям, этапам и событиям освободительного движения — таким, как крестьянская война в Германии, Великая Французская революция, революция 1848 г., Парижская коммуна и др. При этом внедрение в это же время метода комплексов-проектов приводило к поверхностности и бессистемности знаний. Знания об обществе учащиеся должны были усвоить в процессе «борьбы за коллективизацию», «за промфинплан» и т. д.

Разноголосица программ дополнялась многообразием учебников. Только по обществоведению в это время в школах имели хождение около 40 учебных пособий, среди которых — «Очерки обществоведения» и «Политграмота» (разных авторов), «Фазы общественного развития» Трахтенберга, «История классовой борьбы» Коваленского, «История труда» Тюменева, «Русская история в самом сжатом виде» Покровского [3; 14, с. 149]¹, «История промышленного капитализма» Ефимова и Фрейберга и др.

Преподавание литературы в 20-е годы, так же как и истории, часто превращалось в иллюстрацию, дополнение к обществоведению (были предложения и вообще отменить предмет словесности). Вот фрагмент из программы по литературе 1925/26 учебного года: 5-й год обучения. Второй комплекс. «1905 год». Тема по литературе: «Отражение в литературе революционного движения крестьян». Скиталец — «Полевой суд», Серафимович — «На Пресне» и др.; 6-й год обучения. Комплекс «Обмен между городом и деревней». Тема по литературе: «Город капиталистической эры» Золя — «Счастье дам». Летонье — «Дешевый базар», Келлерман — «Туннель» [14, с. 138].

История литературы была включена в учебный план 8-го и 9-го классов, но располагались и отбирались художественные произведения в соответствии их принадлежности к литературному стилю, в основе которого — «определенная классовая психология». Шекспир (Гамлет) и Сервантес (Дон Кихот) изучались как представители «литературного стиля эпохи нарастания торгового капитализма», Мольер (Мещанин во дворянстве), Бомарше (Свадьба Фигаро) и Шиллер (Разбойники) принадлежали к «буржуазной литературе эпохи нарастания торгово-промышленного капитализма на Западе». К литературному стилю «русской аристократии эпохи нарастания торгово-промышленного капитала» относили Грибоедова, Пушкина и Лермонтова, к литературе мелкой буржуазии — Достоевского и Чехова и т. д. [14, с. 79].

Известный исследователь школы 20-х годов Е. М. Балашов приводит в качестве иллюстрации восприятия школьниками новых подходов и методов преподавания литературы выдержки из дневника четырнадцатилетней дочери московского писателя Л. Григорова Анны. В декабре 1925 г. в классе разбирали рассказ Джека Лондона «Забастовал», в котором речь шла о подростке Джонни, потерявшем все силы, работая на заводе, бросившем завод и семью и идущем «куда глаза глядят». Рассказ был прочитан и детально проработан в классе, затем дома и наконец школьники получили задание написать дома изложение по рассказу. «Четвертый раз говорить об этом несчастном Джонни, — пишет Анна, — о тяжелом положении рабочего класса в капиталистических странах! Сколько уже было сочинений на тему — рабочий класс и буржуазия, в которых неизменными действующими лицами были изможденный, замученный работой и бесправием рабочий и жирный жадный капитал (вроде паука)... О чем писать? Нового ничего не придумаешь» [4, с. 36].

В программе ФЗС 1930 г. подчеркивалось, что литература — не только «одно из средств классового пролетарского воспитания», «преимущественная роль» которой — «служить фактором, организующим коммунистическое сознание учащихся, направляющим их эмоции в сторону боевых политических задач современности», но и «объект изучения», имеющая «познавательную ценность». Тем не менее «гру-

¹ См. также: История в источниках. Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время. М.-Л., 1929.

бое социологизаторство» продолжало оставаться основой при составлении программ и подборе материала. В итоговом обзоре в старших классах (программы ФЗС) изучалась литература «дворянской среды эпохи разложения» (Пушкин, Гоголь, Тургенев и Толстой), литература буржуазии (Гончаров и Островский), «революционных разночинцев» и революционно-демократической интеллигенции. Чехов в этой программе был уже не представителем мелкой буржуазии, а писателем либерально-демократической интеллигенции¹.

Значительно содержательнее в программе ФЗС 1930 г. стала география. В разделе «мировое хозяйство» рассматривались три сектора: социалистический, капиталистический и докапиталистический, проводился обзор важнейших стран мира: Северо-Американских Соединенных Штатов, Британской империи, Франции, Германии, Италии, Японии, Китая, Индии, а также стран Африки, стран — соседей СССР. В программе предполагалось рассмотреть причины и уровень развития капитализма в разных странах (первенство в капиталистическом мире, родина промышленного капитала, передовая капиталистическая страна и т. д.), противоречий между странами, особенностей политического строя и положения трудящихся².

Результаты экспериментов и новаций в школе часто оказывались плачевными. «Не знали истории совсем — ни древней, ни средней, ни новой, ни даже истории СССР», — констатирует исследователь школы 20-х годов и, приводя примеры ответов на вопросы (в ряде школ использовался «так называемый вопросно-ответный метод в самом упрощенном виде»), отмечает в знаниях «догматизм», «упрощенчество», а иногда и «грубое извращение важнейших фактов и событий» [14, с. 150], в итоге — снижение образовательного и воспитательного значения гуманитарных учебных дисциплин. Комплексы требовали также активных методов изучения тем. «Создаются планы, совершаются экскурсии, делаются сводки, обсуждаются коллективные проработки материала, ведутся дневники, записи, изготавливаются диаграммы, производится моделирование, стряпаются выставки...рисовали, пели, лепили, но читать и писать не научились», — писал один из учителей в журнал «Народный учитель» в 1926 г. [14, с. 65].

Борьба по поводу содержания и методов преподавания гуманитарных предметов шла все 20-е годы, что нашло отражение в дискуссиях на страницах педагогической печати, на учительских конференциях (в 1928 г. прошли всероссийские конференции обществоведов и преподавателей русского языка и литературы). На деле история в 20-е годы во многих школах продолжала преподаваться («с небольшим «обществоведческим придатком»), «поскольку большинство педагогов-обществоведов не справлялись с поставленной перед ними задачей», кроме того, критиковать комплексные программы. «не обеспечивающие прочных знаний и навыков», стали не только учителя, но и родители. Известны также случаи, когда руководители народного образования на местах оставляли предметное преподавание в школах своей властью [4, с. 34; 12, с. 128–130].

Преемственность в преподавании сохранялась во многом благодаря рядовому учителю, которое придерживалось проверенных временем и дававших очевидные положительные результаты форм и методов работы. Политико-идеологическое содержание дисциплин (в умеренных формах) при этом не вызывало отторжения даже у учителей с дореволюционным стажем, так как основная масса педагогической интеллигенции сознательно перешла на сторону советской власти, поддерживав прежде всего образовательную политику государства, открывшую двери учебных заведений для всех слоев населения и являвшуюся частью широкой культурной революции в стране [9, с. 162].

¹ Программы Фабрично-заводской семилетки. М.-Л., 1930. С. 87, 99–100.

² Там же. С. 81–86.

Проводившиеся в 20-е — начале 30-х годов социологические и педологические исследования (изучались представления детей о прошлом страны и современных реалиях, профессиональные и социально-политические идеалы и т. п.) показали определенную хаотичность и некоторую противоречивость во взглядах и ценностных ориентациях школьников. Образ дореволюционного прошлого, старого политического строя («правление царя, помещиков и фабрикантов», «эксплуатация трудящихся») приобретал все более негативный оттенок. С осуждением относились также к буржуазному миру («миру капитализма») за рубежом. При этом опрос 1924 г. среди детей 8–13 лет показал, что 57% детей хотели бы быть богатыми (36% ответили отрицательно, с моральным осуждением богатства выступили только 10% [4, с. 135–138, 157]. Налицо, по моему мнению, влияние реальной действительности — НЭПа.

Исследователи отмечали также «отставание политического воспитания учащихся от тех задач, которые были поставлены перед школой» («политически безграмотных», усвоивших социалистические идеи только на уровне знаков и символов среди учащихся было также достаточно), объясняя этот факт прежде всего падением интеллектуального уровня детей после пережитых ими социальных потрясений [4, с. 172]. Правда, эти потрясения рождали иногда и тип «стихийного социалиста». Такими были, в частности, страстно стремившиеся в комсомол бывшие правонарушители — воспитанники школы и колонии из самых известных художественно-документальных произведений 20-х годов «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева и «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. Первые вопросы «шкидовцев» пришедшему по их просьбам в школу преподавателю политграмоты были об империализме и Конституции РСФСР.

Повсеместная антикапиталистическая пропаганда и «классовое воспитание», тем не менее, делали свое дело. Учащиеся знали о причинах революции, свергнувшей «несправедливый строй» (о конкретных событиях представление было часто смутное), о строительстве нового общества, где «все люди равны», «всеобщее равенство и братство», «8-часовой рабочий день» и т. д. (большинство оценивало новый государственный и общественный строй положительно). В качестве образца для подражания в эти годы на первое место вышел В. И. Ленин, так как он «боролся за рабочих», «защищал рабочих и крестьян», «его идея коммунизма одна из лучших, могущих дать хорошую жизнь» [4, с. 173, 174, 176].

В 30-е годы в развитии школы произошли крупные и принципиальные изменения. В 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), ВЦИК и СНК «О всеобщем обязательном начальном обучении». С 1932 г. стала быстро увеличиваться сеть семилетних и средних школ. Во всех общеобразовательных школах число учащихся увеличилось с 7,3 млн в 1922/23 учебном году до 38 млн в 1940/41 учебном году, т. е. почти в 5 раз. При этом число учащихся в 5–7-х классах за этот период выросло в 18 раз, 9–10-х классов — в 17 раз¹. Советская школа стала массовой, понятие «советский школьник» получило реальное наполнение.

Специальными постановлениями СНК и ЦК ВКП(б) определялась единая структура общеобразовательной школы (4, 7 и 10-х классов), возвращалась классно-урочная система, расписание занятий, единые сроки начала и конца учебного года, проверочные испытания и оценки. Складывалась устойчивая школьная система с преемственными ступенями и опорой на достижения и традиции дореволюционной школы и на опыт лучших учебных заведений советского периода.

Постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. было осуждено «легкомысленное методическое прожектерство, насаждение в массовом масштабе методов, предварительно на практике не проверенных» и предложено «организовать научно-

¹ Проханов А., Делягин М., Ивашов Л. и др. Уроки Второй мировой. Восток и Запад. С. 96.

марксистскую проработку программ, обеспечив в них точно очерченный круг систематизированных знаний», ибо «коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество (Ленин)»¹. В соответствии со специальными партийными постановлениями были переработаны школьные программы, созданы новые стабильные учебники, сочетавшие научность и простоту изложения. В специальном постановлении ЦК ВКП(б) предлагалось «усилить элементы историзма в программах по обществоведению, языку и литературе», в программах по географии — «в надлежащем объеме знания по географии капиталистических стран»².

В мае 1934 г. было принято постановление СНК и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в котором предлагалось вместо «абстрактных определений общественно-экономических формаций» перейти к «историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, исторических дат» в «доступной, наглядной и конкретной форме, без чего не может быть «марксистского понимания истории»³. Ставилась задача подготовки учебников по истории древнего мира, средних веков, новой истории, истории СССР, новой истории зависимых и колониальных стран. Этим же постановлением восстанавливались исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах.

Принятое в этот же день постановление «О преподавании географии в начальной и средней школе» выстраивало стройную систему географических знаний, включающую (дополнительно) экономическую географию капиталистических стран. Преподавание предмета начиналось теперь с 3-го класса, количество учебных часов было увеличено⁴.

Незадолго до указанных постановлений в апреле 1934 г. был принят еще один документ с красноречивым названием «О перегрузке школьников и пионеров общественно-политическими знаниями», в котором говорилось о недопустимости перегрузок детей «проработкой» решений съезда, вопросов марксистско-ленинской теории и политики партии. Наиболее яркие общественные события предлагалось рассматривать с учетом возраста детей «в живой, образной и занимательной форме»⁵.

В августе 1934 г. были опубликованы «Замечания» тт. Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников «Истории СССР» и «Новой истории». В замечаниях по поводу учебника истории СССР указывалось: «Нам нужен такой учебник истории СССР, ...где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и мировой». В конспекте, по мнению руководителей партии, не были отражены роль и влияние западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазно-революционного и пролетарско-социалистического движений в России. Не учтены были также «корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне как резерва для западноевропейских империалистических держав, равно как не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западноевропейского, ввиду чего значение Октябрьской революции, как освободительницы России от ее полуколониального положения, остается немотивированным». Значение «Советов с точки зрения мировой истории как носителей пролетарской демократии и органов освобождения рабочих

¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании: сб. документов за 1917–1947 гг. М.-Л. 1947. Вып. 1. С. 152–153.

² Там же. С. 161–162.

³ Директивы ВКП(б) и постановления советского правительства о народном образовании: сб. документов за 1917–1947 гг. М.-Л. 1947. Вып. 1. С. 170–171.

⁴ Там же. С. 172–173.

⁵ Там же. С. 170–171.

и крестьян от капитализма» не показано убедительно ввиду того, что авторы не учли «наличие общеевропейского политического кризиса, выразившегося в упадке буржуазной демократии и парламентаризма»¹.

В замечаниях к учебнику новой истории авторы предложили в основу деления истории на части положить этапы развития капитализма. Первая часть: с французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны — это «период победы и утверждения капитализма». Вторая часть: до победы Октябрьской революции и окончания империалистической войны — «период начавшегося упадка капитализма», перерастания «свободного» капитализма в империализм, и свержения его в результате Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества. Третья часть — «период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса, период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния». В СССР — это период гражданской войны и интервенции и период строительства социализма². Авторам учебника предложили продлить историю до 1934 г. (была закончена 1923 г.) и уделить больше внимания колониальному вопросу и такому государству, как Китай.

В 1934–1937 гг. прошел конкурс на составление лучшего учебника по истории СССР. Среди 46 учебников, представленных правительственной комиссией, лучшим был признан краткий курс «Истории СССР» для 3–4-го класса, подготовленный историками Московского государственного педагогического института во главе с А. В. Шестаковым (получил вторую премию). Учебник был доработан с участием опытных историков старой школы (С. В. Бахрушин, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин и др.), выдержал на русском языке 25 изданий общим тиражом 7 млн экземпляров [6, с. 142].

В постановлении жюри правительственной комиссии к представленным учебникам было 12 замечаний. Последнее (из 5 подпунктов) касалось досоветской истории, в частности, в учебниках отмечались неправильные исторические оценки Богдана Хмельницкого и Александра Невского. Все остальные замечания относились к трактовке современной истории. Отмечалось, что «зависимость России от западного капитала» и ее отсталость от других капиталистических стран не проиллюстрированы на конкретно-исторических примерах. Авторы часто забывали о своеобразии дореволюционного развития России, где власть принадлежала помещикам и капиталистам. Противостояние в революции шло прежде всего между помещиками и крестьянами, а не только рабочими и капиталистами. Подобная «забывчивость» искажала взгляд на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, в которой рабочий класс был вождem всего трудящегося народа. В изложении авторов учебников сужалось также значение гражданской войны «до чисто русского события», так как не было показано должным образом влияние интервенции и роль Антанты и германского империализма в событиях гражданской войны, когда удалось спасти страну от порабощения империалистическими государствами, обеспечить государственную независимость, отстоять свою землю («Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенький», Ленин)). Не должным образом была показана также «перестройка общественного строя» страны в первые послереволюционные годы, в частности, ликвидация частной собственности на фабрики, заводы, банки и т. п., национализация земли и передача ее крестьянам, построение новой государственной машины на основе Советов³.

В учебнике Шестакова, хоть и не совершенном, но лишенном крупных и принципиальных недостатков, разделу «Капитализм в России» предшествовали параграфы, посвященные Французской революции и революции 1848 г., Первому ин-

¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании. С. 185–186.

² Там же. С. 186–188.

³ Там же. С. 197–199.

тернационалу, Марксу и Энгельсу, Парижской коммуне. В отдельных параграфах рассказывалось о реалиях жизни крестьян после отмены крепостного права, о рабочем движении в России. «Первая буржуазная революция», «Вторая буржуазная революция», «Великая Октябрьская социалистическая революция», военная интервенция и гражданская война рассматривались в отдельных больших разделах. Акценты там были (с точки зрения комиссии) расставлены правильно. Первую мировую войну готовили и вели крупные капиталистические государства, соперничавшие между собой, и носила она «грабительский характер». Октябрьская революция победила в результате сложившегося союза рабочих и крестьян в ходе борьбы против буржуазного правительства Керенского, не давшего трудящимся ни мира, ни земли, ни рабочего контроля над фабриками и заводами. Военная интервенция была направлена против советской власти и советского строя (в учебнике Шестакова были заголовки «Колчак — ставленник Антанты», «Деникин и Юденич — ставленники Антанты»). Завершался учебник разделом «СССР — страна победившего социализма», в которой освещались достижения и успехи индустриализации, социальной политики и культурной революции. В разделе присутствовал также параграф «Наши враги и наши друзья за пределами СССР», где рассказывалось о борьбе страны за мир и о нарастании фашистской угрозы¹.

Учебник Шестакова, несмотря на его особенности (простоту, иногда поверхностность в изложении и т. п.), связанные с его обращенностью к детям младшего школьного возраста, стал основой для написания новых учебников по истории. Методологические и фактологические основы для освещения современного этапа капитализма (экономический кризис, приход к власти в Германии партии фашистов — выражающей интересы наиболее реакционной части империалистической буржуазии, появление «новых узлов войны» в Китае, Испании — «начало второй империалистической войны» и т. д.) были даны в соответствующих разделах появившегося в 1938 г. краткого курса «Истории ВКП(б)»². Ушедшее из школьных программ обществоведение нашло замену в форме обязательных политинформаций в школе, комсомольской политучебы. Изучались в эти годы уже не столько прошлое, сколько современные события, прежде всего международное положение. О событиях в Абиссинии, Манчжурии. Китае, войне в Испании и т. д. сообщали школьникам «Пионерская правда» и «Комсомольская правда», детские журналы «Костер», «Пионер» и др.

Преподавание истории в школе стало одним из главных факторов формирования исторического сознания предвоенных школьников и представления о капитализме как одной из форм социально-экономического развития человечества, как антипода социализма, занимали в нем важное место. «Значительную часть нашего образования, — писал известный ученый, школьник довоенной поры А. А. Зиновьев, — составляло изучение революционных идей и событий прошлого, вольнодумства, протестов против несправедливости, бунтов, восстаний, борьбы против мракобесия и т. д., короче говоря, всего того, что было проявлением восстания против существующего порядка вещей. Героями нашей юности становились люди вроде Спартака, Кромвеля, Робеспьера, Марата, Пугачева, Разина, декабристов, народников и, само собой разумеется, большевиков. Вся история человечества во всех ее аспектах преподносилась нам как борьба лучших представителей рода человеческого против неравенства, эксплуатации, несправедливости и прочих язв классового общества, как борьба их за претворение в жизнь самых светлых и благородных идеалов» [10, с. 40].

¹ История СССР. Краткий курс : учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1938.

² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. 1943. С. 287–289, 316–319.

Тексты новых учебников по истории в отличие от советских учебников 20-х годов представляли «своеобразный сплав двух главных идей» — неизбежности и благотворности победы социализма в России и «возвеличивания старой государственности» [6, с. 141]. Краеугольный камень в основание нового идеологического курса заложили слова И. В. Сталина в выступлении на всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г.: «Теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость» [6, с. 75]. Идею мировой революции окончательно сменила теория построения социализма в одной отдельно взятой стране. Идеологический и культурно-исторический поворот в стране, ставший важнейшим средством «духовной мобилизации народа» накануне войны, осуществлялся по многим направлениям теоретической и практической деятельности с использованием всех средств науки, литературы и искусства [8]. От школы он потребовал перехода на новый «историко-культурный стандарт»

Тема патриотизма, тема любви к Родине, ее истории и культуре стали ключевыми в учебнике Шестакова. Имена государственных деятелей, исторических героев, писателей, художников дореволюционной России дополнялись именами деятелей революции, гражданской войны, советских ученых, писателей, летчиков, полярников. В сознании школьников складывалась особая форма патриотизма, сочетавшая гордость за достижения тысячелетней исторической России и сопричастность к первой в мире социалистической стране, где «все народы трудятся на общую пользу», где «нет паразитов — капиталистов и помещиков»¹. Сформированная в учебнике государственно-патриотическая концепция отечественной истории, «идея преемственности лучших традиций предков новыми поколениями соотечественников» стали ориентиром для учебников для средней и высшей школы и для системы политического просвещения².

Эта идея нашла воплощение и в курсе литературы. Предмет литературы в 30-е годы значительно обогатился именами и сюжетами. Из курса литературы устранялись «социологизм» и схематизм, «левацкие вульгаризаторские оценки великих писателей», все больше уделялось внимания художественным достоинствам литературы [18, с. 42]. В 30-е годы утверждается программа школьного литературного образования, которая в общих чертах просуществовала до 1991 г. (на изучение русского языка и литературы отводилось в 1940/41 учебном году 20% учебного времени)³.

Основу курса литературы по-прежнему составляла классика. Формационный подход при классификации художественных произведений сохранялся (не во всех учебниках), естественно, что в курсе «русской литературы эпохи империализма» обязательной была критика капитализма. «Критика капиталистических отношений», «критическое отношение к буржуазным порядкам», «образ капиталиста», «проблемы борьбы рабочих с эксплуататорами-предпринимателями», «продажность, царящая в буржуазном обществе» — все эти обобщения в учебниках литературы формировались на материале конкретных художественных произведений. Сравнительный анализ произведений различных авторов должен был продемонстрировать пути выхода из «порочного» строя: «Если у Горького трактовка темы капитализма проникнута историзмом и показаны судьбы капитализма... образы Горького — результат глубокого социального проникновения и диалектического понимания жизни..., то у Куприна капиталистический мир дается как нечто готовое и застывшее, социальная коллизия выглядит статично, лишь

¹ История СССР. Краткий курс : учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. проф. А. В. Шестакова. М., 1938. С. 3.

² Фортунатова Е. Я. Книга для чтения. Первый год обучения. М., 1934; Хрестоматия по истории СССР : пособие для учителей средней школы. М., 1941; Хрестоматия по новой истории. 1789–1870. Библиотека учителя. М., 1941 и др.

³ Яковлева А. Зачем нам нужен этот Ванька? // Литературная газета. 2016, 23–29 ноября.

как некоторое противостояние классов» [15, с. 50, 52]. Впрочем, многие классические произведения, такие, в частности, как рассказы Чехова «Ванька Жуков» и «Спать хочется» не требовали особых комментариев.

В 20-е и 30-е были созданы значительные произведения уже советской литературы с соответствующей тематикой. Многие были включены в школьный курс литературы, другие становились доступны школьникам благодаря высоким тиражам и постоянно расширяющейся библиотечной сети. Среди них — произведения А. Н. Толстого, Серафимовича, Фурманова, Шолохова, Фадеева, Каверина, Катаева и других советских писателей. Одним из любимых поэтов советского школьника был В. В. Маяковский, символом многих произведений которого стали слова: «Социализм — цель, капитализм — враг». Книга Николая Островского «Как закалялась сталь» стала «своего рода учебником коммунистического воспитания молодежи» [10, с. 45]. Книги, посвященные освободительному движению, революции, гражданской войне, свершениям пятилеток осуществляли для молодого поколения историческую связь времен, иллюстрировали идею преемственности, давали нравственные образцы для подражания.

Особое место в предвоенной литературе для детей и юношества занимали книги А. П. Гайдара (повесть «Военная тайна» издавалась 8 раз). «Как и Маяковский, он каждой строкой поднимал своего читателя, звал не к маленькому, комнатному, своему собственному счастью, но к счастью большому, всенародному, которое строится в нашей стране, звал и учил бороться за это счастье», — писала в своих воспоминаниях Л. Т. Космодемьянская [13, с. 74].

Представления о капитализме у поколения школьников 30-х годов формировались как на основе фундаментальных систематических знаний, которые давали уроки истории, географии и литературы, так и на основе тех эмоциональных впечатлений и образов, которые давала как литература, так и в целом детская и юношеская книга. Свою роль в развитии и углублении этих представлений играли, конечно, и идеологическое воспитание в рамках общественных организаций и изменяющаяся ежедневно действительность. «Мысли и чувства активной части молодежи того времени определялись, с одной стороны, нарастающей опасностью фашистского нападения, с другой — бурным развитием страны, превращающейся из отсталой и темной в одно из могущественных государств мира», — писала в воспоминаниях И. В. Ракобольская, начальник штаба женского полка ночных бомбардировщиков (после войны — доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки РФ) [19, с. 9].

Первое полностью грамотное поколение выросло идейно убежденным, уверенным в правоте и нравственном превосходстве своего социалистического Отечества, готовым к его защите. «Молодогвардейцы, в большинстве своем дети шахтеров, воспитаны советским обществом, им было свойственно ясное, а не стихийное революционное сознание, они были образованными, интеллигентными людьми», — писал А. Фадеев в процессе работы над своей книгой [22, с. 40]. Представления о капитализме как строе антагонистическом социализму, несправедливом, хищническом, мешающем прогрессу человечества, стали основой этих убеждений, важным фактором формирования идентичности советского человека.

«Система идейного воспитания, сложившаяся в стране после революции и достигшая расцвета в тридцатые годы, блестяще выполнила историческую задачу... Я неоднократно говорил и повторяю сейчас: войну 1941–1945 гг. выиграл советский десятиклассник, окончивший школу в 1937–1941 гг. ...общий моральный, психологический и идеологический тон задавали люди моего поколения», — утверждал А. А. Зиновьев [10, с. 42, 126]. По мнению известного философа и политолога А. С. Панарина, Великая Отечественная война «завершила формирование советского человека как культурно-исторического типа, которому удалось соединить

всемирную социальную идею, связанную с протестом против буржуазной эксплуатации, с великой национальной идеей» [17, с. 139].

Литература

1. *Абрамов Ф.* О первом учителе // Светлые люди. СПб., 2007.
2. *Анайкина Л. И.* Партийно-государственная политика в сфере народного образования в РСФСР (1922–1991 гг.). М., 2001.
3. *Багрова Н. А.* Становление школьного исторического образования в Советской России. 1920–1934 гг. Автореф. дис. ... к. и. н. Ростов-на-Дону, 2001.
4. *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе: 1917–1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003.
5. *Борисов Ю. С.* Школьные реформы и подготовка кадров // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1985.
6. *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.
7. *Гаврилов В. А.* Очерк истории нравственного воспитания в советской школе (1917–1930). Кишинев, 1983.
8. *Гуркина Н. К., Исаев А. П.* Культурное наследие России в патриотическом воспитании накануне и в годы Великой Отечественной войны // Управленческое консультирование. 2016, №5. с. 181–191.
9. *Гуркина Н. К.* Образовательная политика российского государства и провинциальная интеллигенция в начале XX века // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2017. Т. 8, вып. 3(30). С. 157–164.
10. *Зиновьев А. А.* На коне, танке и штурмовике. Записки воина-философа. М., 2016.
11. *Кара-Мурза С.* Советская цивилизация. М., 2011.
12. *Константинов Н. А., Медынский Е. Н.* Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948
13. *Космодемьянская Л. Т.* Повесть о Зое и Шуре. М., 1984.
14. *Королев Ф. Ф.* Советская школа в период социалистической индустриализации. М., 1959.
15. *Михайловский В. В.* Русская литература XX века. С 90-х годов XIX в. до 1917 г. М., 1939.
16. *Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941.* М., 1980.
17. *Панарин А. С.* Народ без элиты. М., 2006.
18. *Потемкин В. П.* Статьи и речи по вопросам народного образования. М.-Л. 1947.
19. *Руднева Е. М.* Пока стучит сердце: сост., авт. стат. и прим. И. В. Ракобольская. М., 2015.
20. *Салова Ю. Г.* Политическое воспитание детей в Советской России в 20-е годы. Ярославль, 2007.
21. *Сомов В. А.* Феномен игры и воспитание поколения победителей в СССР 1930-х годов // Историческая психология и социальная история. 2013. Т. 6. № 1. с. 73–84.
22. *Фадеев А.* Материалы и исследования. М., 1947.

Об авторе:

Гуркина Нина Константиновна, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; nina-gurkina@yandex.ru

References

1. Abramov F. About the first teacher // Light people. SPb., 2007.
2. Anaykina L. I. Party and state policy in the sphere of national education in RSFSR (1922–1991). M., 2001.
3. Bagrova N. A. Formation of school historical education in the Soviet Russia. 1920–1934. Dissertation abstract. Rostov-on-Don, 2001.
4. Balashov E. M. School in the Russian society: 1917–1927. Formation of “the new person”. SPb., 2003.
5. Borisov Yu. S. School reforms and training // Spiritual capacity of the USSR on the eve of the Great Patriotic War. M., 1985.
6. Vdovin A. I. Russians in the XX century. Tragedies and triumphs of the great people. M., 2013.

7. Gavrilov V.A. A sketch of history of moral education at the Soviet school (1917–1930). Chisinau, 1983.
8. Gurkina N.K., Isaev A.P. Cultural heritage of Russia in patriotic education on the eve of and in days of the Great Patriotic War // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016, N 5. P. 181–191.
9. Gurkina N.K. Educational policy of the Russian state and the provincial intellectuals at the beginning of the XX century // Scientific works of NWIM of RANEPa [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. 2017. V. 8, issue 3(30). P. 157–164.
10. Zinovyev A.A. On a horse, the tank and the attack plane. Soldier philosopher's notes. M., 2016.
11. Kara-Murza S. Soviet civilization. M., 2011.
12. Konstantinov N.A., Medynsky E.N. Sketches on history of the Soviet school of RSFSR in 30 years. M., 1948.
13. Kosmodemyanskaya L.T. The story about Zoya and Shura. M., 1984.
14. Korolev F.F. The Soviet school during socialist industrialization. M., 1959.
15. Mikhaylovsky V.V. Russian literature of the 20th century. From the 90th of the 19th century to 1917. M., 1939.
16. Sketches of history of school and pedagogical thought of the people of the USSR. 1917–1941. M., 1980.
17. Panarin A.S. The people without elite. M., 2006.
18. Potemkin V.P. Articles and speeches concerning national education. M.-L. 1947.
19. Rudneva E.M. So far heart knocks: collection, author of the article and comments I.V. Rakobolskaya. M., 2015.
20. Salova Yu.G. Political education of children in the Soviet Russia in the 20th years. Yaroslavl, 2007.
21. Somov. V.A. Fenomen of a game and education of generation of winners in the USSR of the 1930th years // Historical psychology and social history [Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'naya istoriya. 2013. V. 6. N 1. P. 73–84.
22. Fadeev A. Materials and researches. M., 1947.

About the author:

Nina K. Gurkina, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; nina-gurkina@yandex.ru

Деятели культурной фенномании и их вклад в финское национальное движение

Колесников Д. Е.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация, writer1984@list.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается первый этап финского национального движения (фенномании), охватывающий первую половину XIX столетия и именуемый в исторической литературе «культурной фенноманией». Анализируется роль выдающихся деятелей культурной фенномании Й. В. Снельмана, Э. Леннрота и Й. Л. Рунеберга и делается вывод об их вкладе в формирование финского национального самосознания.

Ключевые слова: финляндская автономия, культурная фенномания, финское национальное движение, первое национальное пробуждение, финская национальная идентичность

Actors of the Cultural Fennomania and Their Contribution to Finnish National Movement

Kolesnikov D. E.

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation, writer1984@list.ru

ABSTRACT

The article examines the first stage of the Finnish national movement (Fennoman movement) which took place at the first half of the 19th century and is named as the "cultural fennomania" in historical literature. It analyzes the role of Elias Lönnrot and Johan Ludvig Runeberg in the Fennoman movement. At the end of the article the conclusion is drawn that J.V. Snellman, E. Lönnrot and J.L. Runeberg made great contribution to the process of formation of the Finnish national-consciousness.

Keywords: Finnish autonomy, cultural fennomania, Finnish national movement, first national awakening, Finnish national identity

В статье «От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии» И. Р. Такала справедливо отмечает, что «в финляндской историографии историю национального строительства и финского национализма, как правило, начинают с момента присоединения Финляндии к России» [7, с. 8]. Начало XIX в. явилось становлением нового этапа в истории Финляндии: согласно Фридрихсгамскому мирному договору, завершившему русско-шведскую войну 1808–1809 гг., Финляндия была отторгнута от Швеции и присоединена к России. Таким образом, завершилось шестивековое пребывание Финляндии в составе шведского государства и началась новая полоса ее развития.

Хотя присоединение Финляндии было завоевательным актом, ей была предоставлена автономия, что существенно отличало ее положение от положения многих национальных окраин Российской империи. Представителем верховной власти в Финляндии являлся назначаемый российским императором генерал-губернатор, однако Финляндия сохраняла законы шведского времени, а также имела свою законодательную власть в лице сейма и свою исполнительную власть в лице сената.

Несмотря на ограниченность финляндской автономии и ее частые нарушения российскими властями, несомненно, новое положение Финляндии, возникшее после 1809 г., создало предпосылки для более успешного, чем прежде, развития финской нации и ее культуры. Как утверждает исследователь истории финской литературы Э.Г. Карху, «автономное положение Финляндии и уже сам факт ее отрыва от Швеции, долго угрожавшей финнам ассимиляцией, были восприняты патриотически настроенными финскими интеллигентами как обещание более самостоятельного развития, как стимул для усиления национально-культурной деятельности» [2, с. 104].

В истории финской культуры период 1810–1820-х годов принято называть периодом «первого национального пробуждения» [2, с. 105]. В роли деятелей данного периода выступили патриотически настроенные финские писатели и публицисты. В их выступлениях впервые была выдвинута идея создания финской нации, прежде всего в смысле укрепления и развития культурно-языковой общности. Так возникла *фенномания* — финское национальное движение, направленное на уравнивание финского языка в правах со шведским и развитие финской национальной культуры [4, с. 97]. Первоначально фенноманы ставили перед собой сугубо культурные задачи, стремясь добиться, чтобы финский язык утвердился во всех сферах административной и общественной жизни Финляндии наравне со шведским и чтобы у финского народа пробудился интерес к своему культурному наследию, поэтому первый этап фенномании, охватывающий первую половину XIX в., именуют «культурной фенноманией» [8]. В 1860-х годах наступил новый этап развития фенномании — «политическая фенномания». На данном этапе фенноманы выдвинули уже политические требования, главным из которых явилась борьба за реальную автономию страны [4, с. 97].

Идеологом культурной фенномании был Йохан Вильгельм Снельман (1806–1881), профессор философии Императорского Александровского университета¹, сенатор хозяйственного департамента Императорского Сената и видный государственный деятель Великого княжества Финляндского, благодаря которому в 1863 г. Александром II было подписано постановление, касающееся статуса финского языка, согласно которому финский язык после 20-летнего переходного периода становился равноправным со шведским административным языком. Й.В. Снельман полагал, что поскольку маленькая Финляндия не в состоянии добиться больших достижений силой, ее путь к успеху заключается в развитии финского языка, национальной культуры и образования. По мнению Й.В. Снельмана, шведоязычное образованное сословие Финляндии не могло сформировать финскую национальную интеллигенцию, поскольку говорило на ином языке, чем народ, поэтому образованной части финского общества необходимо было перейти с шведского языка на финский [6, с. 72]. Й.В. Снельману представлялась естественной почвой для развития государственности нация, обладавшая языковым единством, т.е. народ, говоривший на одном языке. Философ также полагал, что в Финляндии нужно было основывать школы, библиотеки и газеты на финском языке для пробуждения в народной среде жажды знаний и стремления к общественной деятельности. Й.В. Снельман стал наиболее активным проповедником культурной фенномании.

Выдающимися деятелями этапа культурной фенномании также являлись создатель национального карело-финского эпоса Элиас Леннрот (1802–1884) и крупнейший шведоязычный поэт Финляндии Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877).

Деятельность врача Элиаса Леннрота была многогранной, однако в историю он вошел, прежде всего, как создатель сборника народной лирики «Кантелетар», вы-

¹ Императорский Александровский университет — официальное название Хельсинкского университета в 1827–1917 гг. Название было дано в честь Александра I, брата императора Николая I.

шедшего тремя частями в 1840–1841 гг., и знаменитого национального эпоса «Калевала». Составление «Калевалы», представляющей собой сюжетно объединенный свод народных песен карел и финнов, безусловно, стало главным делом жизни Э. Леннрота. Следует отметить, что эпос возник в результате его огромной собирательской работы. Установлено, что Э. Леннрот был крупнейшим собирателем карело-финской народной поэзии XIX в. [2, с. 156]. В течение 1828–1845 гг. создатель «Калевалы» совершил 11 фольклорных экспедиций по финской и русской Карелии, во время которых прошел около 20 000 километров [2, с. 156]. Э. Леннрот издавал «Калевалу» дважды — в 1835 г. и 1849 г. Издание 1849 г., также известное под названием «Новая Калевала», стало канонической версией эпоса, дошедшей до наших дней. Стремясь выявить предполагаемый хронологический порядок рождения рун и достичь композиционной логики, Э. Леннрот следовал своему художественному вкусу, объединяя материалы, записанные от разных рун-певцев и добавляя строфы собственного сочинения [8, с. 41]. Фрагменты рун он соединял при помощи стихотворений, сочиненных им с использованием различного материала, порой изменяя детали, относящиеся к персонажам и событиям. О своей редакторской работе Э. Леннрот вполне открыто говорил в предисловии к «Калевале». Однако несмотря на нее публикация эпоса вызвала необычайный общенациональный интерес. «Калевала» была воспринята как заново открытый уцелевший древний эпос, собранный из отдельных фрагментов.

Эпос «Калевала» сыграл огромную роль в истории финской литературы и культуры. Э. Г. Карху справедливо утверждает, что «в сущности вся финская культура XIX в., особенно творчество писателей и художников романтического направления, развивается под знаком „Калевалы“» [2, с. 168]. «Калевала» имела важное значение и для укрепления финского национального самосознания, так как вскоре после своего выхода эпос стал восприниматься как духовное знамя финского национального движения и залог будущего расцвета национальной культуры Финляндии. «Калевалу» называли «входным билетом», по которому угнетенный и малоизвестный народ получил свое место среди культурных наций. Так, оценивая историко-культурное значение «Калевалы», В. Я. Пропп писал: «Одна из заслуг Леннрота состоит в том, что через „Калевалу“ он показал всему миру, что народ, к которому он принадлежал, не пустое географическое понятие, что он обладает единственной в мире, ни с чем не сравнимой сокровищницей народного творчества» [5, с. 305]. Отметим, что для молодого фенноманского движения было крайне необходимо иметь подобный национальный эпос, укреплявший веру в богатство своей истории и свое национальное будущее. Дата, поставленная Э. Леннротом под предисловием к первому изданию «Калевалы», 28 февраля, позднее стала отмечаться в Финляндии как День «Калевалы» или День финской культуры.

Крупнейший шведоязычный поэт Финляндии Й. Л. Рунеберг был одним из представителей национального романтизма в финской поэзии. Современники называли Рунеберга «первым национальным поэтом» [1, с. 5], а в России его сопоставляли с А. С. Пушкиным. Для творчества шведоязычного романтика характерна идеализация национального прошлого Финляндии и финского крестьянства. Лирика Й. Л. Рунеберга, начиная с первого сборника стихотворений, изданного в 1830 г., проникнута горячей любовью к Финляндии. С точки зрения формирования финской национальной идентичности важным является то, что в своей поэзии Й. Л. Рунеберг создал образ Финляндии и финского народа. Возникающий из его лирики образ Финляндии подчеркнут скромно, но в то же время полон достоинства. В своем творчестве поэт воспевал гордую бедность финнов и ценности патриархально-крестьянской морали. В этом отношении показательным стихотворением Й. Л. Рунеберга о крестьянине Пааво из Саариярви, вошедшее в цикл «Идиллии и эпиграммы» его первого поэтического сборника. Данное стихотворение представляет собой балладу о финском крестьяни-

не и его борьбе с суровой природой, болотами и заморозками, неурожаем и голодом. Трудолюбие и стойкость в лишениях сочетаются в характере Пааво с твердой верой в Бога и христианской любовью к ближнему. В своей балладе Й.Л. Рунеберг прежде всего воспел нравственный идеал финского крестьянина, впоследствии ставший собирательным образом трудолюбивого и благочестивого финна [6, с. 71].

Вершиной поэтического творчества Й.Л. Рунеберга является цикл баллад «Сказания прапорщика Столя», посвященный русско-шведской войне 1808–1809 гг. и ее участникам. Первая часть баллад вышла в 1848 г., вторая — в 1860 г. Это произведение принесло поэту общенациональную славу. В «Сказаниях прапорщика Столя» Й.Л. Рунеберг изобразил возвышенный и романтический идеал общей родины, которую отстаивают все герои, исполненные к ней беспредельной любви и готовые без колебаний отдать за нее жизнь. Чувство патриотической любви как высшей ценности пронизывает все баллады цикла. Первым стихотворением «Сказаний прапорщика Столя», их своеобразным прологом является стихотворение «Наш край», написанное Й.Л. Рунебергом в 1846 г. Финский композитор немецкого происхождения Фредрик Пациус (1809–1891) положил стихотворение Рунеберга на музыку, и в мае 1848 г. песня впервые прозвучала на шведском языке¹ в исполнении академического хора под аккомпанемент гвардейского оркестра на студенческом весеннем празднике — дне Флоры — как национальный гимн. Таким образом, благодаря литературной деятельности Й.Л. Рунеберга у Финляндии появился собственный национальный гимн — один из неотъемлемых атрибутов государственности.

Э.Г. Карху справедливо называет публикацию Э. Леннротом «Калевалы» и «Кантелетар» и творчество Й.Л. Рунеберга крупнейшими событиями финской литературной жизни 1830–1840-х годов [2, с. 148].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Ключевую роль в формировании культурной фенномании сыграл философ Й.В. Снельман, сформулировавший ее идеологию. Создатель «Калевалы» и автор «Сказаний прапорщика Столя» также внесли огромный вклад в укрепление финского национального самосознания, став видными деятелями культурной фенномании. Благодаря публикации карело-финского эпоса финны смогли убедиться в уникальном богатстве своей древней культуры и истории, а Й.Л. Рунеберг, как утверждает историк М. Клинге, в своих поэтических произведениях «сформировал национальный идентитет Финляндии», заложив «основы национальной бытности страны» [3, с. 510].

Литература

1. Дорощева Е. Последний романтик Европы // Рунеберг Й.Л. Избранное. СПб. : Издательский дом «Коло», 2004. С. 5–50.
2. Карху Э.Г. История литературы Финляндии. От истоков до конца XIX века. Л. : Наука, 1979.
3. Клинге М. Йохан Людвиг Рунеберг // Сто замечательных финнов / под ред. Т. Вихавайнена. Хельсинки : Общество финской литературы, 2004. С. 510–518.
4. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М. : Весь мир, 2008.
5. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976.
6. Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996.
7. Такала И.Р. От феннофильства к фенномании: Хенрик Габриэль Портан и становление национальной мысли Финляндии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3. С. 7–17.
8. Такала И.Р. Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). М. : Директ-Медиа, 2013.

¹ Современный перевод стихотворения Й.Л. Рунеберга «Vårt land» на финский язык принадлежит Пааво Каяндеру (1846–1913). На русский язык данное стихотворение было переведено в 1915 г. А.А. Блоком.

Об авторе:

Колесников Дмитрий Евгеньевич, старший преподаватель кафедры международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); writer1984@list.ru

References

1. Dorofeeva E. Last romantic of Europe // Runeberg J.L. Favourites. SPb. : Publishing house Kolo, 2004. P. 5–50. (In rus)
2. Karkhu E.G. History of literature of Finland. From sources until the end of the XIX century. L. : Science, 1979. (In rus)
3. Klinge M. Johan Ludwig Runeberg // Hundred remarkable Finns / under the editorship of T. Vikhavaynen. Helsinki : Society of the Finnish literature, 2004. P. 510–518. (In rus)
4. Meinander H. History of Finland. Lines, structures, turning points. M. : Whole world, 2008. (In rus)
5. Propp V.Ya. Folklore and reality. M., 1976. (In rus)
6. Rasila V. History of Finland. Petrozavodsk, 1996. (In rus)
7. Takala I.R. From a fennophilia to a fennomania: Henrik Gabriel Porthan and development of finish national thought //Scientific notes of the Petrozavodsk State University [Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2014. N 3. P. 7–17. (In rus)
8. Takala I.R. Finnish line. Sketches of history of Finnish national thought (the second half of XVIII — the first half of the XIX century). M. : Direct-media, 2013. (In rus)

About the author:

Dmitri E. Kolesnikov, Senior lecturer of department «International relations» of Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University (Saint-Petersburg, Russian Federation); writer1984@list.ru

Интегрированная бизнес-группа как субъект публичной политики: кейс АО «Газпром-Медиа Холдинг»

Костин А. Э.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; aleksandr.e.kostin@gmail.com

РЕФЕРАТ

В центре внимания автора находится вопрос о рассмотрении концепции интегрированных бизнес-групп Я. Паппе как аналитического инструмента изучения субъектов корпоративных интересов и механизмов корпоративного представительства в политическом пространстве современной России. В статье предпринята попытка обосновать авторскую позицию о применимости концепции интегрированных бизнес-групп не только в рамках экономической науки, но и раскрыть ее значимость для политической науки с использованием метода кейс-стади на примере АО «Газпром-Медиа Холдинг», которое является одной из российских интегрированных бизнес-групп и в то же время крупной корпоративной группой интересов.

Ключевые слова: Газпром-Медиа, интегрированные бизнес-группы, корпоративные группы интересов, лоббизм, представительство интересов

Integrated Group of Companies as Subject of Public Policy by the Case of JSC «Gazprom-Media Holding»

Kostin A. E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; aleksandr.e.kostin@gmail.com

ABSTRACT

The author focuses on the consideration of the concept of integrated groups of companies by J. Pappe as an analytical tool for studying subjects of corporate interests and mechanisms of corporate representation in the political space of modern Russia. In the article attempts to substantiate the author's position on the applicability of the concept of integrated business groups not only within the framework of economic science, but also to reveal its significance for political science using the case-study method of JSC Gazprom-Media Holding, which is one of the Russian integrated businesses -groups and at the same time a large corporate group of interests.

Keywords: Gazprom-Media, integrated groups of companies, IGC, corporate interest groups, lobbyism, representation of interests

Существуют разные подходы к определению форм корпоративных структур современной России. Так, Я. Паппе выделяет следующие виды крупных российских бизнес-структур: независимые предприятия, компании и интегрированные бизнес-группы (ИБГ) [12, с. 9–10]. С. Перегудов отмечает, что наиболее распространенными видами крупных корпораций являются: холдинги, финансово-промышленные группы (ФПГ) и ИБГ [14, с. 13]. Наибольший исследовательский интерес для нас представляют теоретические аспекты ИБГ как формы, которая отражает устройство российских корпоративных структур в настоящее время.

Под ИБГ Я. Паппе понимает «совокупность предприятий из разных отраслей и секторов, которые в силу сложившихся между ними связей регулярно выступают

в некоторых важных аспектах как единый экономический агент и в которой можно выделить некоторый центральный элемент» [12, с. 16]. Иными словами, ИБГ — это структурированная корпоративная система, составные элементы которой — юридические лица, осуществляющие свою деятельность в различных сферах.

В. Галеева, анализируя определение ИБГ, рассматривает «ИБГ как некую трансформацию ФПГ» [2, с. 228]. Данное утверждение представляется спорным, учитывая то, что ряд имущественных ИБГ создавались, в частности, крупными банками [10], одной из важнейших характеристик ФПГ является наличие финансового структурного элемента, как правило банка (-ов) [14, с. 14], в ИБГ такого элемента группы может не быть, а значит, данный тезис входит в противоречие с понятием ФПГ.

Можно отметить, что ФПГ и ИБГ были характерным явлением для России периода 90-х гг. XX в. В существовавшей в тот период олигархической парадигме сами олигархи, с точки зрения корпоративных отношений, образовывали как «внутреннюю» группу стейкхолдеров (так как являлись топ-менеджментом подконтрольных структур), так и являлись «внешней» группой (поскольку руководство представляло интересы в органах власти). Как отмечает С. Перегудов, интересы «внутренних» и «внешних» групп стейкхолдеров могут пересекаться [15, с. 36].

Подобный дуализм отражает специфику взаимодействия корпоративных групп интересов и власти в тот период. С одной стороны, государство создало институциональную основу для расширения присутствия частного интереса — проведением залоговых аукционов и усилением роли Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), представительством в Федеральном собрании РФ, с другой стороны, крупный бизнес использовал ресурсы подконтрольных структур с целью влияния на политический процесс в России, как, например, оказание активной информационной и иной поддержки кандидату Б. Ельцину на президентских выборах 1996 г., в связи с возможным приходом к власти Г. Зюганова и сменой политического курса [1, с. 358].

Как отмечает Я. Паппэ, период первой половины 2000-х годов характеризуется уже не партнерскими отношениями бизнеса и государства, а ведущей ролью второго [9]. Необходимо отметить, что некоторые крупные бизнес-структуры, например, такие как «Лукойл» [13, с. 110] и «Газпром» [10, с. 37], рассматривались отечественными исследователями именно как ИБГ, но в их структуре не произошло существенных изменений, что позволяет говорить о сохранении ими статуса ИБГ и по сей день.

Во второй половине 2000-х годов появляются новые формы организации корпоративного сектора в России, также представляющие собой ИБГ — государственные корпорации и государственные компании, названия которых указывают на тесное взаимодействие корпоративных структур с органами государственной власти и должностными лицами, а также на конечного стейкхолдера — государство. Данные преобразования носят властный характер, поскольку во многом создание, преобразование и осуществление деятельности ИБГ стало основываться на наличии важнейшего элемента — политической воли.

Особый интерес и особая сложность изучения концепции ИБГ заключается в том, что она рассматривалась главным образом как экономическая, но Я. Паппэ, являясь экономистом, не ставил задачу политического анализа. Однако данное обстоятельство несколько не умаляет значимости концепции для политической науки, поскольку является одним из аналитических инструментов оценки механизмов корпоративного представительства интересов и раскрывает особенности крупных корпоративных структур, которые являются как предметом политики, например промышленной, так и субъектами корпоративных интересов¹.

¹ Корпоративный интерес усматривается в понятии, сформулированном Я. Паппэ «...регулярно выступают в некоторых важных аспектах...».

Для точного понимания корпоративной природы, детализации ключевых политологических особенностей концепции ИБГ, механизмов корпоративного представительства интересов при выявлении данных структур, рассмотрим эти вопросы на примере АО «Газпром-Медиа Холдинг» (далее — Газпром-Медиа)¹. Данная задача, на наш взгляд, продиктована необходимостью детального изучения политических факторов, дополняющих концепцию ИБГ с использованием метода кейс-стади.

Возможно, подобная исследовательская задача может показаться некорректной, поскольку Газпром-Медиа является структурным элементом ПАО «Газпром» (далее — Газпром), т. е. не является самостоятельной структурой, а также деятельность Газпром-Медиа в одной сфере — медиа, а не в нескольких. С точки зрения понимания ИБГ как актора, обращаясь к рейтингу Эксперт-400², необходимо отметить, что в тех рейтингах, где присутствует Газпром-Медиа (2010, 2011 и 2012 гг.), он фигурирует отдельно от Газпрома³, что, на наш взгляд, указывает на субъектность данной корпоративной структуры.

Исходя из понятия ИБГ, приведенного выше, Газпром-Медиа нельзя отнести к ИБГ, так как основной сферой деятельности является отечественный и восточноевропейский медиарынок⁴, а не различные сферы, как у Газпрома. Но вопрос, что считать разными сферами деятельности, субъективны, поскольку можно рассматривать деятельность данной структуры исключительно как сферу СМИ, но также возможно считать разными такие сферы, как: интернет-видеостинги, реклама, телевидение, радио, журналы.

Я. Паппэ рассматривал деятельность Газпрома и других российских государственных корпораций в рамках разграничения частного и государственного сектора, при этом отмечая бурное развитие Газпром-Медиа в 2000-е годы, что связано с переходом Медиа-Моста В. Гусинского в Газпром-Медиа [11, с. 38]. То есть Я. Паппэ не выделяет Газпром-Медиа как корпоративную структуру для отдельного изучения и анализирует деятельность Газпром-Медиа неразрывно от Газпрома.

Государство контролирует более 50% акций Газпрома, который в свою очередь является основателем АО «Газпромбанк», владеющего 100% АО «Газпром-Медиа Холдинг»⁵, что позволяет охарактеризовать данное общество как близкое к государству. Подобная практика структурирования медиаресурсов, на наш взгляд, характеризует тенденцию к усилению взаимодействия корпоративного сектора как партнера государства [4, с. 21] и расширению роли конечного стейкхолдера, ко-

¹ Из названия АО «Газпром-Медиа Холдинг» следует то, что данная структура относится к холдинговому типу корпораций, т. е. является крупной организацией, имеющей управляющую и управляемые (дочерние) компании. Однако Я. Паппэ отмечает, что «формальная структура собственности в компаниях и ИБГ радикально отличается от холдинговой». Разграничивая ИБГ и холдинги среди типов имущественных ИБГ, в которых вопрос собственности является ключевым, Я. Паппэ выделяет: классические и распределенные холдинги, что порождает определенные противоречия в определении ИБГ. С. Перегудов под ИБГ понимает «довольно жестко управляемый холдинг с сильным центральным звеном во главе», считая ИБГ собирательным названием для большинства российских корпораций, но при этом, разграничивает ИБГ и холдинги.

² Эксперт-400 сменил рейтинг Эксперт-200.

³ Рейтинг крупнейших компаний России по объему реализации продукции // Сайт Рейтингового агентства «Эксперт» [Электронный ресурс]. URL: <https://raexpert.ru/rankingtable/expert400/2013/main/> (дата обращения: 07.03.2018).

⁴ О компании «Газпром-Медиа» // Официальный сайт АО «Газпром-Медиа Холдинг» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-media.com/ru/about/index> (дата обращения: 07.03.2018).

⁵ Холдинг «Газпром-Медиа» указали в новом санкционном списке США // Официальный сайт «РБК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/57c84f799a79479137c24561> (дата обращения: 07.03.2018).

торым является государство. Холдинг контролирует хозяйственную деятельность СМИ, самостоятельно определяет свою финансовую политику, формирует команды управленцев и т. д.

Структура Газпрома представляет собой вертикально интегрированные компании, что соответствует признакам «пирамидального» вида ИБГ, так как его структура состоит из вертикально интегрированных компаний, являясь владельцем акций дочерних элементов и, фактически, «замыкает» на себе руководство (А. Миллер — Председатель правления Газпрома, а также Председатель совета директоров Газпром-Медиа).

Как отмечает Ю. Маркина, медиахолдинг «Газпром-Медиа» структурирован по диагональному типу «перекрестной» формы концентрации собственности, т. е. при слиянии разнородных медиаресурсов [5, с. 135]. Действительно, Газпром-Медиа в его нынешнем виде включает в себя 7 телеканалов развлекательного, спортивного и информационного типа, 10 радиостанций, 2 издательских дома, 2 сейлз-хауса, 3 центра кинопроизводства, 5 интернет-площадок с видеоконтентом и др.¹ Таким образом, можно отметить различные сферы, где участвует данный медиахолдинг.

В 2009 г. Я. Паппэ уточнил характеристики ИБГ², что указывает на процесс эволюционирования данной корпоративной формы в России. Если ранее одной их характеристик выступала оценка структурных элементов в соответствии с критериями экономической эффективности, то в настоящее время важной составляющей является организационная форма. В общем виде рассматриваемые характеристики следующие [12, с. 15–16]:

- 1) часть организаций (элементов), входящих в ИБГ, являются коммерческими структурами, с точки зрения гражданского законодательства, и их официальной целью является максимизация прибыли;
- 2) между организациями существуют постоянные тесные связи;
- 3) имеется центр принятия решений ИБГ (либо деятельности центр, либо специальная управленческая структура).

С учетом вышесказанного можно отметить, что характеристики ИБГ, приведенные Я. Паппэ, находят свое отражение и в Газпром-Медиа. Во-первых, с организационно-правовой точки зрения, входящие в состав Газпром-Медиа элементы имеют организационно-правовые формы: ООО, АО, ЗАО, что говорит об официально декларируемой коммерческой направленности. Во-вторых, подконтрольные Газпром-Медиа элементы осуществляют взаимодействие и координацию между собой. Например, большинство телевизионных каналов, входящих в Газпром-Медиа, размещают свой контент в подконтрольный Газпром-Медиа российский видеохостинг Rutube. В-третьих, центром решений являются входящие в структуру генеральные директора по направлениям деятельности и высший уровень — совет директоров акционерного общества во главе с Председателем совета директоров Газпром-Медиа А. Миллером. Данный высший управленческий уровень осуществляет руководство Газпром-Медиа.

Значимым, на наш взгляд, противоречием является выделение всего лишь двух типов интегрирующих механизмов ИБГ — имущественного и управленческого [12, с. 28]. На наш взгляд, возможно применение данных двух механизмов в совокупности — основываясь как на имущественных отношениях, так и на управленческих функциях. Однако типа, учитывающего совместное применение двух механизмов,

¹ «Наш бизнес» // Официальный сайт АО «Газпром-Медиа Холдинг» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-media.com/ru/company-group/index> (дата обращения: 10.03.2018).

² Изначальные характеристики ИБГ См.: Паппэ Я. Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992–2000. М. : ГУ-ВШЭ, 2000.

концепция не содержит. Данный пробел в концепции не позволяет правильным образом классифицировать ИБГ в жестких рамках выделенных типов. М. Евневич похожим образом рассматривала данную проблему сочетания управленческих и финансовых связей, но с экономической и менеджериальной точек зрения [13], для нас же интерес представляет применение политических инструментов для обеспечения корпоративных интересов.

Например, корпоративная структура Медиа-Мост, активы которой впоследствии перешли к Газпром-Медиа, рассматривается Я. Паппэ как имущественная ИБГ [8, с. 39]. Однако Газпром-Медиа считать имущественной ИБГ, на наш взгляд, некорректно. Представляется, что Газпром-Медиа по типу интегрирующих механизмов можно отнести как к имущественным ИБГ, так и к управленческим. Современные корпоративные структуры имеют собственные отделы для слаженного управления и различные GR-отделы для взаимодействия с органами государственной власти и должностными лицами. Тем не менее, важно обратиться к указанной Я. Паппэ классификации функций управленческих ИБГ [12, с. 31]:

- 1) выполнение функций исполнительного органа управления (иначе говоря, предоставление полного комплекса управленческих услуг);
- 2) предоставление комплекса финансово-инвестиционных услуг;
- 3) управление снабжением и сбытом;
- 4) лоббирование и обеспечение мер государственной поддержки.

Функция «лоббирования и обеспечения мер государственной поддержки» имеет важнейшее значение и отражает характер взаимодействия корпоративных структур и государства. Существует множество понятий лоббизма, но, на наш взгляд, в данном контексте необходимо рассматривать его как «деятельность по представительству и отстаиванию интересов через воздействие на должностных лиц и органы публичной власти в целях влияния на формирование и осуществление государственной политики» [7, с. 5]. Именно отстаивание интересов и воздействие на должностных лиц отражают политический характер отношений ИБГ и властных структур.

При продвижении корпоративных интересов в российском политическом поле ключевыми являются методы прямого психологического влияния, с использованием личных контактов [7, с. 45] и административного ресурса [15, с. 249]. Ярким примером, демонстрирующим лоббистское содержание ИБГ, является то, что в июне 2015 г. А. Миллер обратился с предложением к Президенту РФ В. Путину о создании общероссийского обязательного общедоступного канала спортивной направленности, при этом отмечая, что Газпром-Медиа берет на себя финансовые обязательства, тем самым снижая бюджетные затраты¹. Президентом РФ было дано поручение Правительству РФ совместно с ФГУП «ВГТРК», АО «Газпром-Медиа Холдинг», АНО «Спортивное вещание» и Олимпийским комитетом России создать телеканал², который впоследствии стал именоваться «Матч ТВ».

Необходимо отметить, что подобная прямая властная инициатива по созданию СМИ с перечисленными выше характеристиками обладает признаками государственного (зависимого) типа корпоративных отношений, в соответствии с теорией корпоративизма Ф. Шмиттера [18, с. 102]. Важным признаком данного типа является создание и удержание структурированных «корпораций» в качестве вспомогательных и зависимых от органов государства, легитимность и эффективность

¹Стенограмма заседания Совета по развитию физической культуры и спорта 2 июня 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/49615> (дата обращения: 10.03.2018).

²Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию физической культуры и спорта, состоявшегося 2 июня 2015 г. // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/49777> (дата обращения: 10.03.2018).

которых отличается от социального типа корпоративных отношений. Рассматриваемая функция характеризует не только взаимоотношения ИБГ и власти, но и отражает особенности сложившегося политического режима, при котором государство создает, определяет вектор деятельности и контролирует ИБГ, что также указывает на госкорпоративный характер.

Несмотря на то, что данной ИБГ было заявлено о снижении бюджетной нагрузки, нагрузка возросла — Правительством РФ в 2016 г. было выделено 850 миллионов рублей на распространение вещания «Матч ТВ»¹. Отмечалось, что проект Газпром-Медиа выйдет на самоокупаемость через три года (ноябрь 2018 г.), но Заместитель Председателя Правительства РФ В. Мутко в рамках проведения Всемирной зимней универсиады 2019 г. поручил разработать Минкомсвязи РФ проект Постановления Правительства РФ, в соответствии с которым планируется выделение финансовых средств, обеспечивающих расходы на производство и трансляцию данного мероприятия в размере 988 млн руб. в течение 2018 и 2019 гг.²

Несмотря на то, что в пояснительной записке к проекту документа указан исчерпывающий перечень возможных финансовых затрат и документ прошел антикоррупционную экспертизу, на наш взгляд, подобные взаимоотношения ИБГ и исполнительной власти носят именно бюрократический характер с целью поддержания самой власти и околоставных элит, а также несут в себе значительные коррупционные риски [16, с. 39], так как возможно сознательное завышение цен и получение дополнительного финансирования.

Рассматривая данную структуру, следует обратиться к ее корпоративным интересам, которые артикулированы в основных элементах стратегии Газпром-Медиа на период 2015–2021 гг., а именно: «рост в сегменте телевидения, радио и кинопроизводства, в том числе за счет региональной экспансии»; «вывод в лидеры сегмента «Спорт» и объединение всех медиа, связанных с этим направлением»³.

Артикулированные корпоративные интересы отражают целеполагание данной структуры на расширение сферы информационного влияния в регионах РФ и монополизацию в спортивной сфере. Достижение обозначенных в стратегии целей, на наш взгляд, возможно при сочетании как имущественных, так и управленческих механизмов. Но управленческие механизмы, на наш взгляд, играют большую роль, поскольку наблюдается тесное взаимодействие с властью, проявление лояльности или принадлежности к политической элите. Таким образом, существует необходимость выделения третьей группы ИБГ по типу интегрирующих механизмов — смешанной.

Рассматривая характер сложившихся отношений ИБГ — власть, следует отметить, что одной из важных причин данных отношений является антропологический кризис, как отмечает О. Митрошенков, повлекший снижение уровня «эффективности и культуры управления страной, свойственные власти и управленческой элите» [6, с. 509]. Похожей позиции придерживается и А. Чернышев, рассматривая бюрократические основания демократии, который указывает на то, что политик «по сути бюрократ, ибо дорвавшись до власти очень часто все силы бросает не на благо народа, а на удержание собственного могущества и продление времени властвования для своего окружения» [17, с. 127].

¹ Телеканал RT и агентство ТАСС получают меньше денег из бюджета, чем в прошлом году // Официальный сайт газеты «Ведомости» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2015/10/08/612081-rt-tass-menshe-deneg> (дата обращения: 10.03.2018).

² Телеканалу «Матч ТВ» могут выделить почти миллиард рублей на показ Универсиады // Официальный сайт газеты «Ведомости» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2017/08/07/728366-match-tv> (дата обращения: 10.03.2018).

³ Стратегия развития «Газпром-Медиа Холдинга» // Официальный сайт АО «Газпром-Медиа Холдинг». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom-media.com/ru/page/Strategy> (дата обращения: 10.03.2018).

Анализ в данной статье концепции ИБГ Я. Паппэ в рамках кейс-стади Газпром-Медиа демонстрирует нам, что ИБГ — не устаревшая концепция, и многие корпоративные структуры России можно определить как ИБГ. В то же время, кейс современной корпоративной структуры позволяет говорить об неотчуждаемости политической составляющей в концепции ИБГ. Политическая составляющая обусловлена характером сложившегося политического режима и государственным типом корпоративных отношений, где роль властных структур существенна. По этой причине ИБГ приходится существовать и в политическом пространстве, а значит, обладать политической субъектностью.

Литература

1. Байчик А.В. Российские медиахолдинги: особенности становления // Век информации. 2015. № 1. С. 355–367.
2. Галеева В.Р. Интегрированные бизнес-группы как инструмент развития нефтегазохимического комплекса РТ на примере группы компаний ТАИФ // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 17. С. 227–230.
3. Евневич М.А. Структуры управления ИБГ в России. Типы, принципы построения // Менеджмент сегодня. 2005. № 1. С. 10–17.
4. Кузина С.И., Черненко И.А. Российские профсоюзы: неокорпоративная модель представительства интересов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 1. С. 17–24.
5. Маркина Ю.В. Современное понимание процессов концентрации в сфере СМИ и формы медийной собственности в России // Вестник ВГУ. Сер.: Филология. Журналистика. Воронеж : Изд. центр ВГУ, 2014. С. 134–139.
6. Митрошенков О.А. Некоторые особенности управленческой идентичности в России: к постановке проблемы // Вопросы социальной теории. 2010. № 4. С. 508–512.
7. Павроз А.В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. СПб. : Издательство РХГА, 2016.
8. Паппэ Я.Ш. «Олигархи»: Экономическая хроника, 1992–2000. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
9. Паппэ Я., Галухина Я. Российские корпорации: от олигархических структур до неправых субъектов мирового рынка // Неприкосновенный запас. 2006. № 4/5. С. 16–29.
10. Паппэ Я.Ш. Российский крупный бизнес как экономический феномен: особенности становления и современного этапа развития // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 29–46.
11. Паппэ Я.Ш., Антоненко Н.С. Изменение соотношения между частным и государственным секторами в российском крупном бизнесе в 2000–2013 гг.: субъектный подход // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3 (144). С. 32–45.
12. Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М. : Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2009.
13. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М. : Наука, 2003.
14. Перегудов С.П. Крупная корпорация как субъект публичной политики. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2006.
15. Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. М. : Прогресс-Традиция, 2008.
16. Россия 2030 глазами молодых ученых: Материалы Всероссийской научной конференции, 11 марта 2011 г., Москва. М. : Научный эксперт, 2011.
17. Чернышев А.Г. Власть как «вечный» двигатель: монография. М. : Проспект, 2018.
18. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World. / F. Pike and T. Stritch (eds.). London , 1974. P. 85–131.

Об авторе:

Костин Александр Эмильевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), aleksandr.e.kostin@gmail.com

References

1. Baichik A.V. Russian media holdings: features of formation // Information age [Vek informatsii]. 2015. N 1. P. 355–367. (In rus)
2. Galeeva V.R. Integrated business groups as a tool for the development of the petrochemical and gas complex of the city of Perm on the example of the group of companies TAIF // Bulletin of the Kazan Technological University [Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta]. 2013. N 17. P. 227–230. (In rus)
3. Evnevich M.A. Management structures of IBG in Russia. Types, construction principles // Management today [Menedzhment segodnya]. 2005. N 1. P. 10–17. (In rus)
4. Kuzina S.I., Chernenko I.A. Russian trade unions: an unincorporated model of representation of interests // State and municipal management. Scientific notes SKAGS [Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS]. 2014. N 1. P. 17–24. (In rus)
5. Markina Yu. V. Modern understanding of the processes of concentration in the media and forms of media ownership in Russia // Vestnik VSU. Ser.: Philology. Journalism [Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika]. Voronezh : VSU, 2014. P. 134–139. (In rus)
6. Mitroshenkov O.A. Some features of managerial identity in Russia: to the formulation of the problem // Issues of social theory [Voprosy sotsial'noi teorii]. 2010. N 4. P. 508–512. (In rus)
7. Pavroz A.V. Lobbyism: institutional foundations and practices of political influence in democratic societies. SPb. : Publishing House of the Russian State Archive of Artists, 2016. (In rus)
8. Pappe Y.Sh. «Oligarchs»: Economic Chronicle, 1992–2000. M. : State University — Higher School of Economics, 2000. (In rus)
9. Pappe Y., Galukhina Y. Russian corporations : from oligarchic structures to full-fledged subjects of the world market // Inviolable stock [Neprikosnovennyi zasap]. 2006. N 4/5. P. 16–29. (In rus)
10. Pappe Y. Russian Big Business as an Economic Phenomenon: Peculiarities of Formation and the Current Stage of Development // Problems of Forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2002. N 1. P. 29–46. (In rus)
11. Pappe Y.S., Antonenko N.S. The change in the ratio between the private and public sectors in Russian large business in 2000–2013: subjective approach // Problems of forecasting [Problemy prognozirovaniya]. 2014. N 3 (144). P. 32–45. (In rus)
12. Pappe Y.S., Galukhina Y.S. Russian big business: the first 15 years. Economic Chronicles 1993–2008. M. : Publishing House of the State University — Higher School of Economics, 2009. (In rus)
13. Peregudov S.P. Corporations, society, state: the evolution of relations. M. : Nauka [Science], 2003. (In rus)
14. Peregudov S.P. A large corporation as a subject of public policy. M. : Publishing House of the State University — Higher School of Economics, 2006. (In rus)
15. Peregudov S.P., Semenenko I.S. Corporate citizenship: concepts, world practice and Russian realities. M. : Progress-Traditsiya, 2008. (In rus)
16. Russia 2030 through the eyes of young scientists: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, March 11, 2011, Moscow. M. : Scientific Expert, 2011. (In rus)
17. Chernyshev A.G. Power as an “eternal” engine: monograph. M. : Prospekt, 2018. (In rus)
18. Schmitter Ph. Still the Century of Corporatism? // The New Corporatism. Social-political Structures in the Iberian World / F. Pike and T. Stritch (eds.). London, 1974. P. 85–131.

About the author:

Aleksandr E. Kostin, Graduate Student of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), aleksandr.e.kostin@gmail.com

Основные направления российско-китайского сотрудничества: история и современность

Рыбкин Р. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ronald.rybkin@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье проанализированы российско-китайские отношения в широкой исторической перспективе и современный период. Обобщены результаты изучения экономических, культурных, военных и политических отношений. В статье рассматриваются следующие вопросы: исследована история российско-китайских отношений, проведен анализ взаимоотношений России и Китая в экономической, культурной, военной и политической сферах. По мнению автора, взаимная выгода тесного сотрудничества для обеих стран в настоящее время и в обозримом будущем будет способствовать развитию российско-китайских отношений в направлении углубления взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах.

Ключевые слова: Россия, Китай, торговля, развитие, сотрудничество, оборона

The Main Directions of Russian-Chinese Cooperation: History and Modernity

Rybkin R. Yu.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation, ronald.rybkin@mail.ru

ABSTRACT

In the article, the Russian-Chinese relations in broad historical prospect and the modern period are analyzed. Results of studying of the economic, cultural, military and political relations are generalized. In the article, the following questions are considered: the history of the Russian-Chinese relations is investigated, the analysis of relationship of Russia and China in economic, cultural, military and political spheres is carried out. According to the author, mutual benefit of close cooperation for both countries will also contribute now in the near future to the development of the Russian-Chinese relations in the direction of deepening of mutually beneficial cooperation in all spheres.

Keywords: Russia, China, trade, development, cooperation, defense

При рассмотрении российско-китайских отношений важнейшими исходными факторами будет то, что Россия и Китай являются двумя крупнейшими странами мира (Россия — по территории, Китай — по численности населения), эти две страны вместе занимают половину территории Евразии, в этих странах живет треть населения Евразии. Россия и Китай — соседние страны, общая граница наших стран протянулась на три с лишним тысячи километров. При таких геополитических условиях Россия и Китай неизбежно должны вступать во взаимоотношения, и, что желательно для обеих стран, во взаимоотношения взаимовыгодного сотрудничества.

Сейчас уже можно уверенно констатировать, что Россия и Китай действительно выбрали стратегическое сотрудничество. В истории отношений России и Китая случались периоды напряженных отношений и даже несколько локальных вооруженных конфликтов, но можно надеяться, что все это уже в прошлом. В наше время обе страны демонстрируют полное понимание того объективного факта, что дружба и сотрудничество России и Китая выгодны обеим странам.

Эпизодические контакты России и Китая прослеживаются с глубокой древности, однако организованные взаимоотношения на официальном уровне начали устанавливаться с начала XVII в., когда Россия присоединила Сибирь, и наши две страны стали соседями. Первый в истории договор между Россией и Китаем (тогда называвшемся империей Цин), был заключен в 1689 году, это был так называемый Нерчинский договор. Нерчинский договор установил границу между Россией и Китаем по р. Амур (с уточнениями согласно Буринскому договору 1727 г.), и эта граница на значительном своем протяжении существует и по сей день. В 1727 г. был заключен Кяхтинский договор — первый торговый договор между Россией и Китаем. Торговым договором был и Кульджинский договор 1851 г.

В 1858 г. по Айгунскому договору России удалось существенно изменить границу в свою пользу — Россия получила Уссурийский (ныне Приморский) край. Далее важнейшими документами в урегулировании взаимоотношений России и Китая были Пекинская конвенция 1860 г., Чугучакский протокол 1864 г., договор об Илийском крае 1881 г., договор о строительстве КВЖД 1896 г., конвенция о предоставлении России Порт-Артура 1897 г., конвенция о статусе КВЖД и Порт-Артура 1898 г. [5, с. 44].

Первая половина XX в. в Китае (как, впрочем, и в России) была сложным периодом революций, войн и гражданских конфликтов. Россия (тогда — СССР) активно помогала революционным силам Китая, возглавлявшимся Мао Цзэдуном, добиться победы как в войне против японских интервентов, так и гражданской войне против сил Гоминдана. Китайское государство в современной форме Китайской Народной Республики (КНР) было создано 1 октября 1949 г., СССР первым признал это государство уже на следующий день и заключил с КНР договор о дружбе. Первые годы существования КНР, до изменения политического курса в СССР в середине 1950-х годов, были периодом наиболее дружественных отношений в истории СССР и Китая. СССР передал Китаю КВЖД и Порт-Артур. Уровень доверия был столь высок, что СССР даже оказал Китаю помощь в создании атомного оружия.

Отношения резко ухудшились после XX съезда КПСС и отказа от сталинской идеологии в СССР. Китайское руководство расценило это как отход от идеалов социализма. К середине 1960-х годов советско-китайские отношения были прекращены почти полностью (кроме дипломатических отношений). В 1969 г. случился даже ряд вооруженных пограничных конфликтов.

Отношения стали вновь налаживаться в последние годы существования СССР. В 1989 г. последний Генеральный секретарь КПСС, он же Президент СССР, М. С. Горбачев совершил официальный визит в КНР, это стало настоящим прорывом. С того времени взаимоотношения России и Китая динамично и непрерывно развиваются во всех сферах. В 2001 г. был заключен российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, а также создана Шанхайская организация сотрудничества. В 2005 г. был урегулирован последний спорный пограничный вопрос — Китай получил полтора острова на реке Амур, чем отчасти морально компенсировал передачу России Приморского края полутора столетиями ранее. Больше территориальных споров между Россией и Китаем нет.

Китайское руководство постоянно подчеркивает дружелюбие по отношению к России, даже на уровне символических жестов, очень существенных в восточной культуре. Например, на саммите АТЭС в 2014 г., проходившем в Пекине, стол, за которым расселись лидеры стран-участниц, был украшен в цвета флага России, и председатель (название должности высшего руководителя КНР традиционно переводится на русский язык словом «председатель», а не «президент») Си Цзиньпин лично приехал на открытие зимней Олимпиады в Сочи-2014, в отличие от большинства лидеров стран Запада. Министр иностранных дел России С. В. Лав-

ров даже оценил нынешнее состояние российско-китайских отношений как «наилучшие за всю историю»¹.

Дадим краткий обзор российско-китайских отношений на настоящее время, отношений в экономической, культурной, военной и политической сферах.

Китай является крупнейшим торговым партнером России, на Китай приходится около 10% российского внешнеторгового оборота. Доля России во внешней торговле Китая менее значительна и составляет около 2,3% [1, с. 8]. Хотя в последние годы отмечается некоторое падение российско-китайского товарооборота, с 87,5 млрд долл. в 2012 г. до 68,06 млрд в 2016 г.², большинство аналитиков уверено, что это эпизодический спад, обусловленный временными факторами, и объективных долгосрочных причин для сокращения российско-китайской торговли нет [4].

Структура российско-китайской торговли менялась довольно значительно на протяжении последних двух десятилетий. В начале 1990-х годов доля машин и оборудования в российском экспорте в Китай составляла 35,2%, сейчас она упала до 1,12%; с другой стороны, доля древесины и изделий из нее выросла за тот же период с 0,9 до 11,7%, доля минерального топлива, нефти и нефтепродуктов — с 4,2 до 34,8%. В китайском импорте в Россию в 1990-е годы преобладала продукция легкой промышленности, ныне же 40,9% поставляемой из Китая в Россию продукции составляют машины и оборудование [6, с. 212]. Речь тут идет, конечно, о машинах и оборудовании гражданского назначения, в сфере военной техники экспорт идет из России в Китай.

Важнейшим элементом экономического сотрудничества России и Китая является поставка в Китай энергоносителей, что дает возможность развивать китайскую экономику, поскольку собственные ресурсы Китая недостаточны для обеспечения энергией такой мощной экономики. Сотрудничество в энергетической области является стратегическим и крайне выгодным для обеих стран — России китайский рынок энергоносителей обеспечивает стабильный сбыт даже при сложностях торговли с Европой («второй энергопакет» ЕС и риски украинского транзита), Китаю российский источник энергоносителей обеспечивает снижение уровня зависимости от поставок из контролируемых США стран Персидского залива.

В 2006 г. Россия и Китай подписали ряд меморандумов в области поставок российских энергоресурсов (о строительстве двух газопроводов мощностью 60–80 млрд м³ газа в год — «Алтай» и «Сила Сибири»; поставки газа по «Силе Сибири» в Китай планируется начать через два года); о строительстве отвода на китайскую территорию от нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО) — проект реализован, поставки нефти по этому трубопроводу начались в 2011 г.; о строительстве в Китае совместных нефтеперерабатывающих предприятий; о поставках в Китай электроэнергии — до 60 млрд кВт/ч) [2, с. 212].

В 2014 г. российский «Газпром» и Китайская национальная нефтегазовая корпорация (CNPC) подписали договор на поставку газа объемом до 38 млрд м³ в год сроком на 30 лет. Этот контракт является крупнейшим контрактом на поставку газа в мировой истории. Газопроводы, нефтепроводы и линии электропередач связывают Россию и Китай надежнее, чем любые договоры.

В 2014 г. в Шанхае в ходе визита президента России В. В. Путина был подписан новый ряд перспективных документов о российско-китайском сотрудничестве, общим количеством 46 соглашений, включая: соглашение о сотрудничестве российских и китайских железных дорог (совместное развитие транспортной инфраструктуры

¹ Лавров С. В. Уроки истории и новые рубежи // Российская газета. 2015. Федеральный выпуск № 6758 (187), 23 августа 2015 г.

² Товарооборот между Китаем и Россией в январе сократился на 8,9% [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/economics/24840970/> (дата обращения: 20.03.2018).

с целью создания конкурентоспособной системы железнодорожных перевозок по транспортному коридору Китай — Россия — Европа); о сотрудничестве в валютной сфере (с целью перехода на прямые расчеты в национальных валютах для снижения зависимости от доллара); о совместном создании нового пассажирского самолета; о совместном возведении нового моста через реку Амур (работы начались); о поставках сжиженного газа в рамках проекта «Ямал СПГ» и т. д.

России и Китаю стратегически весьма выгодно формирование «Шелкового пути» — транспортного коридора, который пройдет частично через Россию, усиливая экономическую связь Азии и Европы. Образование подобного коридора, усиливающего экономическую интеграцию Евразии, существенно изменит экономическую и политическую ситуацию в мире.

Масштабные и постоянно развивающиеся экономические связи России и Китая создают условия развития наших стран на ближайшие десятилетия и свидетельствуют о создании нового глобального экономического явления. Экономическое сотрудничество наших стран — фактор стабильности в сложной мировой экономической ситуации.

Военное сотрудничество России и Китая представляет собой важнейшую часть сотрудничества, это сотрудничество имеет и экономическую, и политическую составляющую. Экономическая составляющая военных поставок обеспечивает заказами российскую промышленность, политическая составляющая основана на том, что поставки вооружений возможны только между дружественными странами.

С 1992 г. работает Российско-китайская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству. Она определяет основные направления взаимодействия и пути реализации проектов между двумя странами в области военного сотрудничества. С того же 1992 г. Россия поставляла в Китай истребители Су-27; в 1995 г. Китаю проданы четыре подводные лодки; в 2005 г. — четыре эсминца и двенадцать подводных лодок. Также в разные годы Китаю были поставлены противокорабельные ракеты «Москит», зенитно-ракетный комплекс «Тор-М»; крылатые ракеты М-80Э; зенитно-ракетные комплексы С-300 ПМУ1; танки Т-80У и многое другое¹. С 2005 г. регулярно проводятся совместные российско-китайские военные учения сухопутных и военно-морских сил [7, с. 155–159].

Политическое сотрудничество России и Китая объясняется общими интересами в геополитическом противостоянии США. Последние семьдесят лет Россия (ранее — СССР) существует в ситуации соперничества с США; к настоящему времени и Китай, превращаясь в ведущую мировую экономику, стал восприниматься в США угрозой для экономических и, следовательно, политических интересов США. Не остались, конечно, незамеченными попытки организовать цветные революции в 1989 г. на ставшей с тех пор широко известной площади Тяньаньмэнь, а в 2014 г. — в Гонконге.

Сотрудничество России и Китая идет непрерывно. Ежегодно проходят взаимные визиты министров иностранных дел обеих стран, они также постоянно обмениваются мнениями «на полях» международных совещаний, организуемых, в частности, под эгидой ООН, АТЭС, «Группы двадцати», ШОС, БРИКС. МИДы двух стран постоянно сотрудничают на уровне заместителей министров и начальников отделов.

Наиболее ярко российско-китайское согласие в сфере международных отношений проявляется в принципиально важных для обеих стран политических проблемах. Для Китая это проблемы Тайваня и Тибета. Россия не признает существование независимого государства на Тайване и поддерживает принцип территориальной целостности Китая. США же, формально не признавая независимое государство на Тайва-

¹ Депутат опроверг поставку комплексов С-400 в Китай [Электронный текст]. URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/58d09ae79a794764c81973bf?utm_source=main (дата обращения: 12.01.2018).

не, фактически поддерживают его, в том числе и в военном отношении, поставляют на Тайвань вооружение и даже выступают с обещаниями защищать Тайвань от внешних врагов (имея в виду в качестве этого врага Китай)¹. Сходная ситуация сложилась и по тибетскому вопросу. СССР и Россия с 1950 г. считали и считают Тибет неотъемлемой частью КНР. США же, формально не признавая независимости Тибета, фактически всячески содействуют тибетским сепаратистам, сотрудничают с тибетским правительством в изгнании и его главой Далай-ламой и исходят из представления о том, что Тибет — оккупированная Китаем территория [3, с. 148].

Китай, в свою очередь, всегда поддерживал и поддерживает действия России в связи с украинским кризисом, одобрил воссоединение Крыма с Россией². Китай не словом, а делом поддержал Россию и в борьбе против западных санкций. В условиях антироссийских санкций Китай только активизировал экономическое сотрудничество с Россией и предоставил, например, крупный кредит для строительства «Силы Сибири». Ситуация с воссоединением Крыма с Россией в некотором отношении аналогична ситуации воссоединения Тибета с Китаем. Оба эти действия вызвали неблагоприятную оценку большинства западных стран, и, как показывает пример Тибета, неудовольствие по поводу Тибета эти страны выражают уже 67 лет. Вероятно, неудовольствие по поводу Крыма будет длиться не меньше. Впрочем, как показывает пример того же Тибета, это неудовольствие большого практического значения не имеет.

Отдельного упоминания заслуживает организация БРИКС (BRICS — Brazil, Russia, India, China, South Africa), созданная в 2006 г. в рамках Петербургского экономического форума (первоначально без ЮАР). На долю стран БРИКС приходится 26% территории Земли, 42% населения и 27% мирового ВВП³. Организация была создана как экономический консультационный совет для согласования экономических стратегий участвующих стран, но постепенно приобретает и черты политического совета, участвующие страны обмениваются мнениями и по политическим вопросам. В рамках БРИКС планируется создание пула валютных резервов (аналог МВФ), планируется создание межбанковской системы информации и платежей (аналог SWIFT), а Банк развития стран БРИКС (аналог Всемирного банка) уже создан в 2015 г.

В качестве выводов можно отметить следующее.

1. Китай и Россию объединяют и сближают два принципиальных фактора: рост торгового обмена и осуществление совместных проектов в сфере энергетики и транспорта выгодны обеим странам; совместное противодействие внешним угрозам является обязательным условием экономического развития. При таких условиях всегда существующие между партнерами споры оказываются несущественными и решаемыми с учетом взаимных интересов России и Китая. Подходы России и КНР к принципиальным вопросам современной международной политики совпадают или близки.
2. Экономики Китая и России гармонично взаимодействуют. В России производится то, чего Китаю не хватает, например, углеводороды, оружие и атомные электростанции, в Китае производится то, чего не хватает России.
3. Как сказал С. В. Лавров: «Намерены и далее рука об руку с китайскими друзьями делать все необходимое для того, чтобы обеспечить выход нашего сотруд-

¹ Габуев А. Островной конфликт переходит в хронический. Китай и США повышают градус взаимных претензий [Электронный текст]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1265351220> (дата обращения: 07.12.2017).

² Крутиков Е. Мы хорошо знаем историю принадлежности Крыма // Взгляд. 21 ноября 2014 [Электронный текст]. URL: <https://vz.ru/world/2014/11/21/716499.html> (дата обращения: 12.12.2017).

³ BRICS in numbers [Электронный текст]. URL: <http://en.brics2015.ru> (дата обращения: 12.12.2017).

ничества на новые исторические рубежи на благо наших народов, во имя утверждения на международной арене идеалов справедливости и равноправия»¹.

Литература

1. Баркова С. А., Волкова Е. Н. Внешнеторговые отношения России со странами-членами БРИКС // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2013. № 16. С. 7–11.
2. Золотова Я. А. Состояние внешней торговли между Россией и Китаем // Россия и Китай. Материалы V международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2015.
3. Кузьмин С. Л. Тибетское государство: исторические факты и международное право // Eurasia: Statum et Legem. 2015. Т. 1. № 4. С. 148–157.
4. Муратшина К. Г. Становление и эволюция стратегического партнерства РФ и КНР в конце XX — начале XXI в. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=181326&filter=1>.
5. Мясников В. С. Русско-китайские отношения 1689–1916. М. : Политическая литература, 1958.
6. Новопашина А. Н. Инвестиционное сотрудничество России и Китая: проблемы развития // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IV международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2014.
7. Цуй Чжэн. Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в контексте инновационного развития стран БРИКС. Дис. канд. ... полит. наук. М. : МГУ, 2015.
8. Чжан Би Юй. Тенденции развития туристического комплекса Китая. Дис. канд. ... экон. наук. М. : МГУ, 2015.

Об авторе:

Рыбкин Рональд Юрьевич, аспирант кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ronald.rybkin@mail.ru

References

1. Barkova S. A. Russia's foreign trade relations with the BRICS states // Problems of modern economy. 2013. N 16. P. 7–11. (In rus)
2. Zolotova Y. A. The state of foreign trade between Russia and China // Russia and China. Materials of the V international scientific and practical conference. Blagoveshchensk, 2015. (In rus)
3. Kuzmin S. L. Tibetan state: historical facts and international law // Eurasia: Statum et Legem. 2015. V. 1, N 4. P. 148–157. (In rus)
4. Muratshina K. G. Formation and evolution of strategic partnership between the Russian Federation and the People's Republic of China in the late twentieth and early twenty-first centuries [Electronic resource]. URL: <http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=181326&filter=1> (In Russ.)
5. Myasnikov V. S. Russian-Chinese relations 1689–1916. M. : Political literature [Polinecheskaya literarura], 1958. (In rus)
6. Novopashina A. N. Investment cooperation between Russia and China: development problems // Russia and China: history and prospects for cooperation. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Blagoveshchensk, 2014. (In rus)
7. Cui Zheng. Scientific and technical cooperation between Russia and China in the context of innovative development of the BRICS countries. Dissertation. M. : MSU, 2015. (In rus)
8. Zhang Bee Yu. Trends in the development of China's tourist complex. Dissertation. M. : MSU, 2015. (In rus)

About the author:

Ronald Yu. Rybkin, Graduate Student of the Chair of International Relations of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); ronald.rybkin@mail.ru

¹ Лавров С. В. Уроки истории и новые рубежи // Российская газета. 2015. Федеральный выпуск № 6758 (187), 23 августа 2015 г.

Особенности формирования стратегии продовольственного рынка Санкт-Петербурга

Воронков С. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; vrnkvsrg@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрена особенность текущего состояния продовольственного рынка Санкт-Петербурга. Проанализировано представительство предприятий на рынке Санкт-Петербурга. На основании этого произведен анализ обеспеченности города собственными ресурсами для реализации стратегии продовольственного рынка. Проблема обеспечения ресурсами вызывает необходимость сотрудничества с предприятиями других регионов, в первую очередь — Ленинградской области (из-за территориальной близости и наличия устойчивых экономических отношений). Сформулированы задачи, решение которых способствует созданию стратегии продовольственного рынка Санкт-Петербурга и ее дальнейшей реализации.

Ключевые слова: качество жизни, сельское хозяйство, стратегия, продуктовый рынок

Features of Strategy's Creation of the St. Petersburg Food Market

Voronkov S. S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; vrnkvsrg@gmail.com

ABSTRACT

The article describes the features of the current state of the St. Petersburg food market. On the basis of data on the representation of companies in the St. Petersburg market is made the analysis of the security of the city's own resources for the implementation of the food market strategy. But due to the absence of such security, further development of this market must be in close cooperation with enterprises of other regions, primarily with enterprises of Leningrad region because of the geographical proximity and the availability of stable economic relations. Formulated several tasks, the implementation of which contributes to the creation of the St. Petersburg food market strategy and its further realization.

Keywords: quality of life, agriculture, strategy, food market

В СССР активно разрабатывались планы развития страны на определенные промежутки времени, был накоплен богатый опыт практического использования программно-целевого подхода, как в области государственного управления, так и в области народного хозяйства [1, с. 13]. Однако далеко не все планы были выполнены. По словам В. Л. Квинта, «диктатура не способствует реализации стратегий, если она на этом не сконцентрирована» [3, с. 60]. Только в 1999–2000 гг. кроме перспективного планирования стали заниматься стратегией [4, с. 78].

В последние годы в Российской Федерации было разработано большое количество стратегий развития, реализуемых на уровне регионов, городов страны. На федеральном уровне принят закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Можно сказать, что в российской практике последних лет проявился интерес к стратегированию. И это очень отраднo, поскольку по мнению крупнейшего экономиста современности Эдмунда Фелпса, в наибольшей степени влияют на эффективность экономики стратегии, реализующие созданные в стране раз-

работки (home-grown innovations), т. е. рост собственной технологической культуры и появление „технологий национального производства“ [4, с. 81].

Однако в нашей стране остро ощущается нехватка специалистов, которые правильно понимают терминологию, принципы, последовательность и правила формирования стратегий, сформулированные в трудах ведущих ученых [12; 13]. Как отмечает академик В.Л. Квинт «разработкой стратегии в основном занимаются некомпетентные в этом деле люди. Нужна профессиональная подготовка в сфере стратегирования»¹. В 2007 г. в Московской школе экономики МГУ им. М.В. Ломоносова была создана кафедра финансовой стратегии, которая, по мнению исследователей [2, с. 154] является единственной в России, готовящей подобных профессионалов. В целом подготовка специалистов, обучение их методологии стратегирования и формирование команд для реализации проектов и программ является комплексной проблемой [1, с. 12].

В основе теории стратегирования находится понятие стратегии. Стратегия представляет собой сегодня важнейший экономический и политический документ, определяющий ключевые направления регионального развития. Совершенно очевидно, что верная стратегия — это наиболее философская, теоретическая и в то же время практическая составляющая успеха [8, с. 47]. Как утверждает В.Л. Квинт, фокусирование на стратегических приоритетах и выборе векторов ведет к долгосрочному успеху [5, с. 16].

Что же является самым важным в процессе стратегирования? Для стратега важно понимание текущей ситуации, всех проблем и возможностей развития ситуации, и необходимо предвидение закономерностей развития в будущем. Лучший стратег тот, кто на начало реализации стратегии сумел понять еще не выявленные тренды и закономерности, проанализировать их и правильно использовать [6, с. 6].

Также можно отметить, что интуиция все же дает лидерам и стратегам неоспоримые преимущества. Даже тогда, когда лидеры и стратеги вооружены определенными теориями, они могут приумножить и использовать это очень сильное оружие с помощью интуиции и трудолюбия [11, с. 95].

За последние годы в России, как уже было отмечено, было разработано достаточное количество стратегий, но, из-за отсутствия должных знаний, полного понимания того, как должна формироваться стратегия развития, данные стратегии не реализуются, хотя на их создание было затрачено большое количество разных ресурсов. Но среди всех разработанных стратегий есть одна, которая больше всех соответствует всем необходимым требованиям, имеет ресурсную базу для ее реализации, и самое главное, она реализуется на практике. Это стратегия экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 г. Это комплексный документ, содержащий обоснование инновационного сценария развития Санкт-Петербурга, описывающий приоритеты долгосрочного развития города на основании приоритетов Российской Федерации, определяющий миссию и систему целей экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2030 г. [8, с. 47] (Стратегия-2030).

Для поддержания конкурентных преимуществ города разработаны мероприятия Государственной программы Санкт-Петербурга «Развитие промышленности, инновационной деятельности и агропромышленного комплекса в Санкт-Петербурге» на 2015–2020 гг. [7, с. 321].

Авторы стратегии, описывая видение будущего Санкт-Петербурга, указывают, что город является самым комфортным в стране для проживания, образец европейского города, достигший основные показатели жизни населения уровня европей-

¹ Квинт В. Л. Владимир Квинт: у России нет четкой стратегии развития, отсюда наши беды [Электронный ресурс]. URL: http://www.aif.ru/money/economy/vladimir_kvint_kak_rossii_vyrvatsya_vperyod (дата обращения: 12.03.2018).

ских стран¹. Одной из составляющих для достижения данной цели является создание в городе стратегии продовольственного рынка. Его развитие необходимо и для достижения другой цели, заявленной в стратегии: средняя продолжительность жизни граждан города — 78 лет². Ведь от того, насколько качественные продукты потребляет население, в том числе зависит и продолжительность жизни.

Правда, в современных исследованиях до сих пор нет однозначного ответа о связи уровня жизни, ее продолжительности и обеспечения продуктами питания. Авторы так называемой концепции «ловушки бедности» утверждают, низкий уровень жизни, низкая производительность труда в развивающихся странах обусловлена бедностью, необеспеченностью их населения продуктами питания [9, с. 57].

В противовес данной точке зрения исследования нобелевского лауреата Ангуса Дитона показали, что низкий уровень доходов порождает и некачественное питание, и высокую заболеваемость [9, с. 57]. Тем не менее хорошее качество продуктов питания местного производства, безусловно, можно отнести к критерию хорошего качества жизни. А генеральная цель Стратегии-2030 — обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан.

Наличие сельскохозяйственных ресурсов является важным конкурентным преимуществом. По разнообразию и величине природно-ресурсного потенциала Россия опережает многие страны. У нас почти идеально (55:45%) соотношение промышленных и сельскохозяйственных ресурсов [9, с. 50].

Важность развития данных ресурсов настолько велика, что ряд продовольственных рынков входит в перечень приоритетных и социально значимых рынков в ряде регионов России. Например, рынок печеного хлеба является приоритетным в Нижегородской области, а рынки сельскохозяйственной отрасли — в Хабаровском крае [10, с. 47].

Для того чтобы достичь поставленных целей в Стратегии-2030, необходимо качественно проанализировать текущее состояние развития продуктового рынка Санкт-Петербурга и определить возможности его развития. В тексте Стратегии-2030 отмечено, что Санкт-Петербург сохраняет значительный промышленный потенциал благодаря лидерству в производстве продукции, в том числе и пищевой промышленности³.

В табл. 1 и 2 представлено распределение числа и доля числа предприятий различных видов экономической деятельности в Санкт-Петербурге, Ленинградской области, а также в Северо-Западном федеральном округе (далее — СЗФО).

В Санкт-Петербурге расположено больше половины предприятий всего СЗФО, при этом большая доля приходится на предприятия оптовой и розничной торговли, в том числе предприятия, реализующие продукты питания. Из этого можно сделать вывод о том, что Санкт-Петербург является своеобразным центром сбыта пищевой продукции, произведенной в самом городе и в близлежащих регионах, в первую очередь в Ленинградской области. В свою очередь, треть предприятий сельского хозяйства и лесных хозяйств расположены в Ленинградской области, что возможно осуществить, в том числе благодаря наличию достаточных мест точек сбыта своей продукции.

В Санкт-Петербурге 40% предприятий — это организации розничной торговли, в том числе реализующие продукты питания. Достаточное количество таких предприятий можно увидеть и в Ленинградской области (второе место в регионе), высокая доля, как уже отмечалось выше, и предприятий сельскохозяйственных производств. В табл. 3 представлено распределение числа предприятий по регионам

¹ Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://spbstrategy2030.ru> (дата обращения: 12.03.2018).

² Там же.

³ Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга до 2030 года.

**Распределение числа предприятий и организация
по видам экономической деятельности**
Table 1. Distribution of the number of enterprises and organization
by type of economic activity

Виды экономической деятельности	Регион		
	СЗФО	ЛО	СПб
Всего предприятий и организаций	616 159	3907	357 124
С/х, охота и лесное хозяйство	15 479	4834	1357
Рыболовство, рыбоводство	1270	136	124
Оптовая и розничная торговля	213 255	6973	144 644
Операции с недвижимым имуществом	125 212	9171	74 896
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	33 790	3004	14 929
Обрабатывающие производства	51 446	3537	29 337

Таблица 2

**Доля числа предприятий и организаций в СЗФО
по видам экономической деятельности**
Table 2. Share of the number of enterprises and organizations
in the North-West Federal District by types of economic activities

Виды экономической деятельности	Регион	
	ЛО	СПб
Всего предприятий и организаций	6%	58%
С/х, охота и лесное хозяйство	31%	9%
Рыболовство, рыбоводство	11%	10%
Оптовая и розничная торговля	3%	68%
Операции с недвижимым имуществом	7%	60%
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	9%	44%
Обрабатывающие производства	7%	57%

Рассчитано по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. М. : Росстат, 2015. С. 570–573.

по видам экономической деятельности. Однако эффективному развитию предприятий продовольственной сферы и розничной торговле продовольственными товарами, по мнению руководителей организаций малого и среднего бизнеса, мешают административные барьеры [10, с. 47].

На долю всех предприятий города Санкт-Петербурга приходится 64% всего оборота СЗФО, при этом на предприятия оптовой и розничной торговли — 78%. Оборот предприятий Ленинградской области, специализирующихся на производстве продукции сельского хозяйства, составляет 42% от оборота СЗФО. В табл. 4 представлены данные по обороту организаций по видам экономической деятельности.

На рис. 1 представлено долевое распределение оборота предприятий по видам экономической деятельности в Санкт-Петербурге. На основании представленных данных можно сделать вывод, что в оборот Санкт-Петербурга наибольший вклад

**Распределение числа предприятий и организаций в рамках одного региона
по видам экономической деятельности**

Table 3. Distribution of the number of enterprises and organizations within
a single region by types of economic activity

Вид экономической деятельности \ Регион	ЛО	СПб
С/х, охота и лесное хозяйство	12,8%	0,4%
Строительство	8,3%	10,3%
Оптовая и розничная торговля	18,4%	40,5%
Транспорт и связь	6,3%	7,7%
Операции с недвижимым имуществом	24,2%	21,0%
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	7,9%	4,2%
Обрабатывающие производства	9,3%	8,2%

Рассчитано по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015.

Оборот организаций по видам экономической деятельности (млрд руб.)

Table 4. Turnover of organizations by types of economic activity (billion rubles)

Вид экономической деятельности \ Регион	СЗФО	ЛО	СПб
Всего	12 497	1305	7976
С/х, охота и лесное хозяйство	134	56	7
Обрабатывающие производства	4657	614	2670
Строительство	504	74	358
Оптовая и розничная торговля	3813	346	2990
Гостиницы и рестораны	63	1	56
Транспорт и связь	1278	55	924

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 588–591.

вносят предприятия оптовой и розничной торговли, на втором месте по обороту — предприятия обрабатывающего производства.

Темп роста розничной торговли в Санкт-Петербурге с 2010 по 2014 гг. составил 149% — с 685 млн руб., до 1017 млн руб. в 2014 г. При этом распределение оборота розничной торговли по формам торговли в 2014 году составило: 98,6% — оборот розничной торговли торгующих организаций; 1,4% — продажа на розничных ярмарках и рынках.

Анализ объемов произведенной сельскохозяйственной продукции в Ленинградской области (рис. 2) показывает рост объемов произведенной продукции на протяжении четырех лет (с 2010 по 2014 гг.).

Проследить основное направление движения товара между регионами можно на основании данных ввоза-вывоза произведенной продукции в регионе (данные по отдельным типам продуктов представлены в табл. 5–8). А так как Ленинградская область и Санкт-Петербург являются соседствующими регионами, и между ними давно установлены благоприятные торговые отношения, то основное движение по продаже

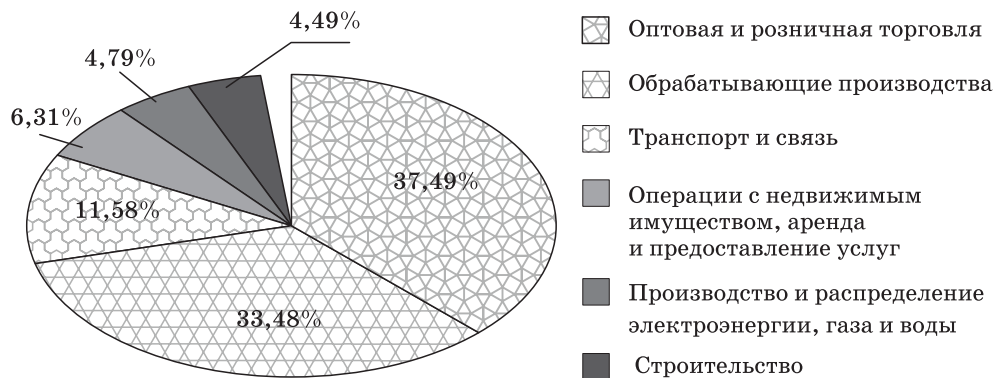

Рис. 1. Долевое распределение оборота предприятий в Санкт-Петербурге по видам экономической деятельности

Fig. 1. Shared distribution of turnover of enterprises in St. Petersburg by types of economic activity

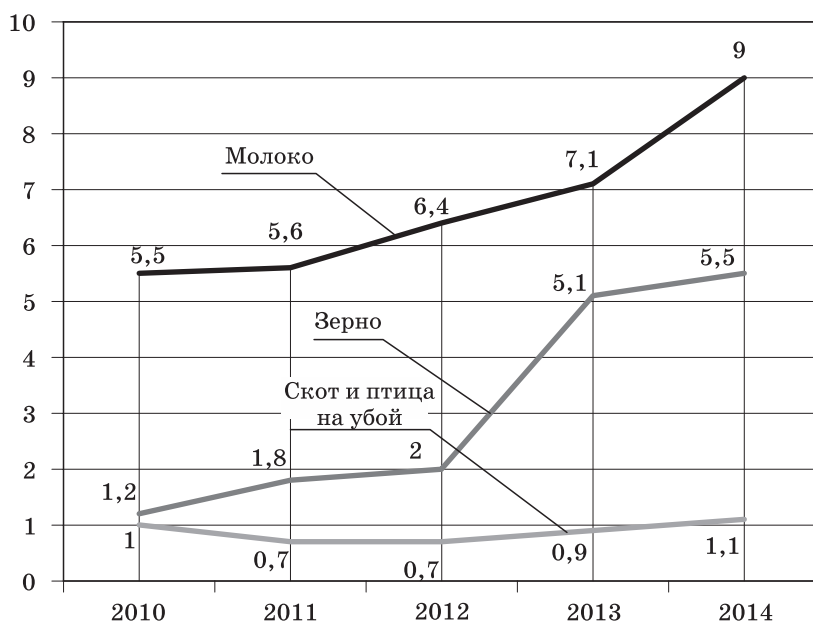

Рис. 2. Производство основных видов сельскохозяйственной продукции, тыс. т

Fig. 2. Production of main types of agricultural products, thousand tons.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 606–619.

готовой продукции, в первую очередь пищевой, происходит именно на эти регионы.

На основании данных ввезенной и вывезенной продукции региона можно определить категории товаров, производство которых развито недостаточно, по сравнению с другими категориями товаров. Так, например, к таким категориям можно отнести мясные консервы в Санкт-Петербурге, сыры и сырные продукты в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Соотношение вывезенной продукции из Ленинградской области данного про-

Таблица 5

Статистика ввезенной-вывезенной продукции: мясо и мясо птицы, кроме субпродуктов, т
 Table 5. Statistics of imported and exported products: meat and poultry meat, other than by-products

Регион	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
	Объем вывезенной из региона продукции				
Ленинградская область	108 629	112 400	171 244	186 512	200 725
СПб	н/д	1905	1714	781	1270
	Объем ввезенной в регион продукции				
Ленинградская область	34 416	20 158	21 388	12 548	15 412
СПб	78 950	111 616	128 986	184 263	221 582

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 924–933.

Таблица 6

Статистика ввезенной-вывезенной продукции: колбасные изделия
 Table 6. Statistics of imported and exported products: sausages

Регион	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
	Объем вывезенной из региона продукции				
Ленинградская область	21 295	24 731	52 154	22 309	20 098
СПб	11 258	8469	19 433	14 879	22 998
	Объем ввезенной в регион продукции				
Ленинградская область	28 524	22 913	27 518	20 381	22 775
СПб	79 284	88 266	97 503	89 362	87 365

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 924–933.

Таблица 7

Статистика ввезенной-вывезенной продукции: консервы мясные, тыс. банок
 Table 7. Statistics of imported and exported products: canned meat, thousand cans

Регион	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
	Объем вывезенной из региона продукции				
Ленинградская область	8818	11514	8790	н/д	7212
СПб	1447	516	955	н/д	н/д
	Объем ввезенной в регион продукции				
Ленинградская область	3104	4627	1837	137	874
СПб	37 901	42 223	43 463	47 927	45 483

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 924–933.

Статистика ввезенной-вывезенной продукции: сыры и продукты сырные
 Table 8. Statistics of imported and exported products: cheeses and cheese products

	Год				
	2010	2011	2012	2013	2014
	Объем вывезенной из региона продукции				
Ленинградская область	408	941	400	287	172
СПб	19 809	19 212	19 780	н/д	15 547
	Объем ввезенной в регион продукции				
Ленинградская область	61	44,1	142	842	1620
СПб	22 931	28 370	24 827	22 594	25 098

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015. С. 924–933.

дукта с суммой ввезенной продукции высоко, соответственно поставщиком данной категории продукции является производитель из другого региона.

Аналогичная ситуация сложилась и по категории сыры и продукты сырные, когда объем ввезенной продукции намного больше объемов вывезенной продукции в двух регионах.

Товарная структура экспорта и импорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в 2014 г. Ленинградской области составила: экспорт — 217,4 млн долл., импорт — 1491,4 млн. Товарная структура экспорта и импорта по аналогичной группе товаров в Санкт-Петербурге в 2014 г.: экспорт — 1131,4 млн долл., импорт — 6615,0 млн. Данные показатели характеризуют Санкт-Петербург, в первую очередь, как слабо развитого субъекта с точки зрения собственной обеспеченности такими ресурсами, как продукты питания и сельскохозяйственное сырье.

На основании обработки всех данных можно сделать несколько выводов, на которых может базироваться стратегия развития продуктового рынка Санкт-Петербурга.

В первую очередь нужно отметить наличие большой величины спроса на продукцию, выражающуюся в большой численности населения города Санкт-Петербург, а также достаточной представленности мест сбыта готовой продукции — продуктовых магазинов разных форматов, различных брендов, ориентированных на покупателей с различными финансовыми возможностями. В защиту первого аргумента выступает то, что по состоянию на 1 января 2014 г. в Санкт-Петербурге численность населения превысила 5 млн человек, а аргументом ко второму то, что в Санкт-Петербурге сокращается размер площадей новых магазинов крупных форматов. Дальнейшее развитие у представителей продуктового ритейла возможно только в форматах «мини-гипермаркетов» и супермаркетов, но в данном формате сейчас высокая степень конкуренции.

Во-вторых, наблюдается отсутствие достаточного количества крупных промышленных предприятий всех категорий товаров непосредственно в Санкт-Петербурге. Представление промышленных предприятий в Ленинградской области больше, но в то же время оно не является достаточным, и некоторые категории товаров завозятся в регион, как было описано выше.

На текущий момент на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области действуют несколько предприятий, поставляющие свою продукцию, в первую очередь, на рынок Санкт-Петербурга.

Среди производителей молочной продукции в Ленинградской области можно

выделить: Лужский молочный комбинат (г. Луга), Кингисеппский молочный комбинат (г. Кингисепп), Бокситогорский молочный завод (г. Бокситогорск), СХП Лосево (Лосево). В Санкт-Петербурге ведущим производителем является Пискаревский молочный завод.

Среди мясоперерабатывающих предприятий в Ленинградской области свою деятельность осуществляет Кронштадтский мясоперерабатывающий завод (Кронштадт).

Среди птицефабрик в Ленинградской области свою деятельность осуществляет птицефабрика Роскар (Первомайское), птицефабрика Северная (Синявино-1), птицефабрика Синявинская имени 60-летия союза СССР (Приладожский), птицефабрика Ломоносовская (Горбунки), Алтайская птицефабрика Молодежная (Первомайское).

Предприятия Санкт-Петербурга, специализирующиеся на производстве хлебобулочных изделий: Группа компаний Каравай, Петрохлеб, Хлебный дом.

Крупным производителем овощей в Ленинградской области является Агрохолдинг «Выборжец». Помимо этого, свою деятельность осуществляет ряд других предприятий: «Эврика», «Пальмира», «Круглый год».

Таким образом, исходя из этих особенностей, можно сформировать две задачи для дальнейшего развития, которые должны стать основой стратегии развития продовольственного рынка в Санкт-Петербурге.

Первая задача — развитие производственной мощи текущих предприятий с целью обеспечения достаточной представленности товара на полках местных магазинов и магазинов соседних регионов в будущем. К этой задаче стоит отнести и поиск возможностей для развития новых для региона предприятий, специализирующихся на производстве той продукции, которая не представлена вообще, либо представлена в недостаточном количестве в местных магазинах. Поскольку решение первой задачи осложнено административными барьерами, то необходимо сократить число контролирующих инстанций и количество проводимых проверок [10, с. 47].

Кроме того, в рамках данной задачи необходимо провести качественный анализ представленности поставщиков в различных категориях товаров в регионе. Целью данного анализа является определение тех категорий товаров, которые достаточно развиты и полностью обеспечивают внутренний рынок товаром (например, производители хлеба) тех категорий, которые развиты недостаточно и есть потенциал для их развития в будущем. Производство данной категории товаров — один из потенциалов будущего развития региона в рамках собственной обеспеченности продуктами питания. И останется третья категория товаров — их производство не является целесообразным в данном регионе.

Вторая задача — сохранение тех деловых отношений, которые сложились между предприятиями и розничными сетями, для дальнейшего сотрудничества. Помимо этого, необходимо создание максимально благоприятных условий для того, чтобы новые поставщики качественной продукции из других регионов были заинтересованы в выходе на продуктовый рынок Санкт-Петербурга. Это должны быть те участники рынка, продукция которых не представлена в достаточном количестве на данный момент, либо производство которых не целесообразно в регионе.

Литература

1. Алесковский В. В., Козырев А. А., Слуцкая Ю. Г. Основы управления проектами : учеб. пособие для студентов высшего профессионального образования, обучающихся по специальности 080507 «Менеджмент организации» / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Западная академия государственной службы». Санкт-

Петербург, 2011. Том «Управление командой проекта».

2. Алимуратов М. К., Власюк Л. И. Стратегирование — новая область профессиональных знаний // Управленческое консультирование. 2017. № 11. С. 154–159.
3. Квинт В. Л. Глобальный формирующийся рынок — влияние на стратегию России и стратегическое развитие российских компаний // Эффективное антикризисное управление. 2012. № 3 (72). С. 50–61.
4. Квинт В. Л. О выборе приоритетов // Бюджет. 2016. № 11. С. 78–81.
5. Квинт В. Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 15–21.
6. Квинт В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды // Управленческое консультирование. 2015. № 7. С. 6–11.
7. Козырев А. А. Реализация конкурентных преимуществ региона в стратегии инновационного развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 315–323.
8. Козырев А. А. Необходимость выявления конкурентных преимуществ региона при разработке стратегии его развития // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2014. № 22. С. 46–50.
9. Козырев А. А. Рекомендации нобелиата экономике России, или как нам реализовать конкурентные преимущества // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 47–63.
10. Козырев А. А. Стандарт развития конкуренции как инструмент решения экономических и социальных проблем региона // Экономика и управление. 2015. № 11 (121). С. 44–49.
11. Козырев А. А. Стратегия на перспективу // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 94–95.
12. Kvint V. L. Strategy for the Global Market Theory and Practical Applications. Routledge. New York. 2016. 520 p.
13. Kvint V. L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. New York. 2009. 454 p.

Об авторе:

Воронков Сергей Сергеевич, аспирант факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), vrnkvsrg@gmail.com

References

1. Aleskovsky V.V., Kozyrev A.A., Slutskaya Yu.G. Bases of project management: manual. St. Petersburg : NWAPA, 2011. Tom Management of team of the project. 287 p. (In rus)
2. Alimuradov M. K., Vlasjuk L. I. Strategizing — new area of professional knowledge // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 11. P. 154–159. (In rus)
3. Kvint V. L. Global emerging market — influence on the strategy of Russia and strategic development of the Russian companies // Effective Crisis Management [Effektivnoe Antikrizisnoe Upravlenie]. 2012. N 3 (72). P. 50–61. (In rus)
4. Kvint V. L. On the choice of priorities // Budget. 2016. N 11. P. 78–81. (In rus)
5. Kvint V. L. Search and research of philosophical roots of the theory of strategy. Interrelation of philosophical and strategic thinking // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. P. 15–21. (In rus)
6. Kvint V. L. Development of strategy: monitoring and forecasting internally and external environment // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 7. P. 6–11. (In rus)
7. Kozyrev A. A. Realization of competitive advantages of the region in the strategy of innovative development // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 6. P. 315–323. (In rus)
8. Kozyrev A. A. Need of detection of competitive advantages of the region when developing strategy of his development // Strategy of sustainable development of regions of Russia [Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii]. 2014. N 22. P. 46–50. (In rus)
9. Kozyrev A. A. Recommendations of the Nobel Laureate on Economy to Russia or How Can We Realize Competitive Advantages // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1 (85). P. 47–63. (In rus)
10. Kozyrev A. A. Standard of development of the competition as tool of the solution of economic

- and social problems of the region // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2015. N 11 (121). P. 44–49. (In rus)
11. Kozyrev A.A. Strategy on prospect // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 1. P. 94–95. (In rus)
 12. Kvint V.L. Strategy for the Global Market Theory and Practical Applications. Routledge. New York. 2016. 520 p.
 13. Kvint V.L. The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics. Routledge. New York. 2009. 454 p.

About the author:

Voronkov Sergey Sergeevich, Graduate student of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), vrnkvsrg@gmail.com

Оценка современного состояния и перспективы развития транспортно-логистической системы Российской Федерации в контексте управления рисками

Стафеева Н. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; st.n.p.1990@gmail.com

РЕФЕРАТ

В современных условиях экономического развития одним из драйверов долгосрочного роста реального ВВП любого государства является технологическое развитие, которое в условиях перехода на инновационную траекторию развития экономики проявляется в инновационной деятельности. Инновационная деятельность в форме научно-технического прогресса считается ключевым фактором социально-экономического развития государства. Перспективы экономического развития Российской Федерации, которые обусловлены переходом к инновационной модели развития, актуализируют исследования в области функционирования инновационной экономики, в том числе в отношении внешнеэкономической политики, регулирования внешнеэкономической деятельности и международного инновационного обмена. Исследование рисков при осуществлении международного обмена товарами, услугами и знаниями в целях управления рисками цепей поставок, а также функционирования системы управления рисками является актуальной и важной государственной задачей. В статье предлагается классификация внешних факторов риска. На основании анализа функционирования логистической отрасли России выявляются основные проблемы, которые приводят к повышенным логистическим издержкам (неразвитая логистическая инфраструктура, неэффективность цепей поставок, отсутствие четкого планирования логистики, неэффективность системы управления рисками). Делается вывод о том, что для решения существующих проблем и совершенствования логистической отрасли России необходимо решить задачи снижения рисков безопасности и обеспечения устойчивости цепей поставок. Успешное решение этих задач обусловлено формированием и развитием транспортно-логистических кластеров и реализацией инновационных решений в IT-поддержке логистических бизнес-процессов.

Ключевые слова: инновационная деятельность, логистика, внешнеэкономическая деятельность, цепи поставок, риски, транспортно-логистический кластер, IT-поддержка логистических бизнес-процессов, цифровой транспорт, цифровая логистика

Assessment of the Current State and Prospects for the Development of the Transport and Logistics System in Russia Federation in the Context of Risk Management

Stafeeva N. P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint-Petersburg, Russian Federation; st.n.p.1990@gmail.com

ABSTRACT

In modern conditions of economic development, one of the drivers of the long-term growth of the real GDP of any country is its technological development, which, in the conditions of transition to an innovative trajectory of economic development, is manifested in innovation activity. Innovation in the form of scientific and technological progress is considered a key factor in the socio-economic development of the state. Prospects for the economic development of the Russian Federation, which are caused by the transition to an innovative model of development, actualize research in the

field of the functioning of the innovation economy, including in relation to foreign economic policy, regulation of foreign economic activity and international innovation exchange. The study of risks in the international exchange of goods, services and knowledge for the management of supply chain risks, as well as the functioning of the risk management system, is an urgent state task. The article suggests classification of external risk factors. Based on the analysis of the functioning of the logistics industry in Russia, the main problems that lead to increased logistical costs are identified (undeveloped logistics infrastructure, inefficient supply chains, lack of clear logistics planning, ineffectiveness of the risk management system). It is concluded that in order to solve existing problems and improve the development of the logistics industry in Russia, it is necessary to solve the tasks of reducing security risks and ensuring the stability of supply chains.

The successful solution of these tasks is conditioned by the formation and development of transport and logistics clusters and the implementation of innovative solutions in IT-support of logistics business processes.

Keywords: innovation activity, logistics, foreign economic activity, supply chain, risks, classification, transport and logistics cluster, IT-support of logistics business processes, digital transport, digital logistics

Введение

В настоящее время одной из самых актуальных тем в экономической науке является исследование экономического роста, так как его результаты служат основой для формирования и реализации экономической политики и развития государства в перспективе.

Экономический рост, как известно, определяется совокупностью факторов, как общих для разных стран, так и специфических для национальных экономик; при этом труд и капитал как основные факторы экономического роста объясняют не более 20% роста выпуска [9, с. 7]. В современных условиях экономического развития одним из драйверов долгосрочного роста реального ВВП любого государства является технологическое развитие, которое в условиях перехода на инновационную траекторию развития экономики проявляется в инновационной деятельности. Инновационная деятельность в форме научно-технического прогресса (НТП) в современных теориях эндогенного роста считается ключевым фактором социально-экономического развития.

Анализ влияния НТП на экономический рост позволил выделить следующие ключевые факторы [9]: рыночная конкуренция; расстояние до технологической границы; ограниченность доступа к финансовым ресурсам; человеческий капитал; наделенность фактором производства и его цена; прямые иностранные инвестиции; неравномерный рост и циклы; социальный капитал; модели диффузии технологий; международная торговля.

Перспективы экономического развития Российской Федерации, которые обусловлены переходом к инновационной модели развития, актуализируют исследования в области функционирования инновационной экономики, в том числе в отношении внешнеэкономической политики, регулирования внешнеэкономической деятельности и международного инновационного обмена. Исследование рисков при осуществлении международного обмена товарами, услугами и знаниями в целях управления рисками цепей поставок, а также функционирование системы управления рисками (СУР) является, таким образом, актуальной государственной задачей.

Фундаментальный вклад в исследование рисков в экономической деятельности внесли как зарубежные (Ф. Найнт, Р. Кантильон, А. Смит, Дж. Милль, И. У. Сениор, А. Маршал, А. Пигу, Дж. М. Кейнс и др.), так и российские ученые (В. Д. Рудашевский, Л. Растринин, Р. Райзберг, М. Г. Лапуста и др.). Более того, существует от-

дельное научное направление, в котором риск рассматривается как конституирующий признак предпринимательства (Р. Кантильон, Й. Тюнен, Ф. Найт). Однако среди исследователей отсутствует единое мнение относительно определения предпринимательского риска.

В общем виде риск определяется как деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели [10, с. 33].

В экономической деятельности риск и управление «идут рука об руку», поэтому наиболее верным является следующий подход к определению сущности риска: «Риск — это предполагаемые результаты деятельности в ситуации неопределенности и неизбежного выбора, когда субъект управления может: а) выявить положительные и отрицательные последствия деятельности; б) оценить вероятности их возникновения; в) оценить степень тяжести (серьезности) этих последствий» [2, с. 13]. Неопределенность в экономической и предпринимательской деятельности возникает под воздействием не только экономической конъюнктуры, но и совокупности факторов как внутренней, так и внешней среды, хотя действуют и влияют они с разной интенсивностью.

В настоящее время исследователями предложено достаточно много различных классификаций рисков; по нашему мнению, с учетом необходимости рассматривать риски в контексте принятия управленческих решений, в качестве классификационного признака для группировки (классификации) рисков следует принять такой признак, как «среда возникновения риска».

Внутренняя среда не отличается стопроцентной предсказуемостью, но ее уровень в значительной степени зависит от уровня управления и качества принятого управленческого решения. Многое из того, что относят к элементам неопределенности, на самом деле является только следствием слабого менеджмента. Значительно интенсивнее (и агрессивнее) действуют факторы риска внешней среды, но тоже по-разному. Так, например, риск появления неблагоприятных изменений в налоговом законодательстве обязательно непосредственно отразится на результатах деятельности предприятия, т.е. его влияние на производитель является прямым и непосредственным. В целом, факторы внешней среды, влияющие на уровень риска, подразделяются на факторы прямого и косвенного воздействия (рис. 1).

Управление рисками (риск-менеджмент) представляет собой специальный вид управленческой деятельности, направленной на смягчение воздействия риска. Значение управленческих решений, с принятием которых сталкиваются менеджеры, определяется, прежде всего, уровнем риска, приемлемым для хозяйствующего субъекта. Каждая компания характеризуется собственными предпочтениями, связанными с видом и уровнем риска. На основе этого выявляются риски, которым она подвержена в процессе экономической деятельности, определяется допустимый (приемлемый) уровень риска, а также методы, позволяющие избежать потерь, возникающих в результате действия конкретного вида риска. Совокупность таких действий и представляет систему управления рисками.

Управление рисками — это особенная область экономики, требующая знаний в области анализа хозяйственной деятельности, методов принятия управленческих решений, оптимизации, эффективности бизнеса и т.д. Работа риск-менеджера нацелена на защиту компании от рисков, угрожающих ее доходам, и обеспечивает решение главной задачи финансового менеджмента — выбор из альтернативных возможностей оптимального варианта.

Как и любым общественным явлением, риском можно и нужно управлять. Управление риском в самом общем виде представляет собой процесс недопущения или минимизации негативных последствий возникновения рисков ситуации. Речь идет

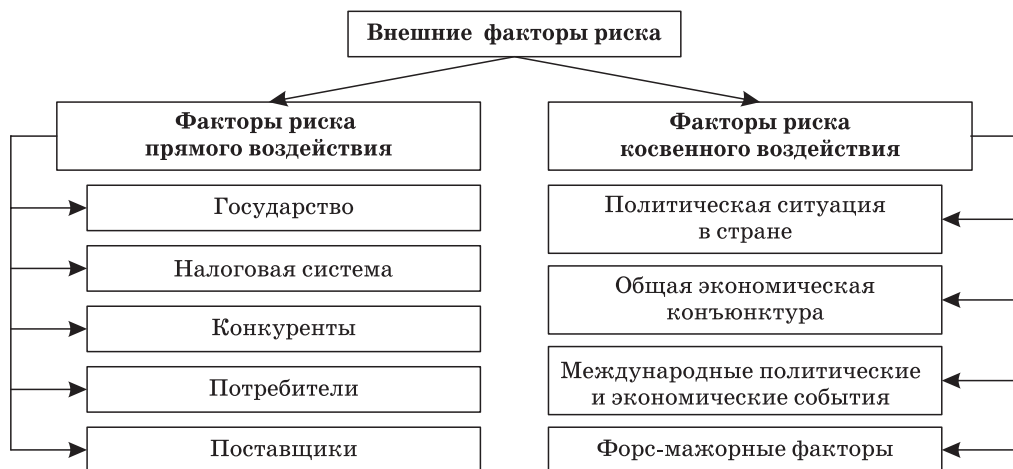

Рис. 1. Классификация внешних факторов риска
Fig. 1. Classification of external risk factors

об изыскании возможностей ухода из зон возможных потерь, которые определяются как области, в которых существует потенциальная возможность для предприятия понести потери или существования в них с минимальным уроном для хозяйственной деятельности.

Зоны возможных потерь предприятие определяет для себя индивидуально, в зависимости от специфики производственной деятельности. В мировой практике принято выделять четыре зоны, которые, тем не менее, существуют при любых обстоятельствах: потеря собственности; потеря дохода; потеря ведущих работников компании; юридическая ответственность перед другими лицами.

Рассмотрим современное состояние транспортно-логистической системы Российской Федерации в контексте управления рисками. Всемирный банк каждые два года публикует результаты оценки стран мира по системе Logistic Performance Index¹, включающий следующие показатели: Customs (таможня); Infrastructure (инфраструктура); International shipments (международные перевозки); Logistics competence (логистическая компетентность); Tracking and tracing (отслеживание и трассировка); Timeliness (своевременность).

В рейтинге Logistic Performance Index (LPI) Российская Федерация в 2012 г. занимала 95-е место из 155 стран (LPI Score 2,58), в 2014 г. — 90-е место из 160 стран (LPI Score 2,69), а в 2016 г. — 99-е место из 160 стран (LPI core 2,57). Динамика LPI за период 2012–2016 гг. свидетельствует о тенденции усиления логистического потенциала мирового сообщества, поскольку 95-му месту России в 2012 г. соответствовала оценка 2,58 балла, 90-му месту в 2014 г. — оценка 2,69 балла, 99-му месту в 2016 г. — оценка 2,57 балла.

На протяжении этого периода лидирующую позицию по LPI занимает Германия, которая представляет собой не только самый крупный рынок Европы, но и является центром глобальной логистики с 25% общеевропейского рынка логистики². В структуре экономики Германии логистика находится на третьем месте; первое и второе места занимают, соответственно, автомобилестроение и торговля³. Круп-

¹ LPI.worldbank.org.

² Экономический обзор Германии: рынок, производство, инновации. URL: www.gtai.de.

³ Обзор состояния экономических и основных направлений внешнеэкономической деятельности ФРГ в 2015 году [Электронный ресурс]. URL: exporthirov.ru (дата обращения: 20.02.2018).

нейшими немецкими логистическими компаниями являются Deutsche Post DHL, DB Mobility Logistics AG, Kuhn and Nagel.

Германия является также и лидером инноваций; именно в этой стране компании объединяются в кластеры, в состав которых входят как научно-исследовательские институты, так и университеты. Компании достигают уровня международного масштаба, при этом экономическими игроками также является большое количество малых и средних предприятий, обладающих новаторским потенциалом.

Логистика в современной России представляет собой совокупность сложных взаимодействий, образующихся в процессе движения товарно-материальных ценностей, между разноплановыми и разноуровневыми элементами системы, находящимися на значительном удалении друг от друга и нередко функционирующими в принципиально отличающихся условиях. Анализ функционирования логистической отрасли России [4–8 и др.] позволил выявить следующие основные проблемы: неразвитая логистическая инфраструктура; неэффективность цепей поставок; отсутствие четкого планирования логистики; неэффективность СУР (табл. 1).

Существующие проблемы функционирования логистической отрасли закономерно приводят к повышенным логистическим издержкам. Развернутая классификация логистических издержек, содержащая 16 классификационных признаков и упорядоченных по ним видов логистических издержек, представлена в работе М. Н. Григорьева, А. П. Долгова и С. А. Уварова [3].

И. В. Яхнеева при оценке издержек управления рисками логистических систем выделяет отдельные категории издержек рисков в противопоставлении с издержками управления [11]. Точность определения величины ущерба от наступления рискового события во многом обеспечивается системностью в исследовании категории логистического риска (рис. 2).

Мы поддерживаем мнение [5, с. 32], что для решения существующих проблем и совершенствования развития логистической отрасли России необходимо решить задачи снижения рисков безопасности и обеспечения устойчивости цепей поставок. Успешное решение этой задачи мы связываем, во-первых, с формированием и развитием транспортно-логистических кластеров, которые в настоящее время в Российской Федерации находятся в стадии зарождения, и, во-вторых, с реализацией инновационных решений в IT-поддержке логистических бизнес-процессов.

Россия занимает важное географическое и стратегическое положение в мире. На ее территории формируются несколько транспортно-логистических коридоров меридионального и широтного направлений. Главными из них являются транспортно-логистический коридор «Север-Юг», проходящий в европейской части России (от Балтийского моря до Черного и Каспийского морей), и «Запад-Восток», сложившийся на основе Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей, который определяет направления грузопотоков между странами Восточной Европы (Чехия, Польша, Румыния и др.) и странами Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Республика Корея, Китай и т. д.).

Привлекательным становится также направление вдоль побережья Северного Ледовитого океана, которое формирует «Северный» транспортно-логистический коридор. Комплексное развитие Арктики и создание морского транспортного коридора Северного морского пути создают новую транспортную конфигурацию Евразийского континента. Все эти коридоры обеспечивают производственные, экономические, транспортные, информационные связи между странами Европы, Азии и Америки, которые следует рассматривать с позиций формирующегося шестого технологического уклада.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современной, наиболее эффективной инновационно-ориентированной формой интеграции участников рынка транспортно-логистических услуг являются транспортно-логистические кла-

Основные проблемы функционирования логистической отрасли России

Table 1. Main problems of functioning of logistic branch of Russia

Наименование проблемы	Проявление проблемы
Неразвитая логистическая инфраструктура	Барьеры для создания эффективной сети, развития логистической отрасли и экономики в целом
Неэффективность цепей поставок	Низкая конкурентоспособность промышленности
Отсутствие четкого планирования логистики	Отсутствие синхронизации фактических продаж с планами, производствами и закупками, значительный лаг коррекции производства и закупок при нестабильном спросе; малое количество «качественных» поставщиков (низкая конкуренция, риск попадания в зависимость от поставщиков, высокая себестоимость в сценарии самостоятельного производства; неоптимальная сеть поставщиков; неэффективная карта потоков, загрузки, типа транспорта, упаковки и т.д.; конфликт интересов между производством (достаточность запасов) и закупками, контроллингом (минимизация «замороженной» ликвидности); отсутствие прозрачности в формировании логистической составляющей себестоимости; высокие удельные затраты на складскую логистику (хранение и грузообработка); срывы и невозможность качественного планирования транспортной логистики
Неэффективность СУР, используемой в деятельности таможенной службы РФ	Работа системы направлена исключительно на выявление рискованных поставок, которые могут причинить экономический ущерб государству

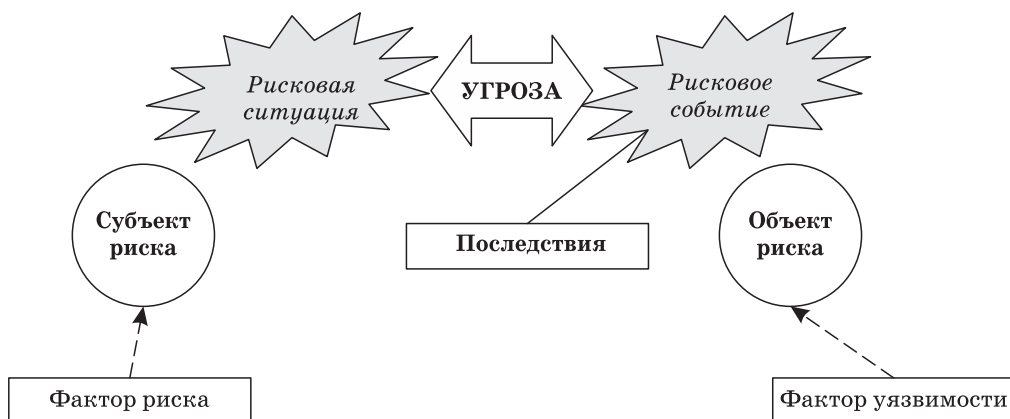

Рис. 2. Элементы риска

Fig. 2. Risk elements

стеры. Транспортно-логистический кластер (ТЛК) представляет собой группу географически локализованных взаимосвязанных компаний, специализирующихся на хранении, сопровождении и доставке грузов и пассажиров, а также организаций, обслуживающих объекты инфраструктуры и других организаций, взаимодействующих и усиливающих сильные стороны друг друга и реализующих конкурентные преимущества территории. Необходимо подчеркнуть, что наличие инновационной составляющей является признаком любого отраслевого кластера, в том числе и ТЛК.

Звеньями ТЛК являются: производители и потребители; транспортные и экспедиторские компании; складское хозяйство; распределительные центры; терминалы; коммерческие посредники; институциональные органы; финансовые организации; страховые компании; исследовательские организации; учебные центры; консалтингово-аналитические органы; маркетинговые организации др. Реализация проектов ТЛК создает возможности для преодоления барьеров и решения проблем предприятий, входящих в кластер, включая низкую восприимчивость к инновациям и недостаточный уровень их инновационной активности.

Технологическая связанность различных субъектов рынка логистических услуг при организации и осуществлении перевозок определяет актуальность разработки и реализации проектов «Цифровой транспорт» и «Цифровая логистика». В целях улучшения качества логистических услуг и уменьшения издержек с участием различных перевозчиков при осуществлении как российских, так и международных перевозок требуется масштабная интеграция интернет-технологий Big Data.

Цифровой транспорт призван обеспечить создание единой IT-среды для взаимосвязанных систем, комплексов, технологий по организации движения и управлению единым технологическим процессом. Таким образом, цифровую трансформацию логистики можно рассматривать как новый механизм развития экономических систем, основанный на эффективных информационных связях и оптимизированных потоках данных, необходимых для решения оперативных и стратегических задач предпринимательства.

Для управления бизнес-процессами, формирования эффективной среды ведения бизнеса в России необходимо создание и использование адекватных складывающимся условиям не только IT-систем, но и внедрения «сквозных» IT-технологий, построенных на единой транспортно-логистической и торговой инфраструктуре, обеспечивающей сетевое взаимодействие бизнес-процессов и создание «цепочек ценностей для клиентов» [1, с. 597].

Для решения поставленных задач, как нам представляется, необходимо осуществить следующее: разработать концепцию цифрового транспорта и цифровой логистики в Российской Федерации; определить операторов цифровой платформы; инициировать подготовку кадров для работы в сфере IT-логистики, обладающих специальным набором компетенций для создания информационных потоков в цифровой экономике и аналитических приложений по оптимизации бизнес-процессов на различных уровнях управления экономикой.

Заключение

Основные результаты нашего исследования заключаются в следующем:

1. Перспективы экономического развития России, которые обусловлены переходом к инновационной модели развития, актуализируют исследования в области функционирования инновационной экономики, в том числе в отношении внешнеэкономической политики, регулирования внешнеэкономической деятельности и международного инновационного обмена.

2. Актуальной государственной задачей является исследование рисков при осуществлении международного обмена товарами, услугами и знаниями в целях управления рисками цепей поставок, а также эффективное функционирование системы управления рисками.
3. Классификация внешних факторов риска включает факторы прямого воздействия (государство, налоговая система, конкуренты, потребители, поставщики) и косвенного воздействия (политическая ситуация, общая экономическая конъюнктура, международные политические и экономические события, форс-мажорные факторы).
4. На основе анализа динамики Logistic Performance Index за период 2012–2016 гг. выявлена тенденция усиления логистического потенциала мирового сообщества.
5. На основании анализа функционирования логистической отрасли России выявлены основные проблемы, которые приводят к повышенным логистическим издержкам (неразвитая логистическая инфраструктура, неэффективность цепей поставок, отсутствие четкого планирования логистики, неэффективность СУР).
6. Для решения существующих проблем и совершенствования развития логистической отрасли России необходимо решить задачи снижения рисков безопасности и обеспечения устойчивости цепей поставок; успешное решение этих задач обусловлено формированием и развитием транспортно-логистических кластеров и реализацией инновационных решений в IT-поддержке логистических бизнес-процессов.
7. Для решения поставленных задач необходимо осуществить разработку концепции цифрового транспорта и цифровой логистики в России, определить операторов цифровой платформы и инициировать работу по подготовке кадров в сфере IT-логистики.

Литература

1. Абдюшева Д. Р. Инновационные решения в IT-поддержке логистических бизнес-процессов / Перспективы развития логистики и управления цепями поставок: сб. науч. тр. VII Международной научной конференции (18 апреля 2017 г.): в 2 ч. / науч. ред. В. И. Сергеев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Эс-Си-Эм Консалтинг, 2017. Ч. 2.
2. Альгин А. П. Анализ, оценка и менеджмент риска. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2002.
3. Григорьев М. Н. Логистика: учебник для бакалавров. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2012.
4. Колобкова В. А. Совершенствование логистических мультимодальных перевозок предприятия-участника ВЭД: таможенный аспект: монография. М. : ГУУ, 2014.
5. Колобкова В. А., Винник К. П. Логистика в современном мире: особенности в России и ключевые проблемы // Вестник Университета. Государственный университет управления. 2017. № 5. С. 30–33.
6. Стафеева Н. П. Проблемы организации, функционирования и развития системы управления рисками в рамках института «Таможня — Предпринимательское сообщество» // Современное экономическое и социальное развитие: проблемы и перспективы. Выпуск XVII. Сб. науч. трудов. СПб. : ИНИР, 2014–2015. С. 597–602.
7. Стафеева Н. П. Проблемы инновационного развития организационных форм совершения таможенных операций и осуществления таможенного контроля на МАПП в проекции современных тенденций и возможностей // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 6. С. 14–20.
8. Стафеева Н. П. Формирование модели поставки высокого риска для инновационного проекта системы управления рисками в таможенных органах // Устойчивое развитие: общество и экономика: Материалы III Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие: общество и экономика». 20–23 апреля 2016 г. / Ред. колл.: О. Л. Маргания, С. А. Белозеров [и др.]. СПб. : Скифия-принт, 2016. С. 396–397.
9. Факторы экономического роста: научно-технический прогресс / Е. А. Пономарева, А. В. Божечкова, А. Ю. Кнобель; под ред. Е. А. Пономаревой. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012.

10. Шапкин А. С. Теория риска и моделирование рискованных ситуаций: учебник // А. С. Шапкин, В. А. Шапкин. 5-е изд. М. : Дашков и Ко, 2012.
11. Яхнеева И. В. Оценка издержек управления рисками логистических систем / В сб.: Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика. Международная научно-практическая конференция 11 октября 2011 года / Юго-Западный гос. ун-т, РГКП «Сев.-Казахстанский гос. ун-т им. М. Козыбаева». Курск, 2011. С. 321–324.

Об авторе:

Стафеева Наталья Петровна, аспирант кафедры экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), st.n.p.1990@gmail.com

References

1. Abdysheva D. R. Innovative solutions in IT support of logistic business processes/ Prospects of development of logistics and management of deliveries chains: collection of works of the VII International scientific conference (on April 18, 2017): in 2 parts / scientific edition of V. I. Sergeev; National Research University Higher School of Economics. M. : SCM Consulting, 2017. P. 2. 308 p. (In rus)
2. Algin A. P. Analysis, assessment and management of risk. SPb. : NWAPA publishing house, 2002. 200 p. (In rus)
3. Grigoriev, M. N. Logistic: the textbook for bachelors. 4 ed. M. : Uright, 2012. 836 p. (In rus)
4. Kolobkova V. A. Improvement of logistic multimodal transportations of the foreign trade activities participating enterprise: customs aspect: monograph. M. : State University of Management, 2014. 125 p. (In rus)
5. Kolobkova V. A., Vinnik K. P. Logistic in the modern world: features in Russia and key problems // Bulletin of the University. State University of Management [Vestnik Universiteta. Gosudarstvennyi universitet upravleniya]. 2017. N 5. P. 30–33. (In rus)
6. Stafeeva N. P. Problems of the organization, functioning and development of a risk management system within Institute Customs — Enterprise Community // Modern economic and social development: problems and prospects [Sovremennoe ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye: problemy i perspektivy]. Release XVII. Collection of works. SPb. : INIR, 2014–2015. P. 597–602. (In rus)
7. Stafeeva N. P. Problems of innovative development of organizational forms of commission of customs operations and implementation of customs control on MAPP in a projection of current trends and opportunities // Economy and management: yesterday, today, tomorrow [Ekonomika i upravlenie: vchera, segodnya, zavtra]. 2016. N 6. P. 14–20. (In rus)
8. Stafeeva N. P. Formation of model of delivery of high risk for the innovative project of a risk management system in customs authorities // Sustainable development: society and economy: Materials of the III International scientific and practical conference “Sustainable development: society and economy” [Ustoichivoe razvitiye: obshchestvo i ekonomika: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ustoichivoe razvitiye: obshchestvo i ekonomika»] on April 20–23, 2016 / Editorial board: O. L. Marganya, S. A. Belozarov [etc.]. SPb.: Scythia print, 2016. P. 396–397. (In rus)
9. Factors of economic growth: scientific and technical progress / E. A. Ponomareva, A. V. Bozhechkova, A. Yu. Knoebel; under the editorship of E. A. Ponomareva. M. : RANEPА Publishing house “Business”, 2012. 186 p. (In rus)
10. Shapkin A. S. Theory of risk and modeling of risk situations: textbook / A. S. Shapkin, V. A. Shapkin. 5 ed. M. : Dashkov and Ko, 2012. 880 p. (In rus)
11. Yakhneeva I. V. Assessment of expenses of risk management of logistics systems / In collection of works: Institutes and mechanisms of innovative development: international experience and Russian practice. International scientific and practical conference on October 11, 2011 / South-west State University, M. Kozybayev North-Kazakhstan State University, Kursk, 2011. P. 321–324. (In rus)

About the author:

Natalya P. Stafeeva, Graduate student of the Chair of Macroeconomic Regulation of North-West institute of management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), st.n.p.1990@gmail.com

Информационное наступление Китая в Африке

Хижняк М. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, mariakhizhnyak@gmail.com

РЕФЕРАТ

За последнее десятилетие информационно-идеологическая экспансия Китая в Африку достигла беспрецедентных масштабов, сопровождая торгово-промышленное вторжение экономического гиганта стремлением создать новый благоприятный имидж КНР на континенте инструментами «мягкой силы». Такая внешнеполитическая стратегия обусловлена стремлением реализовать «китайскую мечту» — масштабный план развития страны, реализующийся в рамках концепции «Один пояс — один путь». «Путь и пояс» охватывают весь «мировой остров» — от Азии до Европы, проходя через страны Северо-Востока Африки. Этот проект играет ключевую роль в информационном наступлении Китая нынешнего тысячелетия.

Ключевые слова: информационная безопасность, стратегическая коммуникация, медиа-стратегия Китая, концепция «Один пояс — один путь», африканская медиаинфраструктура, африканские СМИ

Information Invasion of China in Africa

Khizhnyak M. V.

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, mariakhizhnyak@gmail.com

ABSTRACT

Over the past decade, China's information and ideological expansion to Africa has reached an unprecedented scale, accompanying the economic and commercial invasion of the economic giant with the desire to create a new favorable image of the PRC on the continent with the tools of «soft power». Such foreign policy strategy is conditioned by the aspiration to realize the «Chinese dream» — a large-scale plan of the country development, implemented through the concept «One Belt, One Road». «Road and Belt» cover the entire «World Island» — from Asia to Europe, passing through the countries of the North-East of Africa. This project plays a key role in China's information invasion in the current millennium.

Keywords: information security, strategic communication, China's media strategy, the «One Belt, One Road» concept, the African media infrastructure, the African media

Прирост населения в Африке происходит беспрецедентными темпами, ведя к тому, что в скором будущем жители африканского континента станут основой мирового рынка труда. При этом Африка до сих пор остается самым бедным регионом мира с низким средним уровнем образования и высоким уровнем безработицы. Это значит, что в перспективе колоссальные массы африканского населения, недовольные уровнем жизни, могут стать источником глобальной угрозы экономической, политической и социальной безопасности. Принимая во внимание подобные тенденции, сильные государства стремятся занять свою нишу в развитии региона, реализуют сотни инфраструктурных проектов по всему континенту, вкладывая миллиарды долларов в развитие образования, здравоохранения, информационное и транспортное обеспечение. При этом часто под предлогом сокращения разрыва в качестве жизни развитые страны преследуют собственные экономические и политические интересы.

На сегодняшний день главным конкурентом западных стран в приобретении стратегического влияния в странах Африки является Китай [3]. За последнее десятилетие его экономическая и информационно-идеологическая экспансия достигла беспрецедентных масштабов, сопровождая торгово-промышленное вторжение экономического гиганта стремлением создать новый позитивный имидж КНР на континенте инструментами «мягкой силы».

Следуя данной концепции, Китай стремится заставить африканские страны добровольно восхищаться его ценностями, приводя к желанию следовать за КНР, как за успешным примером достижения процветания, благосостояния и открытости. «Мягкая сила» в данном случае подразумевает формирование благоприятного образа КНР в сознании местного африканского населения не только дипломатическими механизмами, но и посредством экономической помощи, бизнес-коммуникаций, предоставлением стипендий и грантов, проведением обучающих программ, открытием образовательных учреждений и целенаправленной политикой в области СМИ.

Такая внешнеполитическая стратегия обусловлена стремлением реализовать «китайскую мечту» — масштабный план развития страны, реализующийся в рамках концепции «Один пояс — один путь». «Путь и пояс» охватывают весь «мировой остров», выстраивая экономический мост от Азии до Европы, своими морскими путями проходя через страны Севера и Востока Африки. Именно этот регион играет ключевую роль при транспортировке грузов в Европу, ведь транзит между Индийским океаном и Средиземным морем невозможен без Суэцкого канала. Кроме того, проект призван облегчить и ускорить поставки сырья и другой продукции, а также обеспечить безопасность морских транспортных путей, в связи с чем план предусматривает развитие портов и военно-морских баз вдоль всего восточного побережья Африки. Таким образом, появление проекта «Пояса и пути» формально закрепило цель китайского экономического и информационного проникновения на африканский континент.

На сегодняшний день очевидна связь нового геополитического проекта Китая с рядом масштабных инфраструктурных проектов, инициированных в Африке за последние десятилетия. Китай последовательно воплощая свои идеи, заключая пакетные соглашения — «энергоресурсы в обмен на инфраструктуру», что усиливало зависимость экономик африканских стран от эксплуатации природных ресурсов, неизбежно ведя к обострению конкурентной борьбы за природные ресурсы и усилению угрозы обострения конфликтов. В конечном итоге, это послужило поводом к росту антикитайских настроений в ряде африканских государств, заставив Китай пересмотреть и оптимизировать свою политику на континенте, перейдя к более «мягким» средствам доступа к освоению африканских ресурсов.

Чтобы ослабить напряженность в отношениях местного населения с китайским бизнесом и обеспечить позитивный имидж своей страны, Китай планомерно начал осуществлять свое информационное наступление на континенте. Стремление китайских лидеров усилить дискурсивную власть воплотилось в активизации экспансии ведущих китайских СМИ в Африке. Начавшись еще в 1960-х, когда Beijing Review и другие китайские журналы стали активно распространяться в книжных магазинах Танзании, ЮАР и Египта на арабском, английском, французском, хауса и суахили, а радио «Radio Peking» стало серьезным конкурентом таких западных гигантов, как BBC, Voice of America, информационное наступление Китая сегодня достигло беспрецедентных масштабов [6].

Только за 2011 г. официальное информационное агентство Китая «Синьхуа» расширило свое присутствие в Африке на 5 новых филиалов, добавив их в свою уже существующую сеть из региональных бюро в Найроби и Каире и 18 филиалов [7]. Крупнейшая китайская газета China Daily, распространяемая изначально на рейсах авиакомпании Kenya Airways (с 2012 г.), сегодня еженедельно выпускает 24-стра-

ническое издание в ряде африканских государств. Кроме того, Китай инициировал выпуск ежемесячного журнала *ChinAfrica*, редакция которого базируется в Йоханнесбурге, ЮАР¹.

В то же время, для региона с 38% неграмотного взрослого населения² основными средствами получения информации остаются радио и телевидение. В этой связи в 2006 г. Международное радио Китая открыло свою первую зарубежную радиостанцию в Найроби (Кения), к началу 2011 г. телевизионная платформа информационного агентства «Синьхуа» *CNC World* начала свое вещание для африканских телезрителей, а в 2012 г. была запущена африканская версия международного телеканала «Центрального телевидения Китая» (*CCTV Africa*).

Информационное вторжение Китая сопровождается значительными инвестициями в телекоммуникационную инфраструктуру, в которых в первую очередь задействованы крупнейшие китайские компании — *Huawei* и *ZTE*. Начав свою деятельность на африканском континенте в конце 1990-х годов, *Huawei* прочно обосновался на африканском телекоммуникационном рынке. Спустя почти 20 лет компания расширила свою африканскую сеть и сегодня осуществляет деятельность уже в более чем 40 странах континента. На сегодняшний день *Huawei* входит в топ-3 телекоммуникационных компаний региона. Из нескольких десятков доступных 4G сетей в Африке более 70% принадлежит *Huawei*³. И активность компании в регионе лишь набирает обороты. В 2013 г. китайский телекоммуникационный гигант заключил сделку на 700 млн долл. на строительство сетей сотовой связи в Эфиопии, подписал соглашения на управление сетями связи в Нигерии и Замбии, а в богатой нефтью Анголе *Huawei* взялся за строительство LTE 4G сетей связи для государственной компании мобильной связи *Movicel*⁴.

ZTE Corporation — вторая по величине телекоммуникационная компания в Китае, и в то же время основной конкурент *Huawei* в Африке, имеющий 26 африканских офисов. Она также занимается строительством сетей на континенте. В 2006 и 2011 гг. эфиопский государственный телекоммуникационный монополист *Ethio Telecom* получил китайские займы на сумму 3,5 млрд долл., что позволило *ZTE* увеличить проникновение мобильной сети с 900 000 пользователей в 2006 г. до 17 млн в 2012⁵.

Строительство инфраструктуры и поставки информационных технологий, как правило, сопровождаются обучением персонала, которое не всегда является ценностно-нейтральным. Как замечают некоторые исследователи, по мере приобретения навыков работы, сотрудники впитывают культурные и политические ценности, на основе которых базируются подобные тренинги [6]. Ведь часто стажировка осуществляется именно в китайских медиакомпаниях. Кроме того, они перенимают и китайский взгляд на ведение журналистской практики, получая возможность сравнить этот подход с тем, что предлагают западные медиаспециалисты.

Масштабы распространения китайского медиавлияния набирают обороты, вызывая недовольство у защитников прав человека, свободы прессы и западных

¹ *Jacobs A.* Pursuing Soft Power, China Puts Stamp on Africa's News [Электронный ресурс] // The New York Times 16.08.2012 URL: <http://www.nytimes.com/2012/08/17/world/africa/chinas-news-media-make-inroads-in-africa.html> (дата обращения: 12.12.2017).

² Literacy and non-formal education [Электронный ресурс] // Официальный сайт UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/new/en/dakar/education/literacy/> (дата обращения: 12.12.2017).

³ *Farid F. Y.* Huawei looks to Africa to cut network deals [Электронный ресурс] // This is Africa. 9.03.2016. URL: <http://www.thisisafrikaonline.com/News/Huawei-looks-to-Africa-to-cut-network-deals?ct=true> (дата обращения: 12.12.2017).

⁴ *Reed J.* Africa's Big Brother Lives in Beijing: Is Huawei wiring Africa for surveillance? Or just for money? [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 30.07.2013. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/07/30/africas-big-brother-lives-in-beijing/> (дата обращения: 12.12.2017).

⁵ См. там же.

конкурентов. Они не связывают информационное наступление Китая с возможным стремлением обеспечить свободу информации и самовыражения. «Если они не предоставляют эти свободы своим гражданам, почему они должны вести себя по-другому где бы то ни было еще?»¹ Западные исследователи также призывают страны Африки к переоценке своего отношения к китайскому медиавторжению. Они отмечают двойственность последствий китайской медиаактивности [4]. С одной стороны, африканские государства получают необходимую информационную и телекоммуникационную инфраструктуру, доступ к информации, рабочие места, но, в то же время, иностранные СМИ помогают формировать определенный дискурс, картину восприятия мира, которая не всегда предстает перед зрителями в полном реальном объеме. Поэтому специалисты призывают обратить особое внимание на последствия такого медиаобогащения в виде ослабления медиа-демократии, а также тщательно взвесить соотношение между краткосрочной выгодой и возможными долгосрочными негативными последствиями.

Отсталость развития африканского региона вынуждает местные правительства и частные компании идти на сделки с иностранными партнерами, которые не всегда несут исключительно положительный эффект. В этом случае стремление сторон к собственной выгоде неизбежно приводит к определенным рискам для обоих участников соглашения. Нестабильность региона несет риски для иностранных инвесторов, в то время как активная экспансионистская политика иностранных государств несет для африканских государств угрозу «растворения одних культур в других» [2]. В этой ситуации Африка стоит перед выбором: сотрудничество с Западом, который очевидно предоставляет помощь лишь в обмен на жесткие политические реформы, и Востоком в виде Китая, провозглашающего общие с африканцами ценности и взгляды, схожее прошлое, и не требующего открыто каких-либо кардинальных изменений внутренней жизни африканских государств [1]. В последнее время выбор восточного пути развития становится все более очевидным. При этом, как показывают исследования, несмотря на возникающие страхи перед усилением китайского влияния, африканское медиасообщество не видит реальной угрозы со стороны «китайского дракона» [6].

Таким образом, распространение китайского влияния в африканской медиасреде происходит в различных направлениях — от производства и распространения контента до прямых инвестиций в инфраструктурные проекты, развитие региональных СМИ и обучение африканских журналистов. По мнению ряда специалистов, подобные инвестиции напрямую связаны с мощными геополитическими и экономическими интересами Китая и не могут способствовать независимому представлению информации. Другие смотрят на это более оптимистично, полагая, что китайский опыт будет способствовать оздоровлению африканской системы массмедиа. Но все исследователи, в целом, сходятся во мнении, что, обладая значительным потенциалом для вторжения в информационный и телекоммуникационный сектор и во многом превосходя своих западных конкурентов, Китай надолго задержится в Африке.

Такой прогноз идет в одном ключе с целями провозглашенной концепции «Одного пояса — одного пути», ориентированной на возрождение всестороннего влияния Китая в мире. Информационное наступление Китая в Африке является еще одной ступенью на пути к достижению этой глобальной цели. Используя широкую информационную сеть по всему африканскому континенту, Китай обеспечил себе условия для эффективного продвижения позитивного имиджа, а также формирования дис-

¹Jacobs A. Pursuing Soft Power, China Puts Stamp on Africa's News [Электронный ресурс] // The New York Times 16.08.2012. URL: <http://www.nytimes.com/2012/08/17/world/africa/chinas-news-media-make-inroads-in-africa.html> (дата обращения: 12.12.2017).

курса, благоприятного для достижения своих политических целей, при этом не вызывая у аудитории отторжения предлагаемой информации. Китай предстает перед африканской публикой в образе партнера, предоставляющего выгодные займы и помощь в развитии инфраструктуры, образца для подражания, демонстрирующего эффективную модель развития. И, безусловно, позитивное информационное сопровождение растущей активности Китая в регионе способствует дальнейшему благоприятному развитию экономической и политической деятельности Китая в африканских государствах.

Подобная тенденция отражает существенные изменения в характере вовлечения Китая в мировые процессы. Заинтересованность Китая в делах африканских государств обусловлена, в первую очередь, их геополитическими целями, явно выраженными на фоне растущей взаимозависимости государств и неконтролируемой конкуренции за материальные ресурсы. В такой ситуации непрерывная экспансия китайской коммерческой активности и инфраструктурные инвестиции напрямую зависят от успеха стратегической коммуникации Китая и применения «мягких» средств влияния, что эффективно демонстрируется Китаем в процессе достижения их «китайской мечты».

Литература

1. Панцеров К. А. Россия и Китай: к вопросу установления глобального лидерства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2015. № 1 (17). С. 35–42.
2. Панцеров К. А. Страны Африки в современном взаимозависимом мире: диалог культур или столкновение цивилизаций? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 4. С. 95–105.
3. Панцеров К. А. США в Тропической Африке: партнерство или конкуренция с Китаем? // Вызовы и дилеммы внешней политики США в начале XX в.: региональные аспекты / отв. ред. Б. А. Ширяев, Я. В. Лексютина, А. Н. Богданов. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 104–121.
4. Franks S., Ribet K. China-Africa Media Relations // Global Media and Communication. 2009. N 5 (1). P. 129–136.
5. Hsueh R., Nelson M. B. Who Wins? China Wires Africa: The Cases of Angola and Nigeria // Paper presented at NYU/Giessen Development Finance Conference. New York University School of Law. New York. April 9, 2013. URL: <http://www.iij.org/wp-content/uploads/2017/02/Hsueh-Who-wins-2003.pdf> (дата обращения: 31.03.2017).
6. Madrid-Morales D., Wasserman H. Chinese Media Engagement in South Africa: What is its impact on local journalism? // Journalism Studies. Published: 10 January 2017. P. 1–18.
7. Wasserman H. Reporting China in Africa: media discourses on shifting geopolitics. London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.

Об авторе:

Хижняк Мария Владимировна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); mariakhizhnyak@gmail.com

References

1. Pantserov K. Russia and China: to the issue of establishing global leadership // Eurasian integration: economics, law, politics [Evrasiiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. N 1 (17). 2015. P. 35–42. (In rus)
2. Pantserov K. The countries of Africa in the modern interdependent world: the dialogue of cultures or the clash of civilizations? // Bulletin of the St. Petersburg University. Series 6. Political science. International relationships [Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. Is. 4. P. 95–105. (In rus)
3. Pantserov K. USA in Tropical Africa: partnership or competition with China? // Challenges and dilemmas of US foreign policy in the early twentieth century: regional aspects / Ed. by B. A. Shiryayev, Ya. V. Leksyutina, A. N. Bogdanov. SPb.: Scythia-print, 2014. P. 104–121. (In rus)

4. Franks S., Ribet K. China-Africa Media Relations // Global Media and Communication. 2009. N 5 (1). P. 129–136.
5. Hsueh R., Nelson M.B. Who Wins? China Wires Africa: The Cases of Angola and Nigeria // Paper presented at NYU/Giessen Development Finance Conference. New York University School of Law. New York. April 9, 2013. URL: <http://www.iilj.org/wp-content/uploads/2017/02/Hsueh-Who-wins-2003.pdf> (date of the address: 31.03.2017).
6. Madrid-Morales D., Wasserman H. Chinese Media Engagement in South Africa: What is its impact on local journalism? // Journalism Studies. Published: 10 January 2017. P. 1–18.
7. Wasserman H. Reporting China in Africa: media discourses on shifting geopolitics. London : Routledge, Taylor & Francis Group, 2015.

About the author:

Maria V. Hizhnyak, graduate student of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation); mariakhizhnyak@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом РАНХиГС для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям “Ulrich’s Periodicals Directory” (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/login>). Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций ERIH PLUS (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>)

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК, редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»;
 - ♦ после проведения научной экспертизы редакция вправе запросить две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.

3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - ◆ сведениями об авторах (на **русском и английском языках**), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках**.
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, межстрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе(-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 см (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста в низ полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным шрифтом, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;

- ♦ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
- 5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ♦ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ♦ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка дается на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (полный объем издания либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;
 - ♦ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком «точка с запятой»;
 - ♦ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой ...

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире : политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

♦ *Монографии:*

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ *Статьи в научных сборниках:*

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ *Публикации в многотомных изданиях:*

Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. : пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ *Статьи в научных журналах:*

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: Федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2, рис. 1). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2017. № 3(111) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. В. АНТОНОВА

Сдано в набор 01.03.2018.
Подписано к печати 15.03.2018.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 14,19 . Тираж 200 экз.
Заказ № 3/18.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97